

ISSN 2542-2375

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**2021
№ 1(17)**

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

SCIENTIFIC JOURNAL

**No. 1(17)
2021**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
**ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

2021
№ 1
(17)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи и массовых
коммуникаций
4 марта 2016 г.

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-68612

Журнал издается
с 2016 года
Периодичность 4 раза в год

Учредитель: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Редакционная коллегия:

А. В. Белова, доктор исторических наук, доцент, Россия
В. А. Верemenko, доктор исторических наук, профессор, Россия (главный редактор)
О. Р. Демидова, доктор философских наук, профессор, Россия
А. Дудек, доктор философии (PhD), Республика Польша
Л. П. Заболотная, доктор исторических наук, доцент, Республика Молдова
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор, Республика Казахстан
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент, Россия (зам. главного редактора)
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, Россия
К. Мацузато, доктор юриспруденции (PhD), Япония
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор, Россия
Д. Рансел, доктор истории (PhD), США
М. А. Текуева, доктор исторических наук, Россия
Л. Цзюань, доктор филологии (PhD), Китай
Т. К. Щеглова, доктор исторических наук, профессор, Россия

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией.

Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании.

Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются

Адрес учредителя:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10
Tel. +7(812) 451-93-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

SCIENTIFIC JOURNAL
**HISTORY OF
EVERYDAY LIFE**

2021
№ 1
(17)

The journal is registered by
The Federal Service for
Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media
March 04, 2016

The certificate
of the mass media registration
ПИ № ФС77-68612

The journal is issued
since 2016
Quarterly, 4 issues per year

Founder: Pushkin Leningrad State University

Editorial Board:

A. V. Belova, Doctor of History, Associate Professor, Russia
V. A. Veremenko, Doctor of History, Full Professor, Russia (chief editor)
O. R. Demidova, Doctor of Philosophy, Full Professor, Russia
A. Dudek, Doctor of Philosophy (PhD), Republic of Poland
L. P. Zabolotnaya, Doctor of History, Associate Professor, Republic of Moldova
S. I. Kovalskaia, Doctor of History, Full Professor, Republic of Kazakhstan
V. O. Levashko, Candidate of History, Associate Professor, Russia (deputy editor)
S. V. Liubichankovskii, Doctor of History, Full Professor, Russia
K. Matsuzato, Doctor of Law (PhD), Professor, Japan
N. L. Pushkareva, Doctor of History, Full Professor, Russia
D. Ransel, Doctor of History (PhD), Professor, USA
M. A. Tekueva, Doctor of History, Russia
L. Juan, Doctor of Philology (PhD), China
T. Shcheglova, Doctor of History, Full Professor, Russia

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements for authors established by editorial board.

The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Papers which do not follow the rules are rejected by the editorial board

Founder's address:

196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Editorial board's address:

196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 451-93-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

Содержание

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

- И. Владимирски, М.В. Кротова*
Золотые прииски сибирской тайги в конце XIX – начале XX в.:
взгляд изнутри.....6
- С.В. Зайцев*
Деятельность немецкого пивовара Иоганна Гоффа
и ее оценка современниками 34

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

- Т.К. Щеглова, А.А. Гоппе*
Экологическая антропология: адаптация повседневных практик
крестьянской семьи к особенностям водных ресурсов степных
территорий юга Западной Сибири в 1930–1950-е гг. 51

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

- Д.А. Коско*
Александр II и польский вопрос накануне январского восстания
1863–1864 гг. 63
- Е.В. Дианова*
Эволюция практики имянаречения
в первые десятилетия советской власти.....76

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

- Л.П. Заболотная*
Личная жизнь Антиоха Кантемира: тайная семья в Париже 104

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

- Е.В. Годозова*
Отражение в исторических источниках общественной
и частной жизни российской прислуги в пореформенный период.
Рецензия на книгу «Прислуга в Российской империи во второй
половине XIX – начале XX в.: сб. документов и материалов» /
отв. ред. В.А. Веремченко. СПб.: Медиапир, 2020. 184 с. 127
- Сведения об авторах 131

Contents

ECONOMIC DAILY LIFE

- Irena Vladimirski, Mariya V. Krotova*
Gold mines of Siberian taiga at the end of the XIX –
the beginning of the XX centuries: a view from inside 6
- Semen V. Zaitsev*
The activities of the German brewer Johann Goff
and its assessment by contemporaries 34

REGIONAL ASPECTS OF HISTORY OF DAILY LIFE

- Tat'yana K. Shcheglova, Anastasiya A. Goppe*
Ecological anthropology: peasant family everyday practices' adaptation
to the peculiarities of water resources of the steppe territories
of the South of Western Siberia in the 1930–50s 51

GOVERNMENT AND SOCIETY

- Danila A. Kosko*
Alexander II and the Polish question on the eve
of the January Uprising 63
- Elena V. Dianova*
Evolution of the practice of naming in the first decades of Soviet power 76

PERSONALITY IN HISTORY OF EVERYDAY LIFE

- Liliya P. Zabolotnaya*
Antiochus Cantemir's personal life: secret family in Paris 104

REVIEWS

- Elena V. Godovova*
Reflection of public and private life of Russian servants
in the post-reform period in the historical sources
Book review: Servants in the Russian Empire in the second half
of the XIX – early XX centuries: collection of documents and materials /
chief ed. V.A. Veremenko. SPb.: Mediaapir, 2020. 184 p..... 127
- About Authors 132

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 669.213(091)(292.511/.516)"19"

ГРНТИ 03.21.31: История России Нового времени

DOI 10.35231/25422375_2021_1_6

И. Владимирски, М.В. Кротова

Золотые прииски сибирской тайги в конце XIX – начале XX в.: взгляд изнутри*

«Золотое дело» в Сибири, особенно со второй половины XIX в., привлекало внимание специалистов, исследователей и предпринимателей. В этот период центр российской золотопромышленности переносится в Восточную Сибирь, за которой на долгие годы закрепляется статус «золотого дна» и «золотого пояса» России. Дополнения 1870 г. в Горном уставе открывают путь к занятию золотопромышленным делом новым группам населения, обладающим как деньгами, так и практическими знаниями и опытом. Именно тогда золотодобывающая промышленность стала ведущей отраслью сибирской экономики, причем 2/3 всего добытого золота приходилось на Восточную Сибирь. Сибирской золотопромышленности посвящены сотни книг, однако акцент в них сделан на экономическую и техническую составляющую или на состояние рабочего вопроса, но организаторы золотопромышленных предприятий остались вне поля зрения исследователей. Тем не менее надо признать, что без изучения личностей золотопромышленников, их вклада в развитие сибирской тайги, деталей и подробностей приискового быта невозможно понять особенности золотого дела. Нюансировка отдельных сторон деятельности и изучение повседневных практик золотопромышленников позволяют понять не только сибирскую специфику добычи золота, но и проблемы взаимоотношений работодателей и рабочих, центральной власти и провинции. Авторы поставили перед собой задачу проанализировать деятельность отдельных золотопромышленников, рассмотреть условия добычи золота, показать проблемы золотопромышленности в Сибири в конце XIX – начале XX в., выявить особенности менталитета предпринимателей и рабочих. Источниками для статьи послужили работы исследователей Сибири, дневники, мемуары и публикации золотопромышленников, материалы сибирской периодической печати, архивные материалы, которые отражают дух эпохи и колорит времени. Авторы приходят к выводу, что сложившиеся устойчивые представления о сибирской золотопромышленности в конце XIX – начале XX в. нуждаются в пересмотре, учитывая взгляд самих организаторов золотого дела в Восточной Сибири, вкладывавших капиталы и труд в освоение сибирской тайги, техническое усовершенствование процесса золотодобычи, формирование инфраструктуры; развитие культуры и образования Восточной Сибири.

Ключевые слова: золотопромышленность, Восточная Сибирь, тайга, золотые прииски, предпринимательство, повседневные практики, эго-документы, С.В. Востротин, Я.Д. Фризер, Ленское золотопромышленное товарищество.

© Владимирски И., Кротова М.В., 2021

* Исследование было проведено в рамках грантовой программы исследовательского центра частного учреждения культуры «Еврейский музей и центр толерантности» (Москва) при финансовой поддержке А.И. Клячина.

Gold mines of Siberian taiga at the end of the XIX – the beginning of the XX centuries: a view from inside

Since the second half of the XIX century, East Siberia got its status as the «golden bottom» and the «golden belt» of Russia, became a center of gold mining industry and attracted attention of numerous professionals, researchers and entrepreneurs. The updated Mining Statute of 1870 allowed to additional groups of Russian population, which possessed wealth, practical knowledge and experience, to be involved in the gold entrepreneurship. Their initiative largely turned the gold mining into a leading Siberian industry with 2/3 of the Russian gold coming from East Siberia. Hundreds of books were written on the subject but practically all of them emphasized one or several sides of gold mining business: economic or technological, work force dynamics and labor legislation. The real figure of gold mines entrepreneurs and their efforts on establishing and promotion this vital for Siberia industry left out of view of the researchers. Without the overwhelming research of the portrait gallery of Siberian gold entrepreneurs, their personal knowledge and practical experience, peculiarities of everyday life of the gold mines the history of the Russian gold industry will be uncompleted. Siberian gold entrepreneurs besides their rich practical work experience in extraordinary geographical and climatic conditions, dealt with numerous aspects of workers-owners relationship and metropolis-periphery connections. The authors defined their tasks in analyzing the problems of Siberian gold industry at the end of the XIX – the beginning of the XX centuries, organization and administration of gold mines through the view of gold entrepreneurs, describing different mentalities of gold mines owners and their employees. The article is based on works of researchers of Siberia, diaries, memoirs and publications of gold entrepreneurs, which transmitted the feeling and the taste of the epoch, materials of Siberian press and central archives. The authors came to conclusion that established representation of Siberian gold industry at the end of the XIX – the beginning of the XX centuries deserves a revision with taking into account a work and experience of gold entrepreneurs as direct initiators of gold industry. These people who invested large wealth and efforts in transformation of Siberian taiga, technical improvement of gold mining process, establishing infrastructure for economy, culture and education deserve to become a part of polyphonic historical narrative.

Key words: gold mining industry, East Siberia, taiga, gold mines, entrepreneurship, everyday practice, ego-documents, S.V. Vostrovin, Ya.D. Frizer, the Lena Goldmining Company.

Введение. В XIX в. золото для Восточной Сибири стало системообразующим началом и основным источником дохода населения. Сибирь тогда получила разные имена: Русская Калифорния, Русский Клондайк, «золотое дно», «золотой пояс», «золотая кладовая». В обыденном сознании россиян на долгие годы закрепляется миф о Сибири как далекой, таинственной и полной сокровищ стране, где несметные богатства рассеяны по поверхности земли. Со второй половины XIX в., во многом

посредством трудов литераторов и публицистов, золотопромышленность окружается ореолом романтики и приключений, имеющих весьма отдаленное сходство с повседневными буднями как самих золотопромышленников, так и рабочих на золотых приисках. В центральной и местной прессе постоянно публикуются очерки и сообщения о поисках золота, покупке и продаже приисков, образе жизни их владельцев, тяжелой доле рядовых рабочих. С первого дня развития золотопромышленности в Сибири начинается складываться устойчивый дихотомический канон в описании жизни на золотых приисках, противопоставляющий жаждущего наживы владельца прииска и забитого эксплуатируемого рабочего.

В конце XIX в. публикуются исследовательские работы по золотопромышленности В.И. Семевского, М.Ф. Горбачева, П.В. Грунвальда [11; 12; 29]. Одновременно с ними появляются работы золотопромышленников-практиков: А.М. Сибирякова, М.Д. Бутина, Я.Д. Фризера, посвященные преимущественно таким темам, как открытие золотых месторождений, геологическим особенностям залегания золота, технике добычи, правительственному законодательству, налоговой политике, обеспеченности рабочей силой, написанным с глубоким знанием дела, использованием и анализом богатого фактического материала [5; 6; 32; 35–37].

Печально известный Ленский расстрел 1912 г. на приисках компании «Ленское золотопромышленное товарищество» (Лензото) вызвал новый всплеск интереса к золотопромышленности. Не было, пожалуй, ни одной газеты Российской империи, которая не написала бы о Ленском расстреле, появился огромный пласт работ, посвященных этому событию, в которых так или иначе затрагивались отдельные стороны добычи золота. Однако в большинстве работ как дореволюционных, так

и после революции акцент делался на чудовищных условиях труда рабочих, гнете и эксплуатации золотопромышленников-капиталистов. Из работ советского периода можно выделить труды 1920–1930-х гг., в которых содержится масса ценных сведений об организации золотого дела [1; 14; 19; 22; 34]. К сожалению, классовый подход большинства советских исследований с акцентом на тяжелых условиях труда и безудержной эксплуатации рабочих не дает возможности разглядеть за обобщенным портретом золотопромышленников их личности и вклад в развитие Сибири.

Возросший интерес к истории предпринимательства в России в целом и персонификации личности предпринимателя в частности характеризует изменение подхода к исследованию российской золотопромышленности начиная с 1990-х гг. Из большого числа исследований постсоветского периода необходимо отметить работы Л.В. Сапоговской, А.В. Старцева, П.П. Румянцева и других сибирских исследователей [3; 7; 26; 28; 30; 33; 38; 39]. Однако надо признать, что за редким исключением исследователей меньше всего интересовали условия и процесс добычи золота в Сибири в конце XIX – начале XX в. с точки зрения золотопромышленников, между тем именно взгляд непосредственных организаторов золотого дела заслуживает пристального внимания.

В настоящей статье хотелось бы затронуть особенности деятельности сибирских золотопромышленников, в частности, С.В. Вострина, Я.Д. Фризера, руководителей Ленского золотопромышленного товарищества (Лензото), проанализировать условия и содержание их работы, рассмотреть проблемы, с которыми им приходилось сталкиваться, неписанные традиции трудовых взаимоотношений между владельцами и рабочими на золотых приисках, особенности менталитета

предпринимателей и рабочих. Источниками для статьи послужили работы исследователей Сибири, эго-документы (дневники и мемуары золотопромышленников), материалы сибирской периодической печати, архивные материалы (работы Постоянной совещательной конторы платино- и золотопромышленников, документы Ленского золотопромышленного товарищества, отчеты горных инженеров), которые отражают дух эпохи и колорит времени. Методологической основой исследования стал комплексный междисциплинарный подход, объединивший разные стороны золотопромышленности: историю, экономику, этнографию, социологию, культуру.

Определенный портрет сибирского золотопромышленника сложился уже в первой половине XIX в. и видоизменялся с течением времени. Поначалу считалось, что добыча золота в Сибири – дело авантюристов и преступников. Открытие золота в Енисейской тайге в первой половине XIX в., где к середине века добывалось почти 95 % всего золота в России, привел к расцвету Красноярска и Енисейска, затем центр добычи золота переместился на северо-восток, в район рек Лены и Витима [34, с. 164]. Первоначальные капиталы золотопромышленников действительно нередко были делом случая, благодаря открытию богатой золотой жилы или россыпи. Однако ведение золотого дела было связано с немалым риском: вчерашние миллионщики могли стать банкротами, неудачно вложив деньги или потратив все средства на разведки, но не обнаружив золота. Горный инженер Л.А. Ячевский считал, что золотопромышленность в Сибири приобрела характер «биржевой игры»: «Почти всякий сибиряк, успевший скопить одну-другую тысячу рублей, бросается в этот омут и разве только один из тысячи выходит из него не разоренным, не разбитым» [31, с. 3]. С другой стороны, легко нажитые баснословные богатства стали причиной многочисленных чудачеств золотопромышленников, и по всей Сибири ходили рассказы о

разгульных кутежах золотых «заправил», швырянии денег на ветер и проч.¹ Тем не менее надо заметить, что из среды сибирских золотопромышленников вышло немало замечательных людей, которые находили новые пути и направления приложения своих капиталов [3; 7; 8; 9; 30; 33; 38; 39].

Основатель династии енисейских купцов Кытмановых Петр Михайлович был из крестьян. Он сколотил капитал на поставках провизии на золотые прииски, затем после открытия золотых месторождений стал одним из крупнейших енисейских золотопромышленников. Его сыновья расширили дело, стали владельцами пароходства, занимались торговлей, а внук Петра Михайловича Александр Игнатьевич Кытманов (1858–1910) стал известным ученым, общественным деятелем и благотворителем, жертвовавшим на нужды образования и просвещения, что, впрочем, было присуще многим золотопромышленникам. Крупным благотворителем был также представитель известной сибирской купеческой фамилии золотопромышленник А.А. Баландин, организатор акционерного товарищества «Драга», открывший частную библиотеку в Енисейске [7, с. 93–94]. Александр Михайлович Сибиряков (1849–1933), происходивший из семьи иркутских купцов-золотопромышленников, был владельцем золотых приисков, заводов, пароходства, спонсировал экспедиции Виггинса, Норденшёльда, пожертвовал на создание Томского университета 100 тыс. р., а умер в 1933 г. в нищете в Ницце.

---

¹ Н.П. Попов в своей книге приводит примеры показного презрения золотопромышленников к богатству, когда дорогие костюмы нарочно рвали, или для того, чтобы перейти улицу, кидали себе под ноги, чтобы не запачкать ботинки, пятирублевые бумажки [22, с. 107]. Этот золотопромышленный фольклор был настолько устоявшимся, что А.Р. Альшанский в предисловии к своей книге пишет: «Золотой промысел в руках капиталистов выпестовал тип хищника старателя, который „не брал сдачи с десяти рублей“ и устраивал триумфальные шествия от кабака до дома терпимости» [1, с. 1].

Он много сделал для исследования Северного морского пути и судоходства сибирских рек, так как считал, что именно водные пути сообщения в Сибири станут толчком к ее развитию [32].

Известный иркутский купец, миллионер Михаил Дмитриевич Бутин (1835–1907) – золотопромышленник, которому принадлежали Дарасунские золотые прииски, имел, помимо прочего, винокуренные заводы, занимался торговлей. В Нерчинске он построил большой дом в виде замка с картинной галереей, музеем, библиотекой, который окружал сад с оранжереей. Огромное зеркало, украшавшее танцевальный зал дома, было доставлено в Нерчинск из Парижа. При доме был свой музыкальный оркестр [20, с. 277]. Этот «бутинский замок» до сих пор является главной достопримечательностью Нерчинска, кроме того, в Нерчинске М.Д. Бутин построил за свой счет здание реального училища, музыкальной школы, аптеки, создал частный музей из нескольких сот предметов, привезенных им из Европы и Америки, пригласил политического ссыльного Алексея Кирилловича Кузнецова заняться устройством сельскохозяйственной фермы в предместье города Зырянхи. А.К. Кузнецов в одном из писем так отзывался о нем: «Всесильный здесь Бутин – золотопромышленник и крупный торговец, ... хотя, как и всякий купец, прежде всего эксплуататор, но как человек хороший и в этом отношении ничего не имеет общего с нашими коммерсантами» [15, с. 23]. М.Д. Бутин стал одним из первых купцов, который поднимал вопросы золотопромышленности в местной и столичной печати. В одной из брошюр Бутин утверждал, что важнейшим «подспорьем» для края является золотопромышленность, «дающая хорошо оплаченный заработок рабочему, представляющая населению надежное и выгодное место сбыта разных продуктов, не говоря о занятиях множества мелких поставщиков, подрядчиков и т. п., и кроме того, способствующая развитию хлебопашества, так как она своим существованием вызывает

усиленный спрос на хлеб и прочие сельские произведения» [5, с. 4]. Он считал, что необходимо поддерживать и развивать эту отрасль, на которой держалась экономика края, что именно она приведет Сибирь к «процветанию и благосостоянию», развитию образования, торговли и промышленности [5, с. 15].

Иван Васильевич Кулаев (1857–1941) – купец, уроженец Енисейской губернии, был из семьи ссыльнопоселенца, занимался торговлей, золотопромышленностью, железнодорожным строительством в Сибири и Маньчжурии. Заработав большие средства, он помогал землякам уже в эмиграции, создав в 1930 г. благотворительный фонд им. И.В. Кулаева, пожертвовав в него 200 тыс. долларов, который существует и сегодня. Будучи, как и многие сибирские золотопромышленники, низкого происхождения, имея четыре класса образования, Кулаев стал известен в купеческой среде, встречался в Петербурге с министрами А.Н. Куропаткиным, С.Ю. Витте, В.Н. Коковцевым, нисколько не смущаясь разницей в социальном статусе [20]. В своих мемуарах Кулаев упоминал о многих золотопромышленниках, в том числе о ЗахариИ Михайловиче Цыбульском (1817–1882), – томском миллионере, имевшем дачу с танцевальным залом, бильярдной комнатой, оркестром музыкантов, прекрасным садом с оранжереями, где к Рождеству подавалось несколько созревших апельсинов, причем содержание дачи Цыбульскому обходилось в 40 тыс. р. Разбогатев на золоте, он не скупился на благотворительность: пожертвовал 200 тыс. р. на застройку кафедрального собора в Томске, 200 тыс. р. дал на строительство первого сибирского университета в Томске, открыл лечебный курорт на озере Шира в Минусинском округе [20, с. 240].

В воспоминаниях енисейского купца, политического и общественного деятеля и публициста Степана Васильевича Востротина (1864–1943), написанных в эмиграции, представлена не только история семьи,

но и особенности золотого дела, а также замечательные подробности быта сибирских золотопромышленников [10]. Дед Степана Васильевича был родом из крепостных крестьян Каслинского завода Екатеринбургского уезда Пермской губернии. После реформы 1861 г. он приехал в Енисейск, где сумел быстро разбогатеть, и занялся золотопромышленностью. Начальный капитал он, как и многие, составил на мелких посреднических услугах, разносной торговле мануфактурой и галантереей. Вместе с братом Василием он создал «Товарищество братьев Востротиных», которое до 1911 г. разрабатывало 14 приисков с годовой добычей золота на 125 тыс. р. [28, с. 277]. Какое-то время дед работал на приисках компании братьев Зотовых, от которой его отец потом взял в разработку Титовский прииск. Дед брал Востротина еще мальчиком в поездки на прииски (впервые в восемь лет), и Степану Васильевичу запомнились чувство опасности, дикости природы и огромных расстояний, а также особенности приискового быта тунгусов с оленями, сдачи золота два раза в день, маленькой медной пушки, извещавшей особым выстрелом о каждом намытом пуде золота в течение дня (пушку эту дед потом пожертвовал в городскую пожарную команду Енисейска, где она давала салюты). Востротин часто беседовал с дедом о начале семейного золотопромышленного дела и особенностях его ведения: отсутствие письменных расписок, все сделки совершались на веру, а утайка золота компаньоном или посредником считалась из ряда вон выходящей. Со многими торговцами отношения и торговые связи поддерживались в течение многих лет.

В своих воспоминаниях Востротин оставил впечатления о золотопромышленных резиденциях, расположенных на противоположном берегу Енисея, куда выходили дороги с приисков, которые тянулись по берегу Енисея на протяжении до 5 верст одна за другой. Эти резиденции представляли из себя настоящие помещичьи усадьбы с домами

для хозяев, служащих, казармами для рабочих, конными дворами, многочисленными амбарами, кузницами, банями, лавками с разнообразными товарами. Квартиры хозяев, уполномоченных, управляющих были прекрасно обставлены (имелись бильярды и музыкальные инструменты), у многих были столичные повара, запасы дорогих вин и шампанского лучших марок, консервов и заморских деликатесов.

Запомнились Востротину поездки с отцом на отдаленные прииски на р. Вангаш, к которой присоединялись другие золотопромышленники: к концу поездки образовывалась большая кавалькада. Он с удовольствием описал типажи владельцев приисков, в частности, поляка Клементовского, сосланного в Сибирь после польского восстания 1863 г., «отличавшегося громадным ростом и атлетическим сложением»: «весельчак, ездивший всегда с медной трубой, в которую выводил разные рулады, разносившиеся по лесу. Это он делал больше во избежание встречи с медведем, больше возлагая надежды на трубу, чем на какое-либо оружие». Когда Востротин вступил после смерти отца в дело, ему пришлось вникать в золотопромышленное дело, читать много литературы, общаться с разными лицами: торговцами, поставщиками грузов, крестьянами местной округи, занимавшимися доставкой припасов на прииски, с приисковыми рабочими. И этот опыт описан в его воспоминаниях.

Примером непосредственного организатора золотого дела в Восточной Сибири может служить баргузинский купец 1-й гильдии Яков Давидович Фризер (1869–1932), который, будучи уроженцем маленького городка Баргузина в Забайкалье, объездил эту территорию вдоль и поперек с картой в руке. С подросткового возраста был введен отцом в семейное золотое дело, приобрел опыт общения с разными социальными категориями людей и хорошо изучил особенности золотопромышленного бизнеса. Кроме чисто практической работы в золотопромышленности, Яков Давидович стремился поделиться своими знаниями и опытом с другими золотопромышленниками. Он написал и опубликовал несколько работ по разным аспектам практического

управления приисками, которые можно считать подлинной энциклопедией золотого дела [35–37]. В них он описал географические и геологические особенности, климат и природные условия Баргузинской тайги, население этого края, юридические и административные правила золотодобычи, личный опыт своих удач и разочарований.

Фризер обратил внимание на то, что само по себе обнаружение богатого золотом месторождения еще не было гарантией успеха, нужны были правильная постановка и организация золотых работ. Золотоносные местности Восточной Сибири, как правило, находились в удаленных и труднодоступных местах, где отсутствовали какие-либо пути сообщения. Так, Витимскую тайгу живописал журналист П. Белецкий: «Район этот, хотя и был известен в смысле золотоносного, но взоров ничьих не привлекал и среди золотопромышленников не находилось охотников снаряжать поисковые партии без всякой гарантии за успех, в местах, где сплошные исполинские хребты, обнаженные или покрытые дремучим девственным лесом, проходимы только для пешего, да и то не везде, и где снега зимою выпадают до сажени и более глубиною» [2, с. 2]. К тому же путь в тайге зависел от времени года, погоды, спада и разлива бесчисленных рек и речушек. В отдельные участки тайги провизию и оборудование можно было доставить только на оленях, но даже аборигены тайги – ороконы и буряты – не соглашались на перевозку грузов. Фризер в своем очерке «Золотопромышленность в Баргузинском округе и ее нужды» приводит эпизод, когда один из бурят – Сиден Урбаткаев, согласившийся на вьючную перевозку ста пудов груза в тайгу, попросил Фризера поклясться, что в случае его гибели он будет поддерживать его семью, пока не вырастут дети. Урбаткаев действительно заплутал в тайге (его проводник бежал), провел в ней около четырех месяцев и потом некоторое время страдал серьезным психическим расстройством [35, с. 50].

Вопросы создания транспортной инфраструктуры с целью облегчения доставки продуктов и материалов на прииски были основными проблемами золотопромышленников, которые нередко разорялись, потратив все средства на доставку провизии. Именно владельцы приисков проложили первые пешие, верховые и водные пути в тайге, спонсировали исследования новых дорог, проводку телеграфа и телефона, организацию работы почтовых станций и доставку корреспонденции. Когда в 1866 г. Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества предпринял снаряжение Олекминской экспедиции, задавшей целью отыскать скотопрогонный путь из Олекминских золотых промыслов в Нерчинский край, ленские золотопромышленники Катышевцев, Басин, Базанов и Трапезников пожертвовали на нужды экспедиции 5 200 р., кроме того, взялись доставить экспедицию за свой счет от Верхоленска до Тихонозадонского прииска, где должны были начаться исследования. Руководить экспедицией было поручено князю П.А. Кропоткину. Кроме исследования скотопригонного пути, он должен был вести путевой журнал, проводить метеорологические наблюдения, собирать гербарий, коллекцию насекомых [18, с. 448].

Сложности устройства путей сообщения описаны в воспоминаниях С.В. Востротина, дед которого непосредственно участвовал в прокладке новых дорог в Енисейской тайге: «Землемер с астролябией давал прямое направление, которого и держались на протяжении многих верст при прорубке первобытного леса... Главную трудность при прокладке представляли болота и топкие места. Чтобы сделать такие места проезжими, приходилось класть сплошные деревянные настилы (помосты), уложенные на деревянных же слегах, а через ручьи и речки перебрасывать мосты. Кроме лесорубов на прокладке дороги работало много пильщиков, которые распиливали пополам сваленные гигантские

деревья, и этими распиленными половинами, их гладкой поверхностью вверх, вымощивался путь. Через каждые 30 верст были построены зимовья с домами для зимовщика и проезжающих. Проезд сделался возможным даже для четырехколесных экипажей» [10]. Однако в удовлетворительном состоянии дорога держалась в течение 10–15 лет, пока не сгнили деревянные накаты и настилы, затем приходилось постоянно подновлять и ремонтировать дороги, опять же за счет золотопромышленников, которые искали способы улучшения инфраструктуры.

Альтернативой дорогам мог быть водный путь, однако и он был полон опасностей, особенно в Витимской тайге. Горный инженер А. Левицкий, проехавший с инспекцией приисков в 1902 г., сообщал о тяжелом и изматывающем путешествии: «Витим до Муйской долины течет почти в ущелье, образует три порога, плавание довольно затруднительное, ибо плот легко может разбиться о подводные камни, загромождающие русло реки (надо было хорошо знать местные географические особенности)» [25, л. 68 об.]. Улучшением водных путей, созданием пароходного сообщения по Енисею, Лене и Витиму занимались как частные золотопромышленники, так и крупные акционерные компании. В Восточной Сибири еще в 1860-х гг. возникли пароходства купцов Трапезниковых, Сибирякова, Немчинова, Базанова, Глотова, Громовой, Кушнарера, Фризера, Ленского золотопромышленного товарищества [13].

В 1895 г. в Бодайбо «Компанией промышленности» была построена частная узкоколейная железная дорога, появилось автомобильное сообщение, которое сократило путь до приисков. Даже после сооружения Великого Сибирского пути до Ленских золотых приисков из Санкт-Петербурга приходилось добираться около 12 суток: поездом до Иркутска, затем лошадьми или автомобилем до Качуга (пристани на р. Лене),

от него в зависимости от состояния воды пароходами или лодками до Бодайбо, затем местной узкоколейной железной дорогой [23, л. 5]. Однако Г. Кузбасов, добираясь от Иркутска до Бодайбо в 1926 г. (1800 верст), сообщал, что путь этот «занимает от двух недель до месяца, в зависимости от способностей, „случая“ и „чина“, и нужно иметь выносливый характер любителей приключений и сильных ощущений для того, чтобы сделать эту поездку» [19, с. 128]. Вопрос о средствах сообщения в Сибири неоднократно поднимался и в советский период, в том числе учитывались дореволюционные исследования золотопромышленников.

Золотопромышленники должны были строить не только дороги, но и жилье для рабочих, склады провианта и одежды, церкви и школы, вести торговые операции, заготавливать сено, дрова и продукты, заниматься благоустройством территорий и усовершенствованием способов добычи золота. Процесс добывания золота был тяжелым и сложным. Почти исключительно применялся мускульный труд людей и лошадей. Золото надо было извлечь из земли, а затем отделить от камней и промыть песок. Преобладал ручной способ с промывкой песков на бутарах (драги использовали в редких случаях). Для этого делали «разрезы» (траншеи), шахты и «орты» (горизонтальные шахты), чтобы достать породы и промыть их в специальных приспособлениях: сплотках, бутарах, «кулибинах», вашгердах. Востротин в своих воспоминаниях писал, что в основном добыча велась старыми дедовскими способами, однако и устройство даже таких примитивных машин требовало немало затрат и было доступно лицам со средствами или крупным компаниям. Разработка россыпей затруднялась непростыми климатическими условиями. Так, при разработке Многообещающего прииска Я.Д. Фризера на р. Тулдуни в 1896–1898 гг. за лето раз 15–20 сносило бутары и затопляло разрезы [35, с. 101].

Золотопромышленники пытались вводить усовершенствования, выписывая из-за границы машины, как, например, М.Д. Бутин, который на своих Дарасунских приисках использовал самопрокидывающиеся вагонетки, цепные самотаски и проч. [6]. На приисках Лензото использовались водобойные колеса, локомобили, была построена первая гидроэлектростанция в Сибири, применялись электрические подъемники в шахтах [26, с. 43]. С конца 1890-х гг., когда прежние богатые россыпи стали вырабатываться, золотопромышленники начали искать пути к получению золота из россыпей механическими способами: с 1897 г. – драгами, с 1899 г. – гидравлическими установками. Хотя инженер К.Н. Тульчинский считал, что работа драгами была переоценена: их ставили на приисках без предварительной разведки и без исследования свойств грунта и учета сибирского климата, к тому же их доставка и расходы по эксплуатации были достаточно высоки. Поэтому до революции механическими способами (дражным, гидравлическим, рудным механическим, рудным химическим) было добыто только 3,7 % от всего количества добытого золота в Сибири [34, с. 167].

Рабочий контингент в золотопромышленности отличался от других отраслей, так как здесь сложился определенный тип рабочего, живущего «особой своевольной жизнью со своими нередко дикими обычаями и законами» [24, л. 1 об.]. Существовали разные категории рабочих: «хозяйские», «старатели», «золотничники», «хищники», «бродяги». Хозяйскими называли рабочих, которые нанимались за определенную плату (поденную или с количества выработки) к владельцам приисков или золотопромышленным компаниям. Хозяева давали рабочим «обстановку» – одежду, припасы, необходимые орудия труда, отвозили на прииски и заключали с ними «ряд» или договор. Иногда рабочие являлись на промыслы артелями, в которых существовали взаимопомощь и

наказания за проступки, причем хозяева облагали артели круговой порукой. Старатели и золотничники работали самостоятельно, могли объединяться в артели и арендовать у крупных владельцев участки за часть добытого золота – плата производилась золотниками. Хищники были «таежными волками», которые бродили по тайге с кайлом и лопатой, часто становясь первооткрывателями месторождений. Они никому не платили, добывали золото тайком и скрывались при приближении начальства. Приисковые бродяги представляли собой особый тип. Обычно они предлагали свои услуги владельцам приисков, чтобы те снарядили их на поиски только им известных мест.

Рабочие команды отличались неустойчивостью, среди приисковых рабочих было много новичков, «искателей счастья», которые оставались на 1–2 сезона и затем спускали все заработанные деньги в ближайших к приискам жилых пунктах. Е. Брешко-Брешковская, которая провела несколько лет на поселении в Баргузине – одном из центров для рабочих и владельцев золотых приисков в южной части Олекминской системы, заметила, что «весной и осенью рабочие, направлявшиеся на прииски или покидавшие их, останавливались в Баргузине, забирали свой заработок и растрачивали его в игорных домах, либо пропивали» [4, с. 201]. О гомерическом пьянстве, карточных играх, мотовстве, особом шике рабочих упоминали в своих работах практически все свидетели приисковой жизни. Г. Кузбасов, прибыв в 1926 г. в Бодайбо – центр «золотой Лены», отметил, что в этом городке много ресторанов и трактиров, сюда приезжают «погулять» и прокутить заработки многих трудовых дней» [19, с. 131].

Н.П. Попов собрал сведения о нравах на приисках, в том числе о профессиональном воровстве, бродяжничестве, проституции, торговле спиртом и золотом. Он заметил, что хозяева рисовались в сознании ра-

бочих чужим, враждебным лагерем, так как рабочие оказывались в «закрепощенности» – полной зависимости от золотопромышленника [22, с. 85]. Однако в воспоминаниях золотопромышленников отношения хозяев и рабочих рисуются другими красками. Когда С.В. Востротин вступил в дело и стал объезжать свои прииски, он вспоминал особую атмосферу прибытия на прииски: «По приисковому обычаю, к приезду хозяина являлась делегация рабочих поздравить его с благополучным прибытием. Это означало со стороны хозяина угощение чаркой водки всей команды рабочих. Эта первая чарка устанавливала начало добрых отношений между хозяином и рабочими, ... когда вся масса рабочих подходила к хозяйскому дому и здесь, около выставленного угощения – деревянной кадучки или оцинкованного ведра с разведенным спиртом, начиналась первая беседа. Оживление среди собравшихся нарастало, развязывались языки и начинались вспоминаться эпизоды из прошлых взаимоотношений с покойным хозяином» [10].

В среде золотоискателей были распространены таежные сказы о тайнах и сокровищах тайги, существовало понятие форта, особенно среди старых приисковых рабочих, которые чуяли – «нюхали», по их выражению, золото [26, с. 91; 35, с. 51]. Считалось, что каждый таежный бродяга должен знать какой-нибудь заветный «ключик» с богатой россыпью. Фризер приводит историю о старом хищнике «Севастополе», который, выйдя из тюрьмы, стал популярной фигурой в Баргузинской тайге: все старались угодить ему, чтобы выведать местонахождение какой-нибудь богатой россыпи (поили чаем, водкой, давали денег), но потом разочаровались – он ничего не нашел, был пойман полицией и снова заключен в тюрьму. Другим распространенным убеждением было то, что работники не рассказывают хозяевам о найденных россыпях, предпочитая воспользоваться ими лично. Так, доверенный забайкальской фирмы Кандинских, открывший в 1857 г. богатые золотом площади

по р. Итыгдикану и Мухтунной, умер в нищете и перед смертью пустил слух, что лучшие россыпи он утаил от хозяев [35, с. 52].

Журналист Павел Белецкий заметил, что открытие приисков всегда было связано с опасностями: «Дела закипели, зазвенело золото, полился спирт рекой, а вместе с ним и человеческая кровь» [2, с. 2]. Убийства из-за золота не были редкостью, о чем свидетельствовали многочисленные упоминания в прессе и в воспоминаниях. На особые свойства золота указал современный исследователь А.С. Эткинд: «золото не гниет и не горит; но оно беззащитно перед кражей, расхищением, коррупцией и уязвимо перед лицом зла и пороков» [40, с. 255]. О страшных случаях изощренных убийств в тайге, связанных с кражей золота, в том числе во время доставки его в золотосплавочные лаборатории, упоминают почти все мемуаристы [20, с. 125; 22, с. 105; 35, с. 48]. Опасности подстерегали золотопромышленников даже во время найма рабочей команды на прииски: так, один из кандидатов ссыльнопоселенец Амбаров («человек нетрезвый и ненадежный»), когда Фризер отказался взять его на работу (хотя и предложил на обратную дорогу хлеба и 5 р.), выстрелил в него в упор прямо в конторе, правда, пули «случайно миновали» [35, с. 96].

В статье «Сибирского сборника» за 1886 г. анонимный автор сетовал на то, что на прииски «нанимается всякий сброд, да и тот предварительно спаивается... Заколдованный круг пьянства, разврата, надувательства со всех сторон. Вторая причина зла – сама приисковая жизнь, каждодневная, на открытом воздухе утомительно тяжелая работа, монотонная и однообразная до умерщвления духа, работа по колено в воде, в мороз, ветер, дождь... Прииски – источник физического разрушения рабочих. ...Своеобразное общество, не знающее ни религии, ни нравственности... Это монастырь особенного рода, с тем различием, что в монастыре этом согнаны люди с Камы и Волги не в силу

убеждений, а в силу обманчивых надежд на обогащение и в силу ребяческого легковерия. Это шести или восьмимесячный пост, вызванный не убеждением, а необходимостью». Автор считал рабочие команды сообществом «отпетых людей», которое «хуже, пожалуй, чем тюремное», в котором царила «вечно безысходная скука» [17, с. 126–128].

Одной из примет приискового быта, наиболее бросающихся в глаза, было пьянство. Михаил Савков, псаломщик Богдаринской Петропавловской миссионерской церкви, в журнале «Забайкальские епархиальные ведомости» сетовал на то, что приисковые рабочие сильно злоупотребляют спиртными напитками: «Пьют старцы, мужья, жены и дети. ... Причина та, что каждый золотопромышленник торгует спиртными напитками распивочно и навывнос открыто, не боясь быть наказанным, потому что им разрешено иметь на приисках водку для бесплатной раздачи рабочим порций водки (соток), но золотопромышленники не так много получают «гешефта» с золота, как с водки и припасов. Дерут столько, сколько можно. Борьба с пьянством в тайге очень трудно, лишь только можно действовать через высшую администрацию, которая и может наказывать местных спиртопродавцов, но, к сожалению, местные горно-полицейские урядники смотрят на все зло, происходящее от пьянства, «сквозь пальцы» [27, с. 88]. Дело в том, что хозяева обязывались подносить рабочим т. н. «порции», да и любая трудная работа поощрялась выдачей спиртного. «Винная порция», как правило, не удовлетворяла рабочих, поэтому около приисков постоянно велась тайная спиртопродажа, с которой безуспешно боролась приисковая администрация. Спиртоносы – таежные бродяги, прекрасно знавшие тайгу и ее тропы, возили спирт в специальных переметных сумках – «торках», перекинутых через спину лошади, и продавали его рабочим за золото.

Другой проблемой было утаивание золота рабочими, причем такая кража считалась частью заработка. Один из анонимных авторов газеты «Восточное обозрение» писал об этом: «Между приисковым людом сплошь и рядом можно услышать мнение, что если не красть золота, то не стоит и работать...Здесь еще в довольно обнаженном виде господствует мораль первобытного человека: добро то, если я украду, зло – если у меня украдут» [16, с. 2]. Поэтому большинство золотопромышленников считали наиболее приемлемым хозяйский способ добычи золота, при котором устанавливался порядок и дисциплина. Горный инженер А. Левицкий, наблюдая за работами на Королонских приисках в Баргузинской тайге, заметил: «Для сокращения хищения золота во время работ устроен очень строгий надзор, а именно, в каждом забое на 4 рабочих есть 2 служащих, наблюдающих за тем, чтобы золото не воровали. Несмотря, однако, на все это, по словам приискового Управления рабочими утаено нынче не меньше 6 пудов золота, которое и ускользнуло с прииска на сторону... Надо заметить, что кража золота во время работ в среде рабочих не почитается преступлением, а напротив, считается ловкостью, молодечеством и тот рабочий, который безусловно не возьмет ничего чужого, без зазрения совести стащит попавшееся ему во время работ золото» [25, л. 78 об., 82].

Причину массового воровства Н.П. Попов видел в том, что на владельцев приисков смотрели как на враждебный лагерь. В своем исследовании он заметил: «Воровали все, что можно было унести. Организовывались компании, нападающие на обозы, подламывающие кладовые в „резиденциях“, но, главным образом, воровали золото различными способами. Создавалась особая идеология, убеждение, что золото воровать можно: „Разве золото хозяин сеял, золото земля родит“. Для краденого золота использовались слова „крупка“ и „пшеничка“. Золотоискатели, не сбывшие золото в тайге, звались

„горбачами“ – с мешком на спине (на горбу) шли они окольными тропами к селениям, чтобы там выгоднее продать золото, и тоже зачастую становились жертвами разбойников» [22, с. 94–96].

При открытии золота в тайге необходимо было произвести разведку, оценить размеры и содержание россыпи, но, как правило, обнаружив золото, золотоискатели набрасывались на разработку россыпей. Срабатывал эффект «золотой лихорадки» – когда вести о вновь найденных залежах привлекали массу хищников самых разных социальных слоев: казаков, рабочих, аборигенов, каторжников, ссыльных, всевозможных авантюристов, которые составляли так называемую «таежную вольницу», с которой никто, в том числе приисковая охрана и полиция, не могли справиться. Горный инженер А. Левицкий был вызван на прииски, открытые в 1898 г. по р. Королон, где было открыто богатое месторождение, и большинство рабочих Баргузинской тайги бросило прииски и «хищничала» в этом ключе. В своем отчете он заметил: «Вскоре наехала из Бодайбо масса торговцев, спиртоносцев и скупщиков, цены на все были чудовищные. Началось пьянство и картежная игра. Прибыв сюда в 1898 г. с отрядом казаков..., я нашел, что золота было расхищено не меньше 40 пудов (по другим сведениям, расхищено было не менее 100 пудов)» [25, л. 76 об.].

Одна из серьезных проблем состояла в том, что у золотопромышленников было не так много инструментов воздействия на рабочих, которые относились к договору с работодателем как к чему-то необязательному. Этот вопрос был поднят на Первом Всероссийском съезде золото- и платинопромышленников в 1907 г. в Санкт-Петербурге. Совет съезда золотопромышленников Витимского и Олекминского горных округов представил проект правил о найме рабочих на золотые промыслы, в котором указал, что при договоре найма трудно соблюсти «баланс между интересами хозяев и рабочих», установить

ответственность рабочих за нарушение ими договора о найме. В проекте говорилось: «Нельзя упускать из виду, что русский рабочий – не только далеко не созрел до ясного и правильного сознания своих договорных отношений к хозяину, но в массе случаев в нем отсутствует всякое понятие об этом, всякое сознание о законности и о необходимости исполнения обязательств, принимаемых на себя по договору найма» [21, с. 2]. В докладе приводились примеры «уловок» рабочих: «Рабочий принимается на работы в известное предприятие на определенный или неопределенный срок. Поработав несколько времени, он без всякого предварительного предупреждения заявляет о нежелании продолжать работу и требует выдачи вида на жительство¹. На заявление приискового управления, что в виду самовольного отказа от работ его паспорт будет отправлен к Окружному инженеру, рабочий или грозит привлечением хозяина к суду за самоуправное, якобы, задержание вида на жительство, или ... отправляется к одному из Горных исправников и заявляет ему об утере паспорта, или что последний сгорел, либо утоплен и просит о выдаче взамен утерянного или уничтоженного документа т. н. отсрочки, которую точно также совершенно беспрепятственно и получает... Затем нанимается на работу к другому золотопромышленнику, совершает и здесь ту же операцию, затем идет к третьему и т. д.» [21, с. 3].

Такие «переходы» для многих рабочих стали способом добывания себе средств для жизни: поступив на прииски, рабочий прежде всего требовал и получал т. н. «выписку», т. е. ордер на получение из приискового амбара или лавки необходимых припасов и продуктов (хлеба, мяса, масла, чая, сахара, одежды), причем требовал в первую очередь сапоги как один из наиболее ценных предметов. Получив такую выписку

---

¹ При поступлении на работу свой паспорт (вид на жительство) рабочий сдавал в приисковую контору.

и проработав день-два, рабочий прекращал работу на какое-то время, после чего снова выходил, требуя новой выписки, хотя первая им еще не была отработана. «Из опасения отказом в выписке вызвать со стороны рабочего недовольство, а затем его уход с работ, ему вновь дается требуемая выписка, после чего следует то же: день-два работы, два-три дня прогула и т. д. Когда же возрастающий таким образом долг рабочего приисковому управлению достигнет такой цифры, дальше которой управление кредитовать его уже не может, то рабочий уходит с прииска с тем, чтобы поступить к другому золотопромышленнику, от этого к третьему и т. д.» [21, с. 4]. Были и другие, более простые схемы: рабочий нанимался на прииск, получал нужное количество припасов и в тот же день скрывался с прииска, а у горного исправника просил выдать новую отсрочку взамен утерянной. Получив ее, нанимался к другому золотопромышленнику.

На Первом Всероссийском съезде золотопромышленников 1907 г. был поставлен вопрос о «своеволье, разнузданности, отрицании всякой законности» со стороны рабочих: «Рабочие знают о своих правах, но забывают об обязанностях перед работодателем». Было отмечено несовершенство законодательства, когда золотопромышленникам рекомендовалось «отыскивать судебным порядком убытки, причиняемые самовольным отказом или уходом с работ. Но разве возможен судебный процесс против лица, занимающегося бродяжничеством, при совершенной неизвестности, где он находится» [21, с. 5]. Еще одной проблемой было то, что «праздношатающийся, порочный и преступный элемент» скапливался в Бодайбо, предпочитая устроиться в приюте для больных и инвалидов, который содержали золотопромышленники и где можно было получить даровое содержание. Из-за бегства с приисков рабочих и недостатка в рабочей силе некоторые предприятия не могли продолжать работать. На этом съезде прозвучало предостережение об

«оставлении имущественных прав и интересов работодателей на произвол необузданных инстинктов рабочего населения», что могло пагубно повлиять на развитие золотопромышленности в Сибири [21, с. 7]. Эта опасность проявилась довольно скоро и послужила причиной событий на приисках Ленского золотопромышленного товарищества в 1912 г.

Во второй половине XIX в. сложились устойчивые представления о сибирской золотопромышленности как деле авантюристов, «людей случая», источнике «быстрых денег», развращающем население. Однако при этом практически не учитывалось мнение самих золотопромышленников, людей, которые были практиками и знали, как добывается золото в отдаленных от жилых пунктов местах, в неблагоприятных условиях, при дороговизне рабочих рук и жизненных припасов. Они рисковали, вкладывая свои капиталы в освоение сибирской тайги, прокладывая дороги, устройство пароходного сообщения по сибирским рекам, использование новых технологий. Это были в большинстве своем неординарные люди, которые не только много сделали для исследования Восточной Сибири, но и заботились о развитии культуры и образования, строили школы, больницы и церкви, организовывали музеи и университеты, обладали поистине широким видением необходимости комплексного подхода к решению региональных проблем. Сибирская золотопромышленность на рубеже веков стала благодаря им важным фактором развития экономики, источником огромных налогов в казну и заработка для десятков тысяч человек. Источники личного происхождения, а также архивные документы могут помочь составить представление о проблемах золотопромышленности в Восточной Сибири, оценить вклад сибирских золотопромышленников в развитие края, местной инициативы и создание столичного лобби для решения местных сибирских проблем.

Список литературы

1. Альшанский А.Р. Путь к золоту. – М.: Главзолото, 1935. – 347 с.
2. Белецкий П. История двух приисков // Восточное обозрение. – 1899. – № 209. – 29 сент.
3. Бойко В.П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX вв.: очерки социальной, отраслевой и ментальной истории / под ред. В.П. Зиновьева. – Томск, 2009. – 308 с.
4. Брешко-Брешковская Е. Скрытые корни русской революции. Отречение великой революционерки. 1873–1920 / пер. с англ. Л.А. Игоревского. – М.: Центрполиграф, 2006. – 336 с.
5. Бутин М.Д. К вопросу об улучшении благосостояния жителей Забайкальской области. – Томск: изд. авт., 1886. – 15 с.
6. Бутин М.Д. Описание привилегированного устройства передвижения по рельсам и цепным подъемам торфов и золотосодержащих песков. – М.: типолитография Н.И. Куманина, 1882. – 16 с.
7. Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. – 317 с.
8. Владимирски И., Кротова М.В. Мемуары сибирских купцов Я.Д. Фризера и С.В. Востротина как зеркало регионалистики // Северные архивы и экспедиции. – 2020. – Т. 4. – № 2. – С. 18–30.
9. Владимирски И., Кротова М.В. Сибирская золотопромышленность через призму дневников Якова Фризера (1869–1932) // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9. – № 3. – С. 609–624.
10. Востротин С.В. Воспоминания // Bahmeteff Archive. Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York (BAR). Collections of S.V. Vostrotin. Box #1.
11. Горбачев М.Ф. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Ленского горного округа. – Т. 1. – СПб.: типолитография «Якорь», 1905. – 315 с.
12. Грунвальд П.В. Причины неустойчивости крупных золотопромышленных предприятий Ленского края. – СПб: Эконом. типолитография, 1911. – 30 с.
13. Гузенков С.В. Судходство Лено-Витимского бассейна (60-е гг. XIX в. – 1917 г.). – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012. – 273 с.
14. Дроздов П. Из истории золотопромышленности Восточной Сибири // Из истории пролетариата СССР. – 1935. – Сб. 2. – С. 11–37.
15. Жуков Н.Н. Жизнь и деятельность Алексея Кирилловича Кузнецова // Памяти Алексея Кирилловича Кузнецова. – Чита: Печат. дело, 1929. – С. 5–56.
16. Из Витимской тайги // Восточное обозрение. – 1899. – № 97. – 9 мая.
17. К.М. Современная жизнь Сибири и ее нужды // Сибир. сб. – 1886. – Кн. 2. – С. 99–135.
18. Кропоткин П. А. Дневники разных лет / сост., примеч., им. указ. А.П. Лебедевой; вступ. ст. А.В. Аникина. – М.: Советская Россия, 1992. – 464 с.
19. Кузбасов Г. На Ленских приисках // Сибирские огни. – 1927. – № 2. – С. 128–146.
20. Кулаев И.В. Под счастливой звездой (воспоминания). – Тяньцзин: И.В. Клаев, 1938. – 306 с.
21. Первый Всероссийский съезд золото- и платинопромышленников. К вопросу III. Доклад о рабочих на золотых промыслах: проект правил о найме в связи с законопроектом об ограждении золотопромышленников от кражи золота и платины со стороны рабочих. – Б. г., б. и.

22. Попов Н.П. Приисковый быт // Сибирская живая старина. – Иркутск, 1929. – Вып. 8/9. – С. 67–107.
23. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1418. Оп. 1. Д. 210 а.
24. РГИА. Ф. 49. Оп. 1. Д. 46.
25. РГИА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 656.
26. Румянцев П.П. Служебный персонал золотопромышленных предприятий Сибири в XIX – начале XX в. – Томск: ТГУ, 2016. – 308 с.
27. Савков М. Богдаринский миссионерский стан Баргузинского уезда // Забайкал. епарх. вед. – 1911. – 15 февр. – № 4. – С. 86–89.
28. Сапоговская Л.В. Частная золотопромышленность России на рубеже XIX–XX вв. Урал и Сибирь – модели развития. – Екатеринбург, 1998. – 313 с.
29. Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах: ист. исслед. – Т. 1–2. – СПб.: И. М. Сибиряков, 1898.
30. Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие: материалы Первой всероссийской науч. конф. – Томск: Изд-во ТГАСУ, 2014. – 385 с.
31. Сибирь (Иркутск). – 1885. – № 9. – 24 февраля.
32. Сибиряков А.М. О путях сообщения Сибири и морских сношениях ее с другими странами. – СПб: тип. М.М. Стасюлевича, 1907. – 199 с.
33. Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предпринимательство в Сибири: исторический опыт (XVII – начало XX в.). – Барнаул: [б. и.], 2014. – 214 с.
34. Тульчинский К.Н. Золотопромышленность Сибири // Сибирские огни. – 1926. – № 1–2. – С. 164–173.
35. Фризер Я.Д. Золотопромышленность в Баргузинском округе и ее нужды. – М.: типолитография т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1901. – 151 с.
36. Фризер Я.Д. Статистико-экономический очерк Королонских приисков. – СПб.: типолитография «Якорь», 1906. – 129 с.
37. Фризер Я.Д. Такса урочной и поденной платы на золотых приисках. – СПб.: Правда, 1909. – 52 с.
38. Харусь О.А. Штрихи к политическому портрету сибирского купечества // Сибир. ист. исслед. – 2016. – № 2. – С. 76–95.
39. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. / отв. ред. Д.Я. Резун. – Новосибирск: ГЕО, 2012.
40. Эткин А. Природа зла. Сырье и государство. – М.: Нов. лит. обозрение, 2020. – 504 с.

References

1. *Al'shanskij A.R. Put' k zolotu* [The path to gold]. – Moscow: Glavzoloto, 1935. – 347 p.
2. *Beleckij P. Istorija dvuh priiskov* [History of two mines] // *Vostochnoe obozrenie* [Eastern Review]. – 1899. – № 209. – September 29.
3. *Bojko V.P. Kupechestvo Zapadnoj Sibiri v konce XVIII–XIX vv. Oчерki social'noj, otraslevoj i mental'noj istorii* [Merchants of Western Siberia at the end of the XVIII–XIX centuries. Essays on social, sectoral and mental history] / ed. V.P. Zinov'ev. – Tomsk, 2009. – 308 p.
4. *Breshko-Breshkovskaja E. Skrytye korni russkoj revoljucii. Otrechenie velikoj revoljucionerki. 1873–1920* [The hidden roots of the Russian revolution. The renunciation of the great revolutionary. 1873–1920] / transl. L.A. Igorevsky. – Moscow: ZAO Centrpoligraf, 2006. – 336 p.
5. *Butin M.D. K voprosu ob uluchshenii blagosostojanija zhitelej Zabaj-kal'skoj oblasti* [On the issue of welfare improving of the inhabitants of the Trans-Baikal region]. – Tomsk: izd. avt., 1886. – 15 p.

6. Butin M.D. *Opisanie privilegirovannogo ustrojstva peredvizhenija po rel'sam i cepnym pod'emam torfov i zolotosoderzhashhih peskov* [Description of the preferred device for movement on rails and chain lifts of peat and gold-bearing sands]. – Moscow: tipo-lit. N.I. Kumanina, 1882. – 16 p.

7. Bykonja G.F., Komleva E.V., Pogrebnjak A.I. *Enisejskoe kupechestvo v licah (XVIII – nachalo XX v.)* [The Yenisei merchants in persons (XVIII – early XX century)]. – Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2012. – 317 p.

8. Vladimírski I., Krotova M.V. *Memuary sibirskih kupcov Ja.D. Fri-zera i S.V. Vostrotina kak zerkalo regionalistiki* [Memoirs of Siberian merchants Ya.D. Frizer and S.V. Vostrotin as a mirror of regionalism] // *Severnye arhivy i ekspedicii* [Northern archives and expeditions]. – 2020. – Vol. 4. – № 2. – P. 18–30.

9. Vladimírski I., Krotova M.V. *Sibirskaja zolotopromyshlennost' che-rez prizmu dnevnikov Jakova Frizera (1869–1932)* [Siberian gold mining through the prism of the diaries of Yakov Frizer (1869–1932)] // *Novejshaja istorija Rossii* [Contemporary history of Russia]. – 2019. – Vol. 9. – № 3. – P. 609–624.

10. Vostrotin S.V. *Vospominanija* [Memories] // Bahmeteff Archive. Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York (BAR). Collections of S.V. Vostrotin. Box #1.

11. Gorbachev M.F. *Otchet po statistiko-jekonomicheskomu i tehniche-skomu is-sledovaniju zolotopromyshlennosti Lenskogo gornogo okruga* [Report on the statistical, economic and technical study of the gold mining of the Lensky mining district]. – Vol. 1. – St. Petersburg: tipolitografija «Jakor», 1905. – 315 p.

12. Grunval'd P.V. *Prichiny neustojchivosti krupnyh zolotopro-myshlennyh predpri-jatij Lenskogo kraja* [The reasons for the instability of large gold-mining enterprises in the Lena region]. – St. Petersburg: Jekonomicheskaja tipoli-tografija, 1911. – 30 p.

13. Guzenkov S.V. *Sudohodstvo Leno-Vitimskogo bassejna (60-e gg. XIX v. – 1917 g.)* [Navigation of the Lena-Vitim Basin (60s of the XIX century – 1917)]. – Irkutsk: Izd-vo IrGTU, 2012. – 273 p.

14. Drozdov P. *Iz istorii zolotopromyshlennosti Vostochnoj Sibiri* [From the history of the gold industry in Eastern Siberia] // *Iz istorii proletariata SSSR* [From the history of the proletariat of the USSR]. – 1935. – Collection 2. – P. 11–37.

15. Zhukov N.N. *Zhizn' i dejatel'nost' Alekseja Kirillovicha Kuznecova* [Life and work of Aleksei Kirillovich Kuznetsov] // *Pamjati Alekseja Kirillovicha Kuznecova* [In memory of Aleksei Kirillovich Kuznetsov]. – Chita: Pечатnoe delo, 1929. – P. 5–56.

16. *Iz Vitimskoj tajgi* [From the Vitim taiga] // *Vostochnoe obozrenie* [Eastern Review]. – 1899. – № 97. – May 9.

17. K.M. *Sovremennaja zhizn' Sibiri i ee nuzhdy* [Modern life of Siberia and its needs] // *Sibirskij sbornik* [Siberian collection]. – 1886. – Book 2. – P. 99–135.

18. Kropotkin P.A. *Dnevniki raznyh let* [Diaries of different years] / Sost., primech., im. ukaz. A.P. Lebedevoj; vstup. st. A.V. Anikina. – Moscow: «Sovetskaja Rossija», 1992. – 464 p.

19. Kuzbasov G. *Na Lenskih priiskah* [On the Lena mines] // *Sibirskie ogni* [Siberian lights]. – 1927. – № 2. – P. 128–146.

20. Kulaev I.V. *Pod schastlivoj zvezdoj (vospominanija)* [Under a lucky star (memories)]. – Tjan'czin: I.V. Klaev, 1938. – 306 p.

21. *Pervyj Vserossijskij s#ezd zoloto i platinopromyshlennikov. K voprosu III. Doklad o rabochih na zolotyh promyslah: proekt pra-vil o najme v svjazi s zakonoproektom ob ograzhdenii zolotopromysh-lennikov ot krazhi zolota i platiny so storony rabochih* [First All-Russian congress of gold and platinum industrialists. To question III. Gold workers report: draft hiring regulations in relation to the bill to protect gold miners from gold and platinum theft by workers]. B.g., b.i.

22. *Popov N.P. Priiskovyj byt* [Mine everyday life] // *Sibirskaja zhivaja starina* [Siberian living antiquity]. – Irkutsk, 1929. – Iss. 8/9. – P. 67–107.
23. *Rossijskij gosudarstvennyj istoričeskij arhiv (dalee – RGIA)* [Russian State Historical Archives (hereinafter – RGIA)]. F. 1418. Op. 1. D. 210a.
24. *RGIA*. F. 49. Op. 1. D. 46.
25. *RGIA*. F. 58. Op. 2. D. 656.
26. *Rumjancev P.P. Sluzhebnyj personal zolotopromyšlennyh predprijatij Sibiri v XIX – nachale XX vv.* [Service personnel of the gold mining enterprises of Siberia in the XIX – early XX centuries]. – Tomsk: Izdatel'skij Dom TGU, 2016. – 308 p.
27. *Savkov M. Bogdarinskij missiionerskij stan Barguzinskogo uezda* [Bogdarinsky missionary camp of the Barguzinsky district] // *Zbajkal'skie eparhial'nye vedomosti* [Transbaikal diocesan bulletin]. – 1911. – February 15. – № 4. – P. 86–89.
28. *Sapogovskaja L.V. Chastnaja zolotopromyšlennost' Rossii na rubezhe XIX–XX vv. Ural i Sibir' – modeli razvitija* [Private gold mining in Russia at the turn of the XIX–XX centuries. The Urals and Siberia – development models]. – Ekaterinburg, 1998. – 313 p.
29. *Semevskij V.I. Rabochie na sibirskih zolotyh promyslah: istoričeskoe issledovanie* [Workers in Siberian gold fields: historical study]. Vol. 1–2. – St. Petersburg: I. M. Sibirjakov, 1898.
30. *Sibirskoe kupechestvo: istoki, dejatel'nost', nasledie: materialy Pervoj vse-rossijskoj nauchnoj konferencii* [Siberian merchants: origins, activities, heritage: materials of the First All-Russian Scientific Conference]. – Tomsk: Izd-vo TGASU, 2014. – 385 p.
31. *Sibir' (Irkutsk)* [Siberia (Irkutsk)]. – 1885. – № 9. – February 24.
32. *Sibirjakov A.M. O putjah soobshhenija Sibiri i morskich snoshenijah ee s drugimi stranami* [On the communication lines of Siberia and its sea relations with other countries]. – St. Petersburg: tipografija M.M. Stasjulevicha, 1907. – 199 p.
33. *Starcev A.V., Goncharov Ju.M. Predprinimatel'stvo v Sibiri: istoričeskij opyt (XVII – nachalo XX v.)* [Entrepreneurship in Siberia: historical experience (XVII – early XX century)]. – Barnaul: [b.i.], 2014. – 214 p.
34. *Tul'chinskij K.N. Zolotopromyšlennost' Sibiri* [Gold Industry of Siberia] // *Sibirskie ogni* [Siberian Lights]. – 1926. – № 1–2. – P. 164–173.
35. *Frizer Ja.D. Zolotopromyšlennost' v Barguzinskom okruge i ee nuzhdy* [Gold mining in the Barguzinsky district and its needs]. Moscow: Tipolitografija t-va I.N. Kushnerev i Ko, 1901. – 151 p.
36. *Frizer Ja.D. Statistiko-jekonomičeskij očerok Korolonskich priiskov* [Statistical and economic sketch of the Korolonsky mines]. – St. Petersburg: tipo-lit. «Jakor'», 1906. – 129 p.
37. *Frizer Ja.D. Taksa uročnoj i podennoj platy na zolotyh priiskah* [The rate of the fixed and daily wages in the gold mines]. – St. Petersburg: tip. «Pravda», 1909. – 52 p.
38. *Harus' O.A. Shtrihi k političeskomu portretu sibirskogo kupechestva* [Touches to the political portrait of the Siberian merchants] // *Sibirskie istoričeskie issledovanija* [Siberian Historical Research]. – 2016. – № 2. – P. 76–95.
39. *Enciklopedičeskij slovar' po istorii kupechestva i kommercii Sibiri: v 2 t.* [Encyclopedic dictionary of the history of merchants and commerce of Siberia: in 2 volumes] / ed. D.Ja. Rezun. – Novosibirsk: akad. Izd-vo «GEO», 2012.
40. *Etkind A. Priroda zla. Syr'e i gosudarstvo* [The nature of evil. Raw materials and the state]. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. – 504 p.

С.В. Зайцев

Деятельность немецкого пивовара Иоганна Гоффа и ее оценка современниками

В статье исследуется деятельность немецкого пивовара Иоганна Гоффа и некоторые аспекты личной жизни предпринимателя. Иоганн Гофф создал в Германии производство мальц-экстрактной продукции, в особенности мальц-экстрактного пива. Продавалась мальц-экстрактная продукция во многих странах, в том числе и в Российской империи. Основное производство находилось в Берлине и Гамбурге. Филиал в Гамбурге после судебного разбирательства между Иоганном Гоффом и его братом Маркусом стал принадлежать Маркусу. Также судебные разбирательства, связанные с компанией Иоганна Гоффа, продолжались и после смерти самого предпринимателя между его племянником Леопольдом и приемниками самого Иоганна. Данный суд касался распространения в Америке мальц-экстракта, произведенного Леопольдом Гоффом. Продавать мальц-экстрактное пиво в США Леопольд Гофф начал намного раньше, нежели основная компания, и когда приемники Иоганна Гоффа захотели начать торговлю на американском рынке, то решили нанести ущерб бизнесу конкурента.

Одной из основных особенностей ведения бизнесом Иоганном была реклама своего продукта в периодической печати не в обычных объявлениях, а в качестве писем от благодарных покупателей. Во всех исследованных изданиях мальц-экстракт продвигался как целебное средство, порой даже чуть ли не чудотворное. Подобный подход к ведению бизнеса даже был высмеян Ф.М. Достоевским в романе «Братья Карамазовы». Одно из ключевых мест в работе занимает оценка современниками того, как Гофф вёл свои дела и на что делал акценты в своей работе. Целебные свойства вызывали вопросы у современников Иоганна Гоффа и ими были проведены исследования. Некоторые из современников немецкого пивовара негативно оценивали его деятельность, утверждая, что основной упор в бизнесе Иоганн Гофф делал не на качество самого продукта, а именно на рекламу в газетах, которая позволяла тем самым повысить количество продаж продукции.

Ключевые слова: Иоганн Гофф, пиво, мальц-экстракт, периодическая печать, газетная реклама, алкоголь.

Semen V. Zaitsev

The activities of the German brewer Johann Goff and its assessment by contemporaries

The article examines the activities of the German brewer Johann Hoff and some aspects of the entrepreneur's personal life. Johann Hoff built a maltz extract production facility in Germany, especially maltz extract beer. Malts-extract products were sold in

many countries, including the Russian Empire. The main production was in Berlin and Hamburg. The branch in Hamburg, after a trial between Johann Hoff and his brother Markus, became Markus's property. Also, legal proceedings related to the company of Johann Hoff continued after the entrepreneur's death between his nephew Leopold and the Johann's successors. This court concerned the distribution in America of a maltz extract produced by Leopold Goff. Leopold Goff began selling malt-extract beer in the USA much earlier than the main company, and when Johann Goff's successors wanted to start trading on the American market, they decided to damage the competitor's business.

One of the main features of Johann's business was advertising his product in periodicals not in ordinary advertisements, but as letters from grateful buyers. In all the publications studied, maltz extract was promoted as a healing agent, sometimes even almost miraculous. This approach to doing business was even ridiculed by F.M. Dostoevsky in the novel "The Brothers Karamazov". One of the key places in the work is the assessment by contemporaries of how Goff conducted his business and what he emphasized in his work. The healing properties raised questions among the contemporaries of Johann Hoff, and they conducted research. Some of the contemporaries of the German brewer negatively assessed his activities, arguing that the main emphasis in Johann Hoff business was not on the quality of the product itself, but on advertising in newspapers, which thereby allowed to increase the number of product sales.

Key words: Johann Hoff, beer, maltz-extract, periodicals, newspaper advertising, alcohol.

Торговые отношения между Россией и Германией во второй половине XIX в. имели важное значение для экономик обеих стран. Германия наравне с Великобританией, Францией и Австро-Венгрией была основным торговым партнёром Российской империи. Именно из выше-названных стран поступало свыше 60 % российского импорта. Исключительное положение во внешней торговле России занимали Англия и Германия. На их долю приходилось до половины всего российского торгового оборота, причем наиболее быстрыми темпами развивались торговые связи с Германской империей. Из Германии в Россию шло около трети пряностей, до половины ввозимого кофе, четверть табака, значительная часть хлопка [20, с. 70].

Пивное дело тесно связывало Россию и Германию в XIX в. Это выразилось не только в больших поставках немецкого пива в Российскую империю. Ещё со второй половины XVIII в., когда в Санкт-Петербурге было налажено производство пива, первыми организаторами пивного дела в России были иностранцы, в частности немцы. Неудивительно,

что в Санкт-Петербурге различные заводы в XIX в. выпускали знаменитые сорта немецкого пива, как, например, «Баварское» или «Мюнхенское». Это можно считать неким культурным мостом между Россией и Германией, наследием, оставленным немецкими пивоварами, которое сближает народы двух стран. Многие русско-немецкие предприятия получали статус «поставщика императорского двора», как, например, пивоваренный завод «Бавария», основанный Русско-баварским акционерным обществом [21].

Во второй половине XIX в. среди всех немецких предпринимателей, торговавших пивной продукцией в России, особой тактикой к распространению товара выделялся берлинский пивовар Иоганн Гофф, продававший целебное мальц-экстрактное пиво.

В российской исторической науке данная личность рассмотрена не была, несмотря на всю особенность его подхода к бизнесу. Но в филологической науке Иоганн Гофф упоминался в нескольких работах, основной из которых является исследование О.Л. Фетисенко «Граф Маттеи и коммерции советник Гофф» [19].

Главной темой существующих работ являются методы распространения продукции Иоганна Гоффа. Подобная тема, например, поднимается в статье «Иван Карамазов, чёрт и солодовый экстракт» [10].

Целью же данной статьи, в отличие от уже существующих трудов про Иоганна Гоффа, является характеристика как деятельности и структуры предприятия берлинского пивовара, так и его рекламной политики.

Статья основана на широком круге источников, представленном периодической печатью как российской («Петербургский листок» [17–18], «Новое время» [11–14], «Биржевые ведомости» [6–7]), так и зарубежной («Nieuw Amsterdamsch handels- en effectenblad» [2], «Algemeen Handelsblad» [1]), делопроизводственными материалами [15–16], актовыми документами [2–5].

Про личность самого Иоганна Гоффа практически ничего не известно. Дата рождения нигде не указана. О происхождении и национальности семьи Гофф, о том, как проходило детство Иоганна, и о том, как он начинал своё дело, сведений крайне мало. Информацию о семье Иоганна Гоффа удалось найти с помощью апелляционных отчётов судов США. В отчётах было указано, что Johann Bernhard Hoff умер в 1887 г., что после смерти у него остались два сына, вдова и несколько дочерей [5, р. 150]. Исходя из того, что имена детей и вдовы после смерти Иоганна в документах не упоминаются, можно сделать вывод, что дальнейшим ведением дел предприятия они не занимались. А также у Иоганна Гоффа был как минимум один брат, Маркус, у которого был сын Леопольд [5, р. 145]. О родителях Иоганна Гоффа информации найдено не было.

Те же апелляционные отчёты судов США позволили узнать интересные данные относительно устройства самой компании и её ведения дел до и после смерти Иоганна Гоффа. Основными продуктами мануфактуры являлись мальц-экстрактное целебное пиво и грудные конфеты. Подлинно неизвестно, с какого года мануфактура Иоганна Гоффа начала производить по собственной формуле мальц-экстракт в Германии и производила ли она какие-либо продукты до этого. Исходя из того, что Иоганн Гофф в 1876 г. писал, что 25 лет назад он изобрёл мальц-экстракт, можно предположить, что формирование мануфактуры происходило в начале 50-х гг. XIX в. [15, л. 44]. Однако это вступает в конфликт с тем, что на некоторых пивных этикетках были указаны награды, полученные пивом в Париже в 1830 г. [5, р. 149]. Тем самым под сомнение ставится честность ведения бизнеса Иоганном Гоффом.

Спустя годы продукция Гоффа проникла в Америку и в дальнейшем была известна покупателям под названием «Hoff's Malt Extract» или «Johann Hoff's Malt Extract». Сбытом в США занималась компания

Tarrant & Co. Получать немецкий мальц-экстракт американцы начали с 1869 г. Стоит заметить, что поставляемый в компанию Tarrant & Co мальц-экстракт не был оригинальным продуктом мануфактуры Иоганна Гоффа. Подробнее это будет рассмотрено позже.

Апелляционные отчёты судов США содержат сведения, говорящие о семейном характере предприятия. В 1882 г. происходило судебное разбирательство между братьями Гофф: Иоганном и Маркусом [5, р. 146]. Они разделили сферы влияния, обозначили страны, в которых мог торговать Маркус. Маркус получил право продавать напиток «Johann Hoff» в Любеке, Дании, Британии и её колониях, Швеции, Норвегии. Иоганн по соглашению мог торговать в любых странах. Можно сказать, что произошло разделение предприятия на основную мануфактуру в Берлине, принадлежащую Иоганну Гоффу, и филиал под руководством его брата Маркуса в Гамбурге.

О наличии семейной связи внутри предприятия говорит ещё и то, что в том же соглашении 1882 г. между братьями Гофф Леопольду, сыну Маркуса, давался статус партнёра Маркуса или владельца фирмы отца после его смерти, но если бы так произошло, то он должен был бы сам производить свой продукт без использования сырья Гоффа, торгуя под своим именем [5, р. 147]. И именно Леопольд, даже ещё не будучи владельцем компании, поставлял мальц-экстракт Tarrant & Co, а те доносили до населения через газеты, журналы и плакаты, что это оригинальный, истинный «Hoff's Malt Extract» или «Johann Hoff's Malt Extract», что и стало причиной судебного разбирательства.

Братья Гофф умерли с разницей в два года: Маркус – в 1885 г., Иоганн – в 1887 г. После смерти Иоганна Гоффа его предприятие перешло к преемникам. При этом неизвестно, были ли ими дети Иоганна или же деловые партнёры, так как в источниках не указано никаких имён преемников. В апелляционном отчёте записано, что компания Гоффа

продолжила свою деятельность, но была продана в США. Всё это говорит о том, что, возможно, потомки самого Иоганна Гоффа пренебрегли семейным делом, переложив всё на его деловых партнёров. А по линии Маркуса, как и планировалось, Леопольд Гофф стал владельцем фирмы после смерти своего отца [5, р. 148].

Однако, учитывая, что компания Tarrant & Co продвигала мальц-экстракт Леопольда Гоффа на территории США как оригинальный продукт, причём используя чуть ли не ту же этикетку на бутылках, которая применялась на продукции мануфактуры Иоганна Гоффа, то, когда преемники Иоганна начали продавать свой товар на американском рынке, возникла конкуренция. Именно в недобросовестной конкуренции преемники Иоганна Гоффа обвинили Леопольда [3, р. 1107].

Леопольд Гофф, являясь ответчиком, говорил о том, что, когда он только начал торговлю мальц-экстрактом, на американском рынке продукция была не столь известна и распространялась преимущественно только в Германии. Между Иоганном Гоффом и Леопольдом Гоффом в 1869 г. был заключён договор с разрешением Леопольду торговать мальц-экстрактом под своим именем [3, р. 1107]. Так и появился «Hoff's Malt Extract» в Америке. Договор имел силу 20 лет. К моменту, когда договор уже не имел силы, преемники Иоганна Гоффа приняли решение торговать в США. В 1889 г. Tarrant & Co, опасаясь конфликта, пытались договориться с Леопольдом Гоффом о смене названия напитка. Но партнёрам удалось изменить только заднюю сторону этикетки на бутылке [5, р. 154].

В 1896 г. преемники компании Иоганна Гоффа ради защиты своих интересов в США подали в суд на Tarrant & Co, чтобы продукция Леопольда Гоффа продавалась с изменённым названием, хотя бы с добавлением его имени. По факту других претензий не было. В итоге суд принял сторону компании Иоганна Гоффа, требуя изменить название

продукции Леопольда Гоффа. После суда Tarrant & Co выпустили циркуляр [4, р. 309], в котором говорилось, что отделению «Johann Hoff Malt» из Нью-Джерси не удалось нанести какой-либо вред Tarrant & Co. В этом же циркуляре было сказано, что в соответствии с решением суда «Original Malt Extract», получаемый Tarrant & Co из Гамбурга с 1869 г. (речь идет о предприятии Леопольда Гоффа, которое, как оказалось, не производило оригинальный мальц-экстракт Гоффа), который они поставляли с 20 марта 1896 г., начал носить название «LEOPOLD HOFF'S MALT EXTRACT (Tarrant's)» и на бизнес это никак не повлияло.

Как промежуточный итог, можно сказать, что производство мальц-экстракта было семейным бизнесом семьи Гофф, в котором главенствующую роль занимал сам Иоганн. Мальц-экстракт производился основной мануфактурой Иоганна Гоффа в Берлине и филиалом в Гамбурге под руководством Маркуса Гоффа, а в дальнейшем и его сына Леопольда. Рецепт целебного мальц-экстрактного пива могли пользоваться и его родственники, но они могли торговать только в определённых странах, используя своё сырьё, в то время как Иоганн Гофф мог торговать, где захочет, в том числе в Российской империи. Хоть и при жизни Иоганна Гоффа были разбирательства внутри компании, но после его смерти отношения на предприятии стали более напряжёнными. Всё это говорит о том, что Иоганн Гофф был сильной личностью, эффективно управлял компанией, и именно он являлся основным деятелем в семейном бизнесе.

Самым интересным в деятельности Иоганна Гоффа и его предприятий были методы распространения продукции, а именно необычная для второй половины XIX в. газетная реклама. Этот вопрос интересен не только историкам, но и исследователям русской художественной литературы. Связано это с тем, что Иоганн Гофф был упомянут в произведении «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского. В девятой главе одиннадцатой книги произведения Ивану Карамазову приснился чёрт,

который вылечил ревматизм мальц-экстрактом Гоффа. Чёрт даже «непременно положил ему “спасибо” в газетах напечатать». Именно этот момент заинтересовал «достоевскофилов», которые решили разузнать, кем был упомянутый Гофф. Исследователи пытались понять, почему немецкий пивовар упоминается в произведении «Братья Карамазовы», а также заметили необычный способ рекламы продукции предприятия, который высмеял и сам Ф. М. Достоевский.

В рекламе своего продукта Иоганн Гофф использовал письма и благодарности излечившихся покупателей. Во второй половине XIX в. реклама целебных средств Иоганна Гоффа публиковалась в нескольких периодических изданиях. Она присутствовала в газетах «Биржевые ведомости» [6], «Петербургский листок» [17] и «Новое время» [14, с. 4]. Также в голландских [1] и британских [10] газетах можно было найти объявления о продукции Гоффа.

Реклама продукции Иоганна Гоффа в газетах действительно отличалась от рекламы других алкогольных напитков. Главным отличием является то, что прочие объявления публиковались от лица производителя, который доносил через газеты основную информацию потенциальному покупателю, говоря о качестве напитков, цене, основных достижениях и наградах, а также точках продажи этого напитка. В рекламе же продукции Иоганна Гоффа основную часть рекламы занимали «письма благодарных за своё излечение» потребителей. Большинство заголовков объявлений так и назывались: «Отзыв потребителя мальц-экстракта Гоффа» [7], «Заказ и заявление благодарности из России» [17], «Изъявление благодарности из России за превосходные и приятные на вкус мальц-экстрактные фабрикаты Иоганна Гоффа» [18] и т. д. Информация для покупателей о том, где, как и за сколько можно купить целебное средство, находилась в объявлениях после писем потребителей. Во всех периодических изданиях эта информация была представлена следующим образом.

«Главный склад мальц-экстрактного пива, мальц-экстрактного шоколада и грудных конфет, для всей России, в С.-Петербурге, на углу Невского и Николаевской, д. № 71–2.

Распивочная продажа Николаевская ул., д. № 2, и на Вас. Остр., по 13 лин. Д. № 20, и на Петербургской стороне, на углу Введенской ул. и Бол пр., у Г. Журкина.

Цены: 6 бутылок мальц-экстрактного пива – 1 руб. 80 к., 13 бут. – 3 руб. 60 к., ящик в 30 бут. – 6 руб. За пустые бутылки удерживается по 3 коп. за штуку. Заказы принимаются по городской почте и доставляются на дом. 1 берлинский фунт мальц-экстрактного шоколада стоит 1 р. 90 к., ½ фунта 1 р. мальц-экстрактных грудных конфет в мешочке с 30 шт. 80 к.» [17].

Во время исследования было найдено лишь одно объявление, в котором точно описывались его целебные свойства и давались рекомендации, во время каких болезней может быть полезно использование целебного пива Иоганна Гоффа. Это объявление из выпуска газеты «Биржевые ведомости», датированного 9 марта 1877 г. В рекламе указано, что по указаниям докторов «в застарелом кашле и хрипоте, в особенности же при страданиях груди и дыхательных органов, мальц-экстрактное гигиеническое пиво кипятят в течение десяти минут, снимают с него пену и затем утром и вечером выпивают по винному стакану. В геморроидальных страданиях, в общем расслаблении организма, при слабости аппетита и т. д. этот напиток употребляется таким, как он есть, три раза в день – утром, в полдень и вечером, каждый раз по винному стакану» [6].

По приведённым объявлениям можно понять, что мальц-экстракт Иоганна Гоффа был полезен при болезнях дыхательных путей и пищеварения. Также указано на то, как следует принимать данное средство. Но стоит повториться, данное объявление – единственное, в котором

было найдена подробная информация по применению. Такое отсутствие инструктажа могло повлиять на недостаточную осведомлённость потребителя о том, как использовать напиток. Однако, возможно, что инструкция по применению рассылалась покупателям вместе с продукцией или печаталась на задней этикетке бутылки.

Чтобы убедиться, действительно ли мальц-экстракт Иоганна Гоффа был действенным целебным средством, необходимо проанализировать письма «исцелившихся», напечатанные в газетах. Большинство из них писали, что пиво Гоффа помогло им или их близким от кашля или грудных болезней. Некий Николай Мусин писал даже так: «Более года я страдал болезнью груди и уже предполагал, что во мне развилась чахотка» [7].

Встречаются объявления, где у покупателя случилось всё и сразу. Гейнрих Кесс, проживающий в Вене, писал, что 15 лет страдал поносом, сопровождаемым желудочной болью и потерей аппетита, а потом присоединилась и грудная боль и описывал своё выздоровление с помощью напитка Иоганна Гоффа не иначе как чудо [13].

Некоторые потребители, благодарившие Иоганна Гоффа за продукцию, писали, что целебное пиво помогло от «слабости» [17]. Так, например, в 316-м номере «Нового времени» от 14 января 1877 г. объявление представляло собой письменную благодарность от некого Михаила Ивановича Маевского «милостивому государю, г. Гоффу». Покупатель благодарит производителя за то, что Гофф отправил ему мальц-экстрактные препараты, которые «принесли видную пользу в слабости его», и просит прислать ему ещё 33 бутылки [11].

Иногда в письмах болезнь вовсе не указывалась, а просто выражалась «искренняя признательность за превосходные и полезные качества» продукции Гоффа. В «Новом времени» в 346-м номере от

14 февраля 1877 г. в объявлении указывается лишь, что его пили больные в лазаретах 1864, 1866 и 1870 гг. (скорее всего, 1864 г. – Датская война, 1866 – Австро-пруссско-итальянская война, 1870 – Франко-прусская война). А также приводят рекомендации «его величества короля Фридриха Вильгельма IV» (на тот момент этот король уже умер) и «его величества короля Христиана Датского» [12].

О том, как королевские особы получали целебное пиво Гоффа и давали на него рекомендации и про распространение этого напитка в газетах было написано ещё в журнале «Современник» в 1864 г. в фельетоне «Гофф и Шульц или г.г. Краевский и Катков (Современные параллели)». Автор писал о том, что Гофф думал не о качестве и улучшении своего продукта, а хотел придать напиток огласке, навести шум вокруг него.

«Прежде всего, он разослал даром свою бурду известным европейским личностям, которые из вежливости должны были поблагодарить его и купить у него бурды за деньги, эти благодарности он напечатал в многочисленных газетах и затем пошёл печатать миллионы разных благодарственных писем и лестных отзывов о его мальц-экстракте. Письма и отзывы печатались приведённые в систему и снабжённые заманчивыми заголовками...» [9, с. 332].

Так что методы Иоганна Гоффа по распространению своего товара вызывали не только у людей интерес, но и скепсис ещё в 1864 г. В том же фельетоне из «Современника» можно увидеть чёткое негативное отношение автора фельетона к Иоганну Гоффу в словах, например, «шарлатанское прославление», «бурда», «трезвон» [9, с. 332].

Если попытаться подробнее разобраться в вопросе медицинской эффективности и пользы продукции Иоганна Гоффа, а в особенности пива, то следует обратить внимание на экспертизы, проводившиеся в Российской империи и Германии по разным поводам. Именно факт

наличия медицинской ценности у данного напитка может доказать правдивость газетной рекламы продукции Иоганна Гоффа, и исходя из этого, можно сделать выводы по деятельности предпринимателя.

В 1876 г. Иоганн Гофф пытался получить звание поставщика высочайшего двора. Оригинальное письмо от 5 июня 1876 г. написано на немецком от руки [15, л. 40].

Письмо Иоганна Гоффа было направлено в Медицинский департамент Министерства внутренних дел 15 июня 1876 г. В нём говорилось, что «Канцелярия Министерства Императорского Двора, по встретившейся надобности, имеет честь покорнейше просить Медицинский Департамент уведомить, разрешит ли продукты в Империи изобретённых пивоваром, иностранцем Иоганном Гоффом мальцэкстрактавого и других препаратов из Солода...» [15, л. 42].

Напиток Иоганна Гоффа проходил проверку, является ли это пиво действительно лечебным. Результаты приведены в ответе от Медицинского департамента МВД от 30 июня: «...Медицинский Департамент имеет честь уведомить, что Медицинский Совет, по рассмотрении мальц-экстракта Гоффа, нашёл, что средство это вовсе не врачебное, и может быть дозволено к пропуску из за границы как напиток, в роде пива, портера и т. п., а потому подлежит патентному сбору, о чём и было сообщено в Департамент складных Сборов <...>, что касается до других препаратов Гоффа из Солода, то они не были в рассмотрении Медицинского Совета, и продажа их в Империю с Министерством Внутренних Дел не была разрешена» [15, л. 43].

Доклад по делам от канцелярии Министерства императорского двора, датированный 8 июля 1876 г. [15, л. 44], содержит важную информацию о деятельности Иоганна Гоффа. В докладе излагается содержание письма Иоганна Гоффа от 5 июня 1876 г., обобщается всё дело в целом и приводятся данные о ещё одной, более ранней попытке прусского пивовара получить звание поставщика императорского двора.

Оказывается, что проживавший в Берлине Иоганн Гофф являлся «Королевско-Прусским Комиссионным Советником», а это значит, что у него должны были быть связи и достаточные финансы. В своём письме от 5 июня 1876 г. пивовар писал, что «изобретённый им, 25 лет назад, мальц экстракт и другие препараты из солода, по целебным своим свойствам приобрели всеобщую известность вследствие которой он удостоился звания поставщика Дворов: Австрийского и (всех) почти Германских, пожалования Австрийского золотого креста “за заслуги”, звания Прусского Комиссионного Советника и Прусского ордена Королевской Короны, а потому он, Гофф, просит о Всемилостивейшем пожаловании ему звания поставщика Высочайшего Двора».

Естественно, чтобы торговать в России, у Иоганна Гоффа должны быть связи в Санкт-Петербурге. Как раз в докладе по делам указано, что «Гофф присовокупил, что о личных его качествах могут свидетельствовать: 1) Президент Берлинской полиции; 2) СПетербургский Градоначальник, так как он состоит СПетербургским 1 гильдии купцом и имеет там главнейший склад своих изделий, и 3) Московский Обер-Полицмейстер».

Относительно целебных свойств «в приложенном к письму Гоффа объявлении, между прочим, сказано, что изготовляемый им мальц-экстракт, по многочисленным свидетельствам медицинских знаменитостей, представляет собою напиток, укрепляющий организм, предохраняющий его от вредного влияния изменений температуры и в особенности оказался полезным при лечении раненых во время последних войн». Но, как доказал медицинский совет, все приписанные напитку медицинские свойства не были подтверждены [15, л. 43].

Как оказалось, в 1876 г. была не первая попытка Иоганна Гоффа получить звание поставщика императорского двора. В справке доклада по делам канцелярии Министерства императорского двора говорится

следующее: «В 1875 г. Гофф входил с прошением на Высочайшее Имя о пожаловании ему звания поставщика Двора Его Императорского Величества, но просьба эта была отклонена, так как, по отзывам Придворной Его Величества Конторы, препаратов своих к Высочайшему Двору он не поставлял (16 авг. 1875 г.) [16, л. 111].

В феврале 1876 г. Гофф возобновил просьбу по получению звания поставщика императорского двора, основывая ее на том, что «в Июне 1863 г. приняты были для Высочайшего Двора, доставленные им на имя покойного Обер-Камергера Графа Шувалова 6 ящичков с мальц-экстрактными препаратами» [15, л. 44].

Гоффу было объявлено, что «просьба его не может быть удовлетворена, так как звание поставщика Высочайшего Двора жалуетя только за непрерывную, в продолжении 8 лет, поставку произведений к Императорскому Двору».

Удивительно, что Иоганн Гофф уже спустя несколько месяцев после неудачной попытки получения звания повторил просьбу. Но в итоге прусский пивовар не добился успехов и в этот раз: Иоганн не получил звание поставщика высочайшего двора и не получил право продавать в России свою продукцию как лечебную. Однако даже после этих отказов предоставить звание Иоганн Гофф продолжал рекламировать своё пиво как лекарственное [13]. В какой-то степени это можно назвать мошенничеством.

Итак, Иоганн Гофф не смог получить звание поставщика высочайшего двора. Это противоречит ложно сложившемуся мнению, что Иоганн Гофф являлся «придворным поставщиком», которое ранее можно было прочитать в объявлениях [18] и словарях [8], а сейчас укрепилось работами исследователей [19] и интернет-ресурсами. Конечно, может существовать документ, доказывающий, что Иоганн Гофф всё-таки получил звание поставщика высочайшего двора, но пока таких

данных нет, утверждение, что Гофф обладал этим званием, следует считать ошибочным.

Теперь стоит рассмотреть ещё одну медицинскую экспертизу целебного пива Гоффа, проведённую в Германии. С самого начала производства рецепт этого «экстракта солода» (мальц-экстракт) хранился создателем в секрете. В 1861 г., за год до того, как мальц-экстракт вышел на голландский рынок, немецкое периодическое издание «Pharmaceutische Centralhalle» исследовало пиво Гоффа. В результате это оказалось обычное коричневое пиво, в котором производители растворили слабительное, кору крушины (в качестве красителя) и так называемый водяной клевер (в качестве горького агента). Исследователи подсчитали, что стоимость его производства составила девять центов, а Гофф продавал его за цену в пять раз больше [2].

После приведённых доказательств можно сделать вывод, что никакими целебными свойствами, которые приписывали «вылечившиеся потребители» и Иоганн Гофф данному напитку, пиво не обладало. Это по факту был даже не экстракт солода, а обычное коричневое пиво с разными добавками. И получается, что журнал «Современник» оказался прав: Гофф заботился не о качестве своего продукта, а о том, как бы активнее его продать.

В заключение можно сказать, что Иоганн Гофф – целеустремленный и талантливый немецкий предприниматель второй половины XIX в., который мог жёсткой рукой контролировать семейный бизнес по производству целебной мальц-экстрактной продукции и задавал своей компании курс. Главным для предпринимателя было не качество его продукции, а максимальная реклама своего напитка с помощью известных личностей и периодических изданий различных стран, в том числе Российской империи.

Газетная реклама товаров Иоганна Гоффа, в частности мальц-экстрактного пива, отличалась от стандартных объявлений из газет второй половины XIX в. Она была представлена как благодарности от «вылечившихся» потребителей. Исходя из слов Гоффа и его покупателей, созданный Гоффом мальц-экстракт должен был помогать при проблемах с пищеварением и болезнях дыхательных путей. Но несколько медицинских проверок третьей четверти XIX в. в России и Германии показали, что мальц-экстрактное «целебное» пиво никакими медицинскими свойствами не обладает и является обычным коричневым пивом с добавками. Это ставит крест на честности рекламы продукции Гоффа и на законности его деятельности, особенно учитывая, что канцелярия Министерства императорского двора не дала Иоганну Гоффу звание поставщика императорского двора и запретила продавать его пиво как лечебное. Однако предприниматель продолжал позиционировать его таковым в рекламе своей продукции.

Список литературы

1. Algemeen Handelsblad. – 1862. – 18 November.
2. Nieuw Amsterdamsch handels- en effectenblad. – № 340. – 1861. – 10 December.
3. Official Gazette of the United States Patent Office. Volume 78: January-March 1897. – 1897. – 16 February. – № 7. – Washington. – P. 1107–1708.
4. The Pharmaceutical era. Vol. 15: January-June 1896. – 5th March 1896. – № 10. – New York.
5. United States Courts of Appeals Reports: Cases Adjudged in the United States Circuit Court of Appeals, Vol. 45. – New York, 1897. – P. 143–161.
6. Биржевые Ведомости. – 1877. – 9 марта. – № 65.
7. Биржевые Ведомости. – 1877. – 8 мая. – № 107.
8. Гофф Иоганн – это... Что такое Иоганн Гофф. Академик [Электронный ресурс]. – URL: https://literary_types.academic.ru/3741/%D0%93%D0%BE%D1%84%D1%84_%D0%98%D0%BE%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%BD (дата обращения: 30.01.2020).
9. Гофф и Шульц или г.г. Краевский и Катков (Современные параллели) // Современник. – Т. СIII. – 1864. – № 9. – С. 331–336.
10. Иван Карамазов, чёрт и солодовый экстракт. Пивной культ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.beercult.ru/profiles/blogs/malzextract> (дата обращения: 18.12.2019).
11. Новое время. – 1877. – 14 янв. – № 316.
12. Новое время. – 1877. – 14 февр. – № 346.
13. Новое время. – 1877. – 14 апр. – № 403.
14. Новое время. – 1880. – 21 июля. – № 1578.
15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 472. Оп. 37. Внутр. оп. 264/1281. Д. 4. Л. 40–46.

16. РГИА. Ф. 472. Оп. 37. Внутр. оп. 263/1280. Д. 15. Л. 111.
17. Петербургский листок. – 1877. – 19 янв. – № 13.
18. Петербургский листок. – 1877. – 16 марта. – № 52.
19. Фетисенко О.Л. Граф Маттеи и коммерции советник Гофф. «Братья Карамазовы»: доп. к коммент. // Достоевский. Материалы и исследования. – Т. 17. – СПб., 2005. – С. 269–274.
20. Филякина Ю.П. Краткая история российской экономики: учеб. пособие. – 2-е доп. изд. – М.: Меридиан, 2007. – 320 с.
21. Что пили в дореволюционном Петербурге [Электронный ресурс]. – URL: <http://antennadaily.ru/2018/03/13/drinkspsb/> (дата обращения: 18.12.2019).

References

1. Algemeen Handelsblad. – 18th November 1862.
2. Nieuw Amsterdamsch handels- en effectenblad. – №340. – 10th December 1861.
3. Official Gazette of the United States Patent Office. Volume 78: January-March 1897. – 16th February 1897. – № 7. – Washington. – P. 1107–1708.
4. The Pharmaceutical era. Vol. 15: January-June 1896. – 5th March 1896. – № 10. – New York. – P. 309.
5. United States Courts of Appeals Reports: Cases Adjudged in the United States Circuit Court of Appeals. Vol. 45. – New York, 1897. – P. 143–161.
6. *Birzhevye Vedomosti* [Exchange Vedomosti]. – 9th March 1877. – № 65. (In Russian)
7. *Birzhevye Vedomosti* [Exchange Vedomosti]. – 8th May 1877. – № 107. (In Russian)
8. *Hoff logann – eto... CHto takoe logann Goff. Akademik* [Hoff Johann is... What is Johann Goff. Academician]. Available at: https://literary_types.academic.ru/3741/%D0%93%D0%BE%D1%84%D1%84_%D0%98%D0%BE%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%BD (Accessed 30.01.2020).
9. *Goff i SHul'c ili g.g. Kraevskij i Katkov (Sovremennye paralleli)* [Goff and Schultz or Mr. Kraevsky and Katkov (Contemporary Parallels)] // *Sovremennik* [Contemporary]. – Vol CIII, – №9. – P. 331–336.
10. *Ivan Karamazov, chyort i solodovyj ekstrakt. Pivnoj kul't* [Ivan Karamazov, devil and malt extract. Beer cult]. Available at: <http://www.beercult.ru/profiles/blogs/malzextract> (Accessed 18.12.2019).
11. *Novoe vremya* [New time]. – 14th January 1877. – № 316.
12. *Novoe vremya* [New time]. – 14th February 1877. – № 346.
13. *Novoe vremya* [New time]. – 14th April 1877. – № 403.
14. *Novoe vremya* [New time]. – 21st July 1880. – № 1578.
15. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian State Historical Archives] (RGIA). F. 472. Op. 37. Internal op. 264/1281. D. 4. L. 40–46.
16. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian State Historical Archives] (RGIA). F. 472. Op. 37. Internal op. 263/1280. D. 15. L. 111.
17. *Peterburgskij listok* [Petersburg sheet]. – 14th January 1877. – № 13.
18. *Peterburgskij listok* [Petersburg sheet]. – 14th March 1877. – № 52.
19. *Fetisenko O.L. Graf Mattei i kommercii sovetnik Goff. «Brat'ya Karamazovy».* *Dopolnenie k kommentariyam* [Count Mattei and Commerce Counselor Goff. The Brothers Karamazov. Supplement to the comments]. *Dostoevskij. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and research]. – Vol. 17. – St. Petersburg, 2005. – P. 269–274.
20. *Filyakina Yu.P. Kratkaya istoriya rossijskoj ekonomiki* [A Brief History of the Russian Economy]. *Uchebnoe posobie. 2-e dop.* [Tutorial. 2nd add.]. – Moscow: Meridian, 2007. 320 p.
21. *CHto pili v dorevolucionnom Peterburge* [What they drank in pre-revolutionary Petersburg]. Available at: <http://antennadaily.ru/2018/03/13/drinkspsb/> (Accessed 18.12.2019).

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94(292.511.7)(28)"1930/1950"

ГРНТИ 03.61.21. Историческая антропология

DOI 10.35231/25422375_2021_1_51

Т.К. Щеглова, А.А. Гоппе

Экологическая антропология: адаптация повседневных практик крестьянской семьи к особенностям водных ресурсов степных территорий юга Западной Сибири в 1930–1950-е гг.

Авторами предпринята попытка определить влияние качества водных источников на повседневный быт и хозяйственную деятельность сельского населения степных территорий юга Западной Сибири в 1930–1950-е гг. в периоды ухудшения условий жизнедеятельности под влиянием неблагоприятных исторических событий, таких как война и послевоенное состояние деревенского общества. На примере домашнего огородничества, бахчеводства, скотоводства, добывающих промыслов колхозной семьи показаны адаптационные практики, опирающиеся на традиционный крестьянский опыт взаимодействия с природной средой, отличающейся недостатком водных ресурсов, наличием соленых озер. Сравнение жизнеобеспечения и жизнедеятельности сельского населения проводится на примере двух степных районов Алтайского края. Основой источниковой базы являются полевые материалы устной истории с опорой на индивидуальную память «детей войны» (1929–1939 г. р.). Поэтому в центре внимания находится семейная хозяйственно-бытовая жизнь колхозно-совхозной семьи через детское восприятие и через трудовые обязанности детей. Подчеркивается значимость традиционных навыков взаимодействия с природной средой, что обеспечивало поддержание жизнедеятельности крестьянской семьи в повседневной жизни советского общества в рассматриваемое время.

Ключевые слова: степь, водные ресурсы, сельское население, неблагоприятные условия жизнедеятельности, адаптация, жизнеобеспечение, традиции, дети.

Tat'yana K. Shcheglova, Anastasiya A. Goppe

Ecological anthropology: peasant family everyday practices' adaptation to the peculiarities of water resources of the steppe territories of the South of Western Siberia in the 1930–50s

The authors make an attempt to determine the influence of the water sources quality on the daily life and economic activity of rural population of the steppe territories of the South of Western Siberia in the 1930–1950s, during periods of deterioration of living conditions under the influence of unfavorable historical events, such as the war and post-war state of rural society. Adaptive practices, based on the traditional peasant experience of interaction with the natural environment characterized by shortage of water resources

and presence of salt lakes, are shown on the example of home gardening, melon growing, cattle breeding and extractive industries of a collective farm family. Comparison of life support and livelihoods of the rural population is carried out on the example of two steppe regions of the Altai Territory. The foundation of the source base is presented by the field materials of oral history based on the individual memory of the "children of war" (born 1929 - 1939). Therefore, the focus is on the family household life of a collective farm-state family through children's perception and through the children's labor responsibilities. The importance of traditional skills of interaction with the natural environment, ensuring the maintenance of the peasant family life in the Soviet society daily life at the time under consideration, is emphasized.

Key words: steppe, water resources, rural population, unfavorable living conditions, adaptation, life support, traditions, children.

Экологическая антропология, одно из направлений социальной антропологии, определяемое как «изучение культурных адаптаций к окружающей среде», сопрягается с таким направлением исторических исследований, как «история повседневности». В том и в другом направлении исследований изучается взаимодействие людей с природно-географическим ландшафтом, его влияние на жизнеобеспечение и жизнедеятельность людей, адаптацию и формирование повседневных бытовых стандартов поведения, обусловленных природно-климатическими условиями. И то и другое направление изучает поведение людей, их стандарты как формы адаптационных процессов.

Вопросами взаимосвязи природы и общества, взаимодействия народов и среды их обитания на общероссийском уровне занимались В.П. Алексеев, Ю.В. Бромлей, Л.Н. Гумилев, С.А. Арутюнова, Ю.И. Мкрутумян и др. [1; 9–11]. Значительный вклад в развитие экологической антропологии на материалах Сибири внесли этнографы Н.А. Миненко, С.В. Туров, Г.В. Любимова, О.Н. Шелегина и др. [14–16; 12]. О.Н. Шелегина касается вопросов адаптации русского населения Сибири в XVIII – начале XX в. С.В. Туров рассматривал вопросы природопользования русских старожилов Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. Г.В. Любимова, затрагивавшая вопросы, связанные с взаимодействием русского населения Сибири с природной средой на

примере земледельческой традиции также на рубеже XIX–XX в., в последнее время работает над земледельческим опытом в XX столетии. Т.К. Щеглова рассматривала вопросы адаптации крестьянского населения к историческим социально-экономическим и политическим процессам XX столетия, особенно в период социалистической модернизации [17], в т. ч. в затруднительных для сельской семьи условиях жизнедеятельности 1930–1950-х гг. [18]. Автором в монографии «Культура и быт русского сельского населения юга Западной Сибири в 1930–1950-х гг.: жилище, пища, одежда, семейные и трудовые традиции» при анализе взаимодействия русского населения юга Западной Сибири с природно-географическим ландшафтом в экстремальных для крестьян условиях с опорой на традиционные умения и навыки введены такие понятия, как «крестьянская система преодоления трудностей», «заместительные технологии», доказывающаяся подстраховочная роль традиционной культуры в организации питания, обеспечении жилищем и одеждой, с опорой на традиции взаимодействия с окружающей природной средой [18].

Важным принципом экологической антропологии, по мнению авторов, является принцип регионализма, предполагающий учет особенностей природно-географической среды в адаптационных процессах крестьян конкретных территорий. В данной публикации авторы как раз ставят задачу показать через сопоставление влияние качества водных источников степных территорий на повседневную жизнь и повседневные практики сельского населения. Источниками данного исследования являются материалы устной истории, полученные в историко-этнографических экспедициях на территории двух районов Алтайского края – Благовещенском (2015) и Романовском (2014) с опорой на историческую память респондентов, являвшихся участниками сельской жизни в исследуемый период.

Авторы рассматривают практики обеспечения водой основных хозяйственных отраслей семейной экономики в степной зоне: огородничества, скотоводства, добывающих промыслов. При анализе учитывались особенности природно-географической среды хозяйствования крестьян на территориях двух районов, которые имели определенное сходство.

Благовещенский район расположен в северо-западной части Алтайского края и относится к степной зоне Западно-Предалтайской степной провинции на переходе Кулундинской равнины в Приобское плато. Район расположен в теплом, слабо увлажненном и в теплом засушливом климате. На территории района более 20 горько-солёных и пресных озёр, в числе крупнейших – Кулундинское и Кучукское. Протекают р. Кулунда и Кучук, Солоновка, Суетка, Хорошонок и др., построен Кулундинский магистральный канал. Гидрографическую сеть Романовского района составляют р. Сидоровка, Бакланка и ряд озёр, которые находятся в ложбине древнего стока, вдоль Касмалинского бора. Это солёное озеро Горькое (Горчина), Мормышанское (Сульфатное), пресные озера Молоково, Малая Горчина. Каждое из озёр обладает неповторимой привлекательностью и целебными свойствами. Но если вода и грязь (рапа) озёр создают очень благоприятные условия для курортно-санаторного лечения, то для удовлетворения повседневных потребностей и семейной экономики сельского населения создают трудности.

Рассмотрим это на примере огородничества, ставшего в советское время ведущей отраслью приусадебного хозяйствования. Как известно, наличие водных источников, как наземных, так и грунтовых, имеет жизненно важное значения для населения, проживающего на той или иной территории. Они влияют на ассортимент огороднических культур, способы их возделывания, что в совокупности обуславливает и особенности питания, и жизнеобеспечивающие ресурсы семьи. На территории

Благовещенского района при благоприятных для земледелия качествах степных почв и земледелие, и огородничество зависело от наличия водных источников. Но если проблемы развития общественного земледелия пытались в советское время решить строительством Кулундинского канала, то недостаток пресной воды для семейной экономики решали в селах самостоятельно, что и обусловило особенности выращиваемых культур и их ассортимент. Об ограниченности водных ресурсов говорится во многих материалах интервью. Так, А.В. Яшина отмечает: «Ну, это вот надо было это все полить. А где? С колодца это там воды ее сколько? Караулил, чтоб кто-то у нас был, как говорится, во дворе. Так это воды там не было. Поэтому мы не сажали, так как все надо было полить это. А чем? Это я не помню, это у нас помидоры никогда не были» [6].

При большом количестве соленых озер крестьяне старались максимально использовать пресные водоемы и пресные грунтовые воды, что привело к стягиванию огородов и усадеб к ним. В целом такая практика соответствовала традициям расположения огородов возле водоемов с XIX в. [14, с. 132]. Это проявлялось в т. ч. в выкапывании прямо на огородах, расположенных с выходом к пресным водоемам, неглубоких, зачастую примитивных колодцев для полива, больше напоминавших ямы с наполнявшейся грунтовой и озерной водой. Т.К. Лапутина вспоминает: «Посередине огородов выкапывали колодцы, и там просто яма выкопана, и по ступенькам спускаешься, и набираешь воду» [3]. Однако такой способ не являлся надежным. По мнению того же респондента, вода в таких колодцах очень часто пропадала: «Там ее не хватало иногда этой воды. Стекалась опять» [3]. Поэтому на огородах степной зоны преобладали колодцы журавлем с оформленным коробом и крышкой над ним, что позволяло дольше сохранять подземный пласт воды.

Из положительного влияния на развитие семейного огородничества особенностей степных территорий стало широкое введение в практику таких бахчевых культур, как арбузы и дыни, что было невозможно на предгорных и горных территориях юга Западной Сибири. Для этих засухоустойчивых культур идеально подходили почвы песчаные и суглинистые, благодаря анатомо-морфологическим особенностям растений (мощная корневая система, рассеченность листьев, опущенность стебля листовой пластинки и черешка грубыми волосками или колючими шипами¹). Респонденты так и говорили, «бахчу садили, она лучше росла» (Т.К. Лапутина). О распространении и высокой урожайности бахчевых культур говорит и тот факт, что их выращивали в колхозах и выдавали колхозникам на трудодни: «А нам выдавали большинство с колхоза. Вот дают на трудодни, мы их режем, солим рано-прерано» (А.Ф. Овчарова). Такое дифференцированное отношение и максимально полное использование природного окружения в традициях ведения хозяйства русскими крестьянами стало важным фактором адаптации семейной экономики.

Трудности для развития семейного скотоводства в степных зонах составляли два фактора: состояние кормовой базы и организация водопоя. И то и другое зависело от естественных ресурсов местности. Однако в советское время острота обеспечения водой скота для сельской семьи частично снималась тем, что по сравнению с доколхозной деревней, когда поголовье домашнего крупного и мелкого рогатого скота было большим, оно существенно уменьшилось и жестко регламентировалось. Если в дореволюционный период крестьяне Сибири строили хлевы и загоны для скота, «пригораживаясь» к самой реке,

---

¹ Бахчевые культуры [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kaicc.ru/sites/default/files/baxchevie.pdf> (дата обращения: 07.05.2021)

«чтобы в зимнюю пору можно было пользоваться под рукой для домашнего скота без перегона» [14, с. 132], то в советское время это было характерно для колхозно-совхозных дворов, в которых содержали большое поголовье скота, а также крестьянских дворов, выходивших огородами к водоемам.

Одновременно с этим скотоводство обеспечивалось в степных зонах строительством колодцев специально для водопоя скота. В данной практике советские колхозники и рабочие совхозов также опирались на традиционную культуру крестьянского общества, когда при минимальном количестве на степных территориях естественных водоемов с пресной водой для пастбищного водоснабжения строились колодцы. В дореволюционное время, например, фиксировалось строительство специальных длинных колодцев на улицах для организации водопоев скота. М.Т. Дворянкина (Романовский район) описывает, как использовали колодцы для массового водопоя: «Около колодца стояли такие катки деревянные, в эти катки мы доставали воду. Помню мне еще было 8 лет и уже мама уходила на работу, наказывала налей катку вечером, загони корову, корова напьется, опять залей эту катку» [7]. «Катки», или кадки, имел каждый хозяин, их заполняли и поили свой скот из ведер, которыми черпали воду в колодцах. Также через строительство колодцев организовывали на безводных пастбищах водопой общественного стада. Вот как описывает это респондент из Благовещенского района: «Скотину поддерживали на ферме тыквой (тыква также относилась к бахчевым. Про нее говорят, что тыква, так же как картофель, спасли колхозно-совхозную деревню) [18]. Сами доярки вручную доили. Я иногда сама шла и помогала. Таскали коров к колодцу попить, отвязывали и 12 коров, чтоб напоить туда. А летом на пастбище пасутся, они [доярки] едут туда подоить. Там колодец сделали. Их там поют» (Т.К. Лапутина) [3].

Так же, как и на приусадебных территориях для полива огородов, распространенными типами колодцев для организации водопоя скота были журавли. Его сооружение было по силам любой семье и не требовало сложных строительных материалов. Н.С. Изотов так описывает этот тип колодца: «В общем стоит столб. И вот так вот палка. На этой стороне значит, висит цепь и ведро опускать. А на этой стороне, на противоположенной какой-нибудь груз, чтобы легче ведро тащить» [8]. Строиться они могли только при неглубоком залегании грунтовых вод. Для глубоководных использовался колодец «воротом», когда веревка с ведром наматывалась на вращающийся горизонтальный вал за ручку, закрепленный между двумя столбами, поставленными по бокам колодца. В описываемых степных районах таких колодцев не было зафиксировано.

В советское время в Романовском и Благовещенском районах, как и на других территориях юга Западной Сибири, подспорьем крестьянскому личному подсобному хозяйству, размеры которого регламентировались государством, стали промыслы, основанные на присваивающем характере. Традиционными для всего сельского населения повседневными практиками являлись собирательство дикорастущих съедобных трав и рыбалка, а отличием – добыча соли. Все они были связаны с наличием пресных и соленых водных ресурсов. На приозерных территориях собирали камыш, рогозу, которую сразу же съедали. Как рассказывала П.К. Аношкина, «рогоза в речке растет, большая, выдернешь – вот такая вот, очистишь и все ели. Так мы здоровей были, чем щас наши дети едят» [2]. Такой вид собирательства Т.К. Щеглова называет «индивидуальное повседневное собирательство» [18, с. 284], которым в основном занимались дети дошкольного и младшего школьного возраста [18, с. 292]. В материалах интервью информация об употреблении приозерных растений встречается повсеместно. М.М. Штанько вспоминает: «Знаешь, вкусная какая. На речке вот эта, камыш, рогоза, большие эти. Рвёшь ее, и очищаешь, там съедаешь» [5].

Среди повседневных практик, связанных с пропитанием, выделялась рыбалка, которая «отличалась меньшим риском и более простыми технологиями, и поэтому была доступна как для взрослых, так и для детей» [18, с. 460]. Несмотря на то, что в степной зоне не было полноводных рек, сеть мелких рек и речушек давала возможность для ловли рыбы как важнейшего источника белковой пищи для крестьянской семьи. Поэтому в основном этим занимались те, кто в силу разных причин был не задействован в колхозно-совхозном производстве. П.Е. Лысенкова говорила: «А рыбачил только один дед наш. Мой. Да, речка у нас хорошая. А к нему, кто надо приходит на речку [за рыбой]. Хозяйки утром идут с тряпками» [4].

Формированию отличительных практик жизнеобеспечения населения степных районов способствовали особые возможности природного ландшафта. Наличие большого количества соленых озер привело к добыче поваренной соли как самостоятельного источника дохода. Возникли эти домашние практики сразу же по мере освоения степных территорий русскими крестьянами [14, с. 42]. Но в 1940-е гг., особенно в годы войны, этот промысел приобрел наибольшую важность, так как он способствовал не только удовлетворению личных нужд, но и позволял осуществлять денежную и меновую торговлю. Это было связано с тем, что поваренная соль являлась дефицитным товаром, на который был большой спрос среди населения [13, с. 205]. В материалах интервью как старожилов Благовещенского, так и Романовского районов описываются домашние повседневные практики добычи соли. М.М. Штанько вспоминала: «Туда дальше озера высыхает, а тут соль выходит. Такая светлая. Гребешь ее, кристалликами хорошая такая. Нагребёшь много, всем хватало, страшно много соли было» [5]. Т.К. Лапутина так описывает совместную поездку с мамой на озеро за добычей соли: «Соль у нас своя была. У нас соленое озеро это. Здесь столько

соли было. И едем с мамой на корове к соленому озеру. Набираем соли. Когда жара начинается волна отходит, а соль остается, крупная. Аж светятся насквозь кристаллы. Идешь далеко и утопаешь в грязи. Набираешь ее и в сито соли. Она промывается и белая, белая. Набираем в ведра и посуду, и увозим домой. А дома мама запрягает корову, и едем в поселок, и продает ее. А продавали за все что угодно. Можно за овощи, у кого что есть. И мы это брали, а им соль нужна» [3].

Таким образом, ввиду трудных, экстремальных условий военного времени русскому сельскому населению степной зоны Алтайского края удалось актуализировать традиционные навыки жизнедеятельности с опорой на природную среду конкретной местности. Наличие водных источников позволило сельскому обществу военного времени использовать их потенциал в борьбе за выживание. Так биоресурсы этой зоны выступили важным подспорьем для экономики сельской семьи Алтайского края в годы Великой Отечественной войны. Они играли системообразующую роль в скотоводстве и огородничестве, промысловой деятельности. Кроме этого, в Благовещенском районе наличие соленых озер позволило населению использовать их ресурсы по добыче соли, в последующем ее продаже или обмену.

Список литературы

1. Алексеев В.П. Очерки экологии человека. – М.: Наука, 1993. – 191 с.
2. Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. ИЭЭ, 2015. Благовещенский район, с. Благовещенка. Аношкина П.К. 1926 г.р.
3. Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. ИЭЭ, 2015. Благовещенский район, с. Благовещенка. Лапутина Т.К. 1921 г.р.
4. Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. ИЭЭ, 2015. Благовещенский район, с. Благовещенка. Лысенкова П.Е. 1929 г.р.
5. Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. ИЭЭ, 2015. Благовещенский район, с. Благовещенка. Штанько М.М. 1930 г.р.
6. Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. ИЭЭ, 2015. Благовещенский район, с. Благовещенка. Яшина А.В., 1925 г.р.
7. Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. ИЭЭ, 2014. Романовский район, п. Майский. Дворянкина М.Т., 1933 г.р.
8. Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. ИЭЭ, 2014. Романовский район, п. Майский. Изотов Н.С., 1930 г.р.
9. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983 – 418 с.

10. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: АСТ, 2019. – 704 с.
11. Культура жизнеобеспечения и этнос / отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983. – 319 с.
12. Любимова Г.В. Очерки истории взаимодействия сельского населения Сибири с природной средой: (на материалах русской земледельческой традиции). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археол. и этногр. СО РАН, 2012. – 207 с.
13. Мазырина А.А., Малахова А.Н., Рыков А.В. Добывающие промыслы в системе жизнеобеспечения русского крестьянства Алтая в годы Великой Отечественной войны (на примере Благовещенского и Романовского районов) // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае в 2016 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 12: материалы XII междунар. науч.-практ. конф., Омск, 24–25 марта 2017 г. – Омск: Полиграфист, 2017. – С. 204–206.
14. Миненко Н.А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири в XVIII – первой половине XIX в. – Новосибирск: Наука, 1991. – 210 с.
15. Туров С.В. Природопользование русских старожилов Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.): очерки этнической экологии. – Екатеринбург: Баско, 2007. – 184 с.
16. Шелегина О. Н. Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири в XVIII – начале XX в.: (к постановке проблемы). – Новосибирск: Сибир. науч. кн., 2005. – 192 с.
17. Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX в. Устная история. – Барнаул: БГПУ, 2008. – 527 с.
18. Щеглова Т.К. Культура и быт русского сельского населения юга Западной Сибири в 1930–1950-х гг.: жилище, пища, одежда, семейные и трудовые традиции. – Барнаул: АлтГПУ, 2018. – 508 с.

References

1. *Alekseev V.P. Ocherki ekologii cheloveka* [Essays on human ecology]. – М., 1993. – 191 p.
2. *Arhiv CUIiE AltGPU. IEE 2015 g. Blagoveshchenskij rajon, s. Blagoveshchenka. Anoshkina P.K.* 1926 g.r.
3. *Arhiv CUIiE AltGPU. IEE 2015 g. Blagoveshchenskij rajon, s. Blagoveshchenka. Laputina T.K.* 1921 g.r.
4. *Arhiv CUIiE AltGPU. IEE 2015 g. Blagoveshchenskij rajon, s. Blagoveshchenka. Lysenkova P.E.* 1929 g.r.
5. *Arhiv CUIiE AltGPU. IEE 2015 g. Blagoveshchenskij rajon, s. Blagoveshchenka. SHtan'ko M.M.* 1930 g.r.
6. *Arhiv CUIiE AltGPU. IEE 2015 g. Blagoveshchenskij rajon, s. Blagoveshchenka. YAshina A.V.,* 1925 g.r.
7. *Arhiv CUIiE AltGPU. IEE 2014 g. Romanovskij rajon, p. Majskij. Dvoryankina M.T.,* 1933 g.r.
8. *Arhiv CUIiE AltGPU. IEE 2014 g. Romanovskij rajon, p. Majskij. Izotov N.S.,* 1930 g.r.
9. *Bromlej, YU.V. Ocherki teorii etnosa* [Essays on the theory of ethnos]. – М.: Наука, 1983. – 418 p.
10. *Gumilev, L.N. Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the Earth's biosphere]. – Moskva: AST, 2019. – 704 p.
11. *Kul'tura zhizneobespecheniya i etnos* [Culture of life support and ethnos] / Otv. red. S.A. Arutyunov, E.S. Markaryan. – Erevan: Izd-vo AN ArmSSR, 1983. – 319 p.
12. *Lyubimova, G.V. Ocherki istorii vzaimodejstviya sel'skogo naseleniya Sibiri s prirodnoj sredoj: (na materialah russskoj zemledel'cheskoj tradicii)* [Essays on the history

of the interaction of the rural population of Siberia with the natural environment: (based on the materials of the Russian agricultural tradition)]. – Novosibirsk: Izd-vo Instituta arheologii i etnografii SO RAN, 2012. – 207 p.

13. *Mazyrina A.A., Malahova A.N., Rykov A.V. Dobyvayushchie promysly v sisteme zhizneobespecheniya russkogo krest'yanstva Altaya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na primere Blagoveshchenskogo i Romanovskogo rajonov)* [Extractive industries in the life support system of the Russian peasantry of Altai during the Great Patriotic War (using the example of the Blagoveshchensky and Romanovsky districts)] // *Polevye issledovaniya v Priirtysh'e, Verhnem Priob'e i na Altae v 2016 godu: arheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya. Vyp. 12: materialy XII mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Omsk, 24–25 marta 2017 g.* – Omsk: Izdatel' Poligrafist, 2017. – P. 204–206.

14. *Minenko N.A. Ekologicheskie znaniya i opyt prirodopol'zovaniya russkih krest'yan Sibiri v XVIII – pervoj polovine XIX v.* [Environmental knowledge and experience of environmental management of Russian peasants of Siberia in the XVIII – the first half of the XIX century]. – Novosibirsk: Nauka, 1991. – 210 p.

15. *Turov S.V. Prirodopol'zovanie russkih starozhilov Zapadnoj Sibiri (XVIII – pervaya polovina XIX v.): ocherki etnicheskoy ekologii* [Environmental management of Russian old-timers of Western Siberia (XVIII – the first half of the XIX century): essays on ethnic ecology]. – Ekaterinburg: Basko, 2007. 184 p.

16. *SHelegina O.N. Adaptacionnye processy v kul'ture zhizneobespecheniya russkogo naseleniya Sibiri v XVIII – nachale XX veka: (k postanovke problemy)* [Adaptation processes in the culture of life support of the Russian population of Siberia in the XVIII – early XX centuries: (to pose the problem)]. – Novosibirsk: Sibirskaya nauchnaya kniga, 2005. – 192 p.

17. *SHCHeglova T.K. Derevnja i krest'yanstvo Altajskogo kraya v XX veke. Ustnaya istoriya* [The village and peasantry of the Altai Territory in the 20th century. Oral history]. – Barnaul: BGPU, 2008. – 527 p.

18. *SHCHeglova T.K. Kul'tura i byt russkogo sel'skogo naseleniya yuga Zapadnoj Sibiri v 1930–1950-h gg.: zhilishche, pishcha, odezhda, semejnye i trudovye tradicii* [Culture and life of the Russian rural population of southern Western Siberia in the 1930–1950s: housing, food, clothing, family and labor traditions]. – Barnaul: AltGPU, 2018. 508 p.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

УДК 94(470+438)"1863/1864"

ГРНТИ 03.21.31: История России Нового времени

DOI 10.35231/25422375_2021_1_63

Д.А. Коско

Александр II и польский вопрос накануне январского восстания 1863–1864 гг.

В статье рассматриваются взгляды Александра II по польскому вопросу в период его царствования с 1855 по 1863 гг. Анализируются основные факторы, которые оказали влияние на формирование позиции императора до восшествия на престол. Такими факторами являлись как ноябрьское восстание 1830–1831 гг. (которое Александр застал в детстве), так и личное отношение Николая I к польскому вопросу, которое напрямую оказало влияние на воззрения юного цесаревича. Также в статье характеризуется неоднозначная политика царских властей на территории царства Польского в период с 1855 по 1863 гг., накануне январского восстания, которая была напрямую обусловлена личной позицией императора. Рассматривается процесс перестройки администрации и либерализация общественной жизни на территории Польши, а также волнения среди польского населения, которые были вызваны новыми преобразованиями. В статье анализируются основные причины январского восстания, в которых не последнюю роль сыграла позиция Александра II.

Ключевые слова: Александр II, польский вопрос, январское восстание, наместник царства Польского, Органический статут, Николай I.

Danila A. Kosko

Alexander II and the Polish question on the eve of the January Uprising

The article examines the views of Alexander II on the Polish question during his reign from 1855 to 1863. The main factors influencing the formation of the position of the emperor before ascending the throne are analyzed. Such factors turned out to be like the November Uprising of 1830-1831 (which Alexander found in childhood), and the personal attitude of Nicholas I to the Polish question, which directly influenced the views of the young Tsarevich. Also the article characterises the ambiguous policy of the authorities on the territory of the Kingdom of Poland in the period from 1855 to 1863, on the eve of the January Uprising, which was directly due to the personal position of the emperor. The process of restructuring the administration and liberalization of public life on the territory of Poland is considered. The article also analyzes the main reasons for the January Uprising, in which the position of Alexander II played an important role.

Key words: Alexander II, Polish question, January Uprising, governor of the Kingdom of Poland, Organic Statute, Nicholas I.

Историографической основой данной темы стали работы, посвященные личности Александра II как в период правления [1; 11; 13], так и до восшествия на престол [12]. Труды Н.К. Шильдера и А.И. Яковлева ярко представляют личность императора, особенности его характера и те факторы, которые повлияли на формирование взглядов Александра II.

Важную роль в историографии проблемы играют и труды, посвященные политике царских властей на территории Польши в период правления Александра II. Одна часть работ посвящена положению царства Польского в составе Российской империи [8; 10; 14], другая же часть в большей степени концентрируется на роли императора в национальной политике Российской империи [6; 7].

Вступая в 1855 г. на российский престол, Александр II унаследовал от отца, Николая I, ряд нерешенных проблем. Так, уже во второй четверти XIX в. перед властью стояла задача в условиях начинавшейся модернизации адекватно реагировать на обострившиеся национальные проблемы. Наряду с еврейским, польский вопрос был включен в политическую повестку дня уже с конца XVIII в. Антироссийские выступления в то время были нацелены на восстановление польской государственности в границах 1772 г. Январское восстание 1863–1864 гг., как и предшествующие ему, было подавлено. В течение нескольких последующих лет на территории бывшего царства Польского, в белорусско-литовских губерниях осуществлялись репрессивные мероприятия. Самые активные участники восстания были казнены. Многие из них были сосланы в разные губернии: от Новгородской до Иркутской [14, с. 262–269]. По разным подсчетам от 8,2 до 12,5 тыс. чел. было отправлено в ссылку, арестантские роты или на каторгу [7, с. 76].

Целью данного исследования является анализ взглядов Александра II на польский вопрос, и, как следствие этих взглядов,

анализ политических мер, предпринятых императором на территории царства Польского в период с 1855 г. по январь 1863 г.

Взгляды будущего императора по польскому вопросу начали формироваться еще задолго до вступления на престол. Цесаревич с раннего возраста знал польский язык и был хорошо знаком с польской культурой [13]. А уже в 12-летнем возрасте будущий император почувствовал на себе всю опасность, которую может таить польский вопрос. Так, 26 ноября 1830 г., в самый разгар ноябрьского восстания, Александр писал в своем дневнике: «Сегодня получили из Варшавы ужасное известие о возмущении поляков. Они 17 числа текущего месяца напали на Бельведер, где находился в то время Константин Павлович, всех людей перерезали, и сам Великий Князь не знает, как спастись [...] Великий Князь находится в двух верстах от Варшавы с русской и польской гвардией, которые ему остались преданными». А уже 4 сентября 1831 г. юный Александр отмечал в дневнике: «Сегодня получили радостные известия о взятии Варшавы приступом. Граф Паскевич Эриванский назван князем Варшавским [...] Сие известие меня очень обрадовало, видя, что милый Папа теперь, наконец, узнал то, что ему так давно хотелось» [5, с. 47]. Эти события произвели сильное впечатление на цесаревича и оказали серьезное влияние на формирование его мнения относительно польского вопроса.

В 1835 г. император Николай I отправился с семьей в польский город Калиш, чтобы встретиться с прусским королем Фридрихом Вильгельмом III. Великого князя Александра он оставил в столице, аргументируя это тем, что в Польше царскую семью на каждом углу поджидает опасность. Юный цесаревич записал в своем дневнике: «Поляки везде покушаются на его жизнь, что если мы вместе будем, то они верно нас обоих не пощадят и что тогда с Россией будет» [12, с. 347]. Император до такой степени опасался нападения в царстве Польском, что перед самым отъездом оставил сыну конверт, который следовало

вскрыть в случае гибели царя, эти события произвели неизгладимые впечатления на цесаревича: «Слезы у меня лились ручьем, я обнимал его и просил Всемогущего сохранить его». Спустя некоторое время Александр написал отцу: «Мысль, что я не еду в Калиш, меня мучает, но я считаю это первой жертвою в пользу Отечества и эта мысль меня утешает» [12, с. 350]. Помимо того, великий князь в беседе со своим наставником Христофором Андреевичем Ливеным обсуждал вести, которые были связаны с планированием покушения на императора в Польше. Юный цесаревич воспринимал польскую угрозу более чем реальной и 25 августа писал Николаю: «Дай Бог, чтобы все так счастливо кончилось, и чтобы ты, бесценный Папа, выехал бы поскорее из этой негодной Польши» [7, с. 42].

В конце октября 1835 г. император вернулся в Санкт-Петербург, и радостный Цесаревич вернул полученный от него ранее запечатанный конверт. Однако Николай Павлович позволил Александру оставить себе письмо, которое в скором времени было вскрыто. Содержание письма оказало сильное влияние на последнего, так как по своей сути оно являлось политическим завещанием. В тексте, пропитанном тревогой, Николай призывал сына не повторить события 14 декабря, а в одном из пунктов, где речь заходила и о царстве Польском, рекомендовал: «Не давай никогда воли полякам, упрочь начатое и старайся довершить трудное дело обрусевания сего края, отнюдь не ослабевая в принятых мерах» [3, л. 34].

Таким образом, события первой половины 1830-х гг. во многом способствовали формированию мнения будущего императора Александра II в отношении содержания польского вопроса и способов его решения. Можно с уверенностью говорить, что на престол он вступил с твердым намерением продолжить заложенный отцом политический курс в Польше.

Воцарение Александра II произошло в условиях национальной катастрофы. Поражение в Крымской войне заставило нового императора

реализовать в первые годы правления ряд либеральных мероприятий, которые были с воодушевлением встречены общественным мнением. Но в целом внутренняя политика, в том числе и относительно польского вопроса, носила двойственный характер. Так, с одной стороны, в 1856 г. после коронации император продемонстрировал гуманность, освободив политических заключенных, не только декабристов и петрашевцев, но и участников ноябрьского восстания. Кроме того, Александр II позволил вернуться польским эмигрантам обратно на польские земли. Но, с другой стороны, во время своего первого визита в статусе императора, несмотря на большой энтузиазм со стороны поляков, вызванный обещаниями новых реформ и готовности властей к примирению, Александр предостерег их отказаться от мечтаний: «Вам нужно знать для блага самих поляков, что Польша должна пребывать навсегда в соединении с великой семьей русских императоров [...] Я снова повторяю: господа, оставьте мечтания! оставьте мечтания! (point de sève)». «Я ничего не изменю, – сказал он тогда же в другой речи перед поляками, – сделанное моим отцом – хорошо сделано» [11, с. 212–213].

После смерти наместника царства Польского Ивана Федоровича Паскевича его место занял Михаил Дмитриевич Горчаков, который ранее служил при Паскевиче военным губернатором Варшавы, что не должно было предвещать каких-либо перемен. Однако вскоре был несколько облегчен прежний суровый режим, происходило осторожное изменение курса в отношении Польши, которое наметилось в контексте начинающейся реформаторской деятельности царя. Император разрешил печатать некоторые сочинения А. Мицкевича. Цензура прекратила преследование произведений Словацкого, Красинского и Лелевеля. В июне 1857 г. было разрешено открыть в Варшаве Медико-хирургическую академию, а в ноябре – учредить Земледельческое общество. Оба эти центра стали в дальнейшем важными очагами интеллектуальной

жизни, способствовали постепенной политизации польской общественности [10, с. 97].

Однако в период разработки отмены крепостного права в России, когда значительная часть общества ожидала всеобщей свободы, Александр II вместе со своим правительством не обратил какого-либо внимания на необходимость серьезной корректировки политического курса на территории царства Польского. В результате чего уже в 1860–1861 гг. недавно возобновившее свою деятельность оппозиционное движение в Польше приобрело угрожающий характер: уличные демонстрации перерастали в открытые столкновения с правительственными войсками [10, с. 98].

Так, 25 февраля 1861 г. состоялась большая публичная демонстрация в память Гроховского сражения, в результате чего 27 февраля российские войска открыли огонь по демонстрантам, и пять человек были убиты. Тогда великий князь Константин Николаевич записал в своем дневнике: «Был обыкновенный доклад у Саши. Он мне читал письмо, которое он написал Горчакову ради всех Варшавских происшествий, кажется, что они там все голову потеряли». В марте 1861 г. Константин Николаевич писал в дневнике о «Совете Министров у Саши по польским делам. После долгих споров решились на некоторые реформы, которых зародыш большею частью находится в грамоте 1832 года, которая к стыду и сраму никогда не была приведена в исполнение» [4, л. 17]. На требования реформ, раздающиеся со стороны поляков, власти поначалу решили отреагировать сигналами о готовности к дальнейшим уступкам.

В 1862 г. Александр II назначает реформистски настроенного маркиза Александра Игнация Велёпольского начальником гражданского управления, фактически премьер-министром царства Польского. Велёпольский стремился к тесному сотрудничеству с властями и желал введения в действие Органического статута 1832 г.

В 1861–1862 гг. был учрежден Государственный совет, который позволял Велёпольскому действовать автономно, образованы губернские, уездные и городские советы, решено открыть высшие учебные заведения и преобразовать средние школы. За два года маркиз осуществил впечатляющую программу реформ, которые во многом опирались на экономический рост царства Польского. Однако несмотря на перемены, радикальное движение в Польше продолжало свой рост, чему способствовала неспособность царских властей разрешать конфликты не только при помощи военных мер, но и мирным путем. Кроме того, постоянная смена наместников царства Польского после смерти Горчакова способствовала дестабилизации в польских землях. В июне 1862 г. должность наместника занял великий князь Константин Николаевич [8].

Военный министр Д.А. Милютин дал такую характеристику отношения Александра II к польскому вопросу: «Что касается самого Государя, то в его мыслях – как мне кажется, – происходила тяжелая борьба двух противоположных течений: с одной стороны – всякое проявление революционных притязаний поляков, пренебрежения их к русской власти, уличные беспорядки и дерзкие выходки возбуждали в нем негодование, возмущали его; он огорчился неблагодарностью, с которой поляки принимали все оказываемые им уступки и даруемые льготы; под впечатлением этих чувств являлось у него требование строгих репрессивных мер, энергических распоряжений, не исключая и употребления оружия». Вместе с тем Д.А. Милютин отмечает и мягкий характер императора: «Его природное благодушие склоняли его к мерам кротким, примирительным, внушали ему желание испробовать все средства к установлению доброго согласия между Россией и Польшей; для этого он был готов на всякие уступки, на всякие жертвования, совместные с достоинством и пользами Империи». По мнению военного министра

при Александре II у Польши была возможность получить аналогичное княжеству Финляндскому политическое положение в составе Российской империи: «Думаю, что Польша могла бы достигнуть такого же, вполне благоприятного положения, если бы только вожаки польские обладали таким же здравым смыслом, таким же спокойным, сдержанным характером, какими отличаются финляндцы» [2, с. 50].

Вступив в должность наместника царства Польского, великий князь Константин Николаевич, известный как поборник реформ, старался придерживаться этой линии и в Польше. Однако диалог брата царя с основателем Земледельческого общества Анджеем Замойским окончился неудачей. Великий князь назвал Замойского «мечтателем» и «безумцем», который не только потребовал восстановления Конституции и армии, но и заговорил о бывших восточных территориях Польши. Итогом этой беседы стала ссылка Замойского из страны, а также еще большее желание радикального крыла польского оппозиционного движения перейти к вооруженному восстанию [9, с. 105].

Вместе с тем и отношение Александра II к польскому вопросу перестало носить двойственный характер, о котором упоминал Милютин, что заметно по его переписке с братом: «Царство Польское в теперешних его границах должно оставаться навсегда достоянием России [...], она не должна быть обузой для России, а приносить ей пользу, которую она может ей принести своим мирным развитием, служа ей связью с остальной Европой». Александр II предупреждал брата, что больше никаких новых уступок и льгот не будет: «Речи быть не может, а в особенности ни о конституции, ни о национальной армии. Ни того, ни другого я ни под каким видом не допущу. Согласиться на это значило бы отречься от Польши и признать её независимость со всеми её пагубными последствиями для России, т. е. отпадением от неё всего того, что некогда было завоевано Польшею и что польские патриоты считают

своим достоянием» [3, л. 17]. Кроме того, Александр II выступал и с критикой панславистских идей, говоря об их несостоятельности в нынешних реалиях: «Многие будут рассчитывать и льстить твоему панславизму. Мысли эти как бы они не были завлекательны для будущего, я считаю в настоящую минуту крайне опасными для России и для монархического начала, ибо я вижу в них распадение России, даже не на отдельные государства, а на отдельные и, вероятно, враждебные республики. Соединение же всех славян под одну державу есть утопия, которая едва ли может когда-либо осуществиться» [3, с. 23–24].

Помимо того, император дал указание брату соблюдать военное положение, которое «должно быть сохранено во всей строгости [...] пока я не признаю возможным его снять». Он выражал надежду, что маркиз Велёпольский будет «истинным помощником» наместнику, но, зная его крутой и упрямый характер, надо «готовиться к борьбе и не уступать ему в том, что [...] не будет согласно с общим правительственным монархическим направлением и противно интересам Империи» [6, с. 473]. Что касается католической церкви, оказывая ей уважение, Александр II не допускал никакого вмешательства духовенства в политические дела [1, с. 201].

В попытках предотвратить восстание Велёпольский прибег к рискованному шагу. Он распорядился о рекрутском наборе, стремясь тем самым лишить радикалов социальной базы путем массового призыва молодых людей. Даже наместник Константин выступал с критикой этого подхода, считая его ненужной провокацией. Революционные активисты увидели в этой акции угрозу для восстания и приняли решение поспешно перейти к вооруженному выступлению. 22 января 1863 г. Национальный комитет провозгласил себя Временным национальным правительством и объявил войну царскому режиму.

22 декабря 1862 г. (3 января 1863 г.), накануне январского восстания, Александр II вернулся к сильно тревожившему его вопросу о «так называемом панславизме» и писал брату Константину: «Мои убеждения не новые, но теперь они сделались еще сильнее, и я вижу в нем славу, а гибель для Русской империи, не говоря уже о нашей династии, что в моих глазах дело второстепенное, и потому пока буду жив никогда не поддамся подобным стремлениям, которые я знаю многих соблазняют, а я считаю пагубными и предосудительными». И в том же письме повторялась главная установка инструкции: «Царство Польское должно навсегда оставаться в неразрывной связи с империей; нам следует неотступно идти в Польше по указанному мною тебе пути, не смущаясь затруднениями и иногда, может быть, неудачами, которые нас еще ожидают, и с божьей помощью, мы достигнем желаемого результата, то есть постепенного успокоения умов, основанного на твердости и законности действий правительства» [9, с. 215].

Несмотря на осведомленность о развитии освободительного движения в Польше, получение письма от Константина Николаевича о вооруженном выступлении 11 января 1863 г. стало для императора неожиданностью. Особенно потому, как известие это пришло после новостей о благополучном завершении рекрутского набора и относительном спокойствии края. Его незамедлительный ответ выдает тревогу и вместе недовольство управлением края: «Не могу понять, как, несмотря на давнишнее предсказание всеобщего восстания, не были приняты меры предосторожности в войсках, расположенных на провинции, дабы обеспечить их от того, что к несчастью случилось, т. е. внезапного нападения врасплох. Что они молодцами защищались меня не удивляет, но сердце обливается кровью о стольких несчастных жертвах [...] Нельзя опять не удивляться дисциплине революционной партии, и как тайна о назначенном дне для всеобщего восстания могла сохраниться.

Откуда взялось у них столько оружия? Известны ли какие-нибудь личности, которые ими предводительствуют? Вот вопросы, на которые я желал бы иметь ответы». Характерна и примечательна для личности Александра II концовка письма: «Я и теперь нарочно высказал, что и после последних злодейств я не хочу обвинять весь народ польский, а революционную партию, стремящуюся везде к ниспровержению законного порядка» [11, с. 220]. Но эта общечеловеческая, гуманная позиция в политике императора сочеталась с суровостью военного на троне, строго карающего всякого, посягающего на правительственную власть. 20 января (1 февраля) 1863 г. он писал вел. кн. Константину Николаевичу: «Скорейшая казнь виновных необходима, и еще раз возлагаю на твою обязанность, чтобы ими не медлили. Теперь не время великодушью. Поляки его не ценят, и видят в нем только слабость и робость правительства» [3, с. 165].

Взгляды императора Александра II по польскому вопросу были сформированы под влиянием воззрений и предрассудков Николая I. Александр II еще в детстве застал ноябрьское восстание 1830–1831 гг., которое оказало сильное впечатление на юного цесаревича. Именно подобные, наполненные опасениями и предрассудками взгляды императора обусловили дальнейшую политику царских властей на польских землях. И, как следствие, политические меры, предпринятые в Польше, стали носить двойственный характер. Император, с одной стороны, в своих либеральных стремлениях желал пойти на уступки польским патриотам, но вместе с тем призывал их отказаться от былых «мечтаний» и продолжал политический курс, заложенный отцом. Так, перестройка администрации и либерализация общественной жизни были направлены на восстановление частичной польской автономии, что лишь способствовало развитию освободительного движения на территории Польши. И, как следствие, стало причиной январского восстания.

Список литературы

1. Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: сб. ст. // отв. ред. В. В. Лапин. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. – 296 с.
2. Восстание 1863 г.: материалы и документы. Переписка наместников Королевства Польского 1861–1863 гг. Т. 2. – Вроцлав, 1973. – 447 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 678. Оп. 1. Д. 274.
4. ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1153.
5. Захарова Л.Г. Александр II и польский вопрос // Acta Universitatis Lodzianis. Folia Historica. – 1996. – № 55. – С. 45–58.
6. Захарова Л.Г., Тютюнник Л.И. Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича. – М.: Студия ТРИТЭ, 1994. – 384 с.
7. Корнилов А.А. Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX в. – М.: Огни, 1915. – 93 с.
8. Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е гг. XIX в. – М.: Индрик, 2016. – 776 с.
9. Переписка наместников королевства Польского. 1861–1863. – Т. 2. – Wrocław. – М.: Модест Колеров, 1973. – 356 с.
10. Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой. – М.: Нов. лит. обозрение, 2020. – 576 с.
11. Татищев С.С. Император Александр II, его жизнь и царствование. Т. 1. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1903. – 554 с.
12. Шильдер Н.К. Император Николай I, его жизнь и царствование. – М.: Тип. А.С. Суворина, 1997. – Кн. 2. – 820 с.
13. Яковлев А.И. Александр II и его время. – М.: Вече, 1992. – 624 с.
14. Sinko G., Shaidurov V. State Policy Towards the Participants of the Polish Uprising of 1863–1864: the Novgorod Exile of the Catholic Bishop Vikenty Theophil Popel // Bylye gody. – 2021. – 16 (1). – P. 262–269. DOI: 10.13187/bg.2021.1.262.

References

1. *Aleksandr II. Tragediya reformatora: Lyudi v sud'bah reform, reformy v sud'bah lyudej* [Alexander II. The Tragedy of the Reformer: People in the Fates of Reforms, Reforms in the Fates of People]. – Saint-Petersburg, 2012. – 296 p.
2. *Vosstanie 1863 goda. Materialy i dokumenty. Perepiska namestnikov Korolevstva Pol'skogo 1861–1863 gg.* [The uprising of 1863. Materials and documents. Correspondence of the governors of the Kingdom of Poland 1861–1863]. Vol. 2. – Wrocław, 1973. – 447 p.
3. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GA RF)* [State Archives of the Russian Federation (GA RF)]. F. 678. Op. 1. D. 274.
4. GA RF. [State Archive of the Russian Federation]. F. 722. Op. 1. D. 1153.
5. *Zaharova L.G. Aleksandr II i pol'skij vopros* [Alexander II and the Polish Republic] // Acta Universitatis Lodzianis. Folia Historica. – 1996. № 55. – P. 45–58.
6. *Zaharova L.G., Tyutyunnik L.I. Perepiska Imperatora Aleksandra II s Velikim Knyazem Konstantinom Nikolaevichem. Dnevnik Velikogo Knyazya Konstantina Nikolaevicha* [Correspondence between Emperor Alexander II and Grand Duke Konstantin Nikolaevich. Diary of the Grand Duke Konstantin Nikolaevich]. – Moscow, 1994. 384 p.
7. *Kornilov A.A. Russkaja politika v Pol'she so vremeni razdelov do nachala XX vek.* [Russian politics in Poland from the time of the partitions to the beginning of the twentieth century]. – Moscow, 1905. – 93 p.

8. *Mezh dvuh vosstanij. Korolevstvo Pol'skoe i Rossija v 30–50-e gody XIX v.* [Between two uprisings. Kingdom of Poland and Russia in the 30–50s of the XIX century]. – Moscow, 2016. – 776 p.

9. *Perepiska namestnikov Korolevstva Pol'skogo. 1861–1863* [Correspondence of the governors of the Kingdom of Poland. 1861–1863]. – Vol. 2. – Wrocław. – Moscow, 1973. – 356 p.

10. *Rol'f M. Pol'skie zemli pod vlast'ju Peterburga. Ot Venskogo kongressa do Pervoj mirovoj* [Polish lands under the rule of St. Petersburg. From the Congress of Vienna to the First World War]. – Moscow, 2020. – 576 p.

11. *Tatishhev S.S. Imperator Aleksandr II, ego zhizn' i carstvovanie* [Emperor Alexander II, his life and reign]. – Vol. 1. – St. Petersburg, 1903. – 554 p.

12. *Shil'der N.K. Imperator Nikolaj I, ego zhizn' i carstvovanie.* [Emperor Nicholas I, his life and reign]. – Part 2. – Moscow, 1997. – 820 p.

13. *Yakovlev A.I. Aleksandr II i ego vremya* [Yakovlev A.I. Alexander II and his time]. – Moscow, 1992. – 624 p.

14. Sinko G., Shaidurov V. State Policy Towards the Participants of the Polish Uprising of 1863–1864: the Novgorod Exile of the Catholic Bishop Vikenty Theophil Popel // *Bylye gody.* – 2021. – 16 (1). – Pp. 262–269. DOI: 10.13187/bg.2021.1.262.

Е.В. Дианова

Эволюция практики имянаречения в первые десятилетия советской власти

В данной статье рассматривается эволюция советской обрядности по имянаречению. Прослеживается постепенная смена названия обряда «красные» крестины – звездины – октябрины. Первоначально происходило приспособление старой церковной обрядности к реалиям советской действительности, затем на волне антирелигиозной борьбы произошел решительный отказ от названия обряда «красные» крестины с утверждением нового названия «октябрины». Представлены основные формы проведения октябрин как массовых публичных мероприятий в городе и деревне. Введение новой советской обрядности в стране связано с глубокими антропонимическими преобразованиями, в статье приводятся примеры присвоения революционных имен новорожденным детям и взрослым людям. Постепенно театрализованные представления и публичные действия по присвоению имен потеряли привлекательность, а с введением паспортной системы (1932) вместо них окончательно введена регистрация именованного гражданина в органах ЗАГС.

В качестве основных источников используется периодическая печать 1920-х гг.: газеты «Волна» (Архангельск) и «Красный Север» (Вологда), сатирический журнал «Крокодил» и крестьянский журнал Самарского губернского союза потребительских обществ «Сеятель правды» (Самара). Изучение данных источников позволило собрать интересный фактический материал, который позволяет выявить особенности практики имянаречения в различных регионах страны: на европейском Севере и в Среднем Поволжье.

Также в качестве важного историко-психологического источника можно назвать художественную литературу. Писатели и поэты, современники описываемых событий в прозе и стихах создавали образ эпохи, откликались на социальные инновации в стране, в том числе новые советские обряды, октябрины, присвоение имен-неологизмов, и фиксировали их в своих произведениях. В статье приведены примеры из рассказов и фельетонов Р.М. Акульшина, В.Е. Ардова, И.А. Ильфа и Е.П. Петрова, повестей Н. Огнева и В.Ф. Пановой, стихотворений В.А. Луговского и Н.М. Олейникова и других авторов.

Проследить эволюцию практики имянаречения дает возможность анализ развития семейно-брачного законодательства, принятие декретов и постановлений относительно прав граждан на принятие и перемену личного именованного. Историко-сравнительный подход дал основание сделать вывод о постепенном ограничении прав граждан, связанных со свободой выбора и перемены имени, отчества и фамилии.

Ключевые слова: революция, советская обрядность, октябрины, имянаречение, перемена имени, регистрация запись актов гражданского состояния.

Evolution of the practice of naming in the first decades of Soviet power

The article examines the evolution of Soviet rituals by name. There is a gradual change in the name of the ceremony "red" christening - stars - octobrines. Initially, the old church rituals were adapted to the realities of Soviet reality, then, in the wake of the anti-religious struggle, there was a decisive rejection of the name of the rite "red" christening with the approval of the new name of the Octobrines. The main forms of holding the Octobrines as mass public events in the city and countryside are presented. The introduction of the new Soviet rituals in the country is associated with profound anthroponymic transformations; the article provides examples of the assignment of revolutionary names to newborn children and adults. Gradually, theatrical performances and public actions for the assignment of names lost their attractiveness, and with the introduction of the passport system (1932), registration of the naming of a citizen in the registry office was finally introduced instead.

The main sources are the periodicals of the 1920s: the newspapers *Volna* (Arkhangelsk) and *Krasny Sever* (Vologda), the satirical magazine *Krokodil*, and the peasant magazine of the Samara Provincial Union of Consumer Societies, *Sower of Truth* (Samara). The study of these sources allowed us to collect interesting factual material that allows us to identify the features of the practice of naming in various regions of the country: in the European North and in the Middle Volga region.

Also, fiction can be called an important historical and psychological source. Writers and poets, contemporaries of the described events, in prose and poetry created the image of the era, responded to social innovations in the country, including new Soviet rituals, Octobrines, the assignment of neologistic names, and recorded them in their works. The article contains examples from the stories and feuilletons of R.M. Akulshin, V.E. Ardiv, I.A. Ilf and E.P. Petrov, stories by N. Ognev and V. F. Panova, poems by V. A. Lugovsky and NM Oleinikov and other authors.

To trace the evolution of the practice of naming makes it possible to analyze the development of family and marriage legislation, the adoption of decrees and regulations regarding the rights of citizens to adopt and change personal naming. The historical-comparative approach gave grounds to draw a conclusion about the gradual restriction of the rights of citizens associated with the freedom of choice and change of name, patronymic and surname.

Key words: revolution, Soviet rituals, Octobrines, naming, change of name, registration of civil status acts.

Введение. Перефразируя высказывание историка В.О. Ключевского, отметим, что в обрядах выражается сущность идеологии, «содержание вероучения». По мнению ученого, вероучение состоит «из верований двух порядков: одни суть истины, которые устанавливают мирозерцание верующего, разрешая ему высшие вопросы мироздания; другие суть требования, которые направляют нравственные поступки верующего, указывая ему задачи его бытия» [13].

С приходом к власти большевиков устанавливались новые требования к поведению человека в социуме, его нравственные поступки оценивались с классовых позиций. Христианская мораль и утверждавшие ее старинные обряды подверглись остракизму. А если отнять у человека «этот нажитой и доставшийся ему по наследству скарб обрядов, обычаев и всяких условностей – и он все забудет, всему разучится и должен будет все начинать сызнова» [13]. Собственно говоря, эту цель и преследовали большевики, формируя революционное мировоззрение и разъясняя трудные вопросы мироздания на основе «азбуки коммунизма», при этом задача бытия конкретного человека определялась его непосредственным участием в созидании общества светлого будущего.

Для людей, поддержавших революцию 1917 г., старая вера в Царствие небесное вытеснялась верой в земное царствие рабочих и крестьян, религиозно-монархическая идеология уступала место коммунистической идеологии. Для утверждения революционных идеалов требовались новые обряды, позволявшие эмоционально переживать их действие. Речи и выступления их организаторов закрепляли в сознании активных борцов за счастье народное и простых обывателей с различной степенью «нравственной восприимчивости» много раз четко высказанные социально-политические установки. Они облекались в форму обрядов, «в целое устройство, которое непрерывным потоком надлежащих впечатлений приводило» мысли людей «в известный порядок», их чувства – «в известное настроение». В первые десятилетия советской власти именно «из таких обрядов, обычаев, условных отношений и приличий, в которые отлились мысли и чувства, исправлявшие жизнь людей и служившие для них идеалом, постепенно путем колебаний, споров, борьбы и крови складывалось людское общежитие» [13].

К таким новым советским обрядам относились ритуалы, связанные с самыми главными событиями в жизни человека: рождение, вступление в брак и смерть. В дореволюционной России отправление обрядовых действий (крестины, венчание, отпевание) являлось прерогативой

церкви. После октября 1917 г. с утверждением новых законов о семье и браке регистрация данных событий перешла к светским органам власти: 18 декабря 1917 г. был принят декрет ВЦИК и СНК РСФСР о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния. 16 сентября 1918 г. ВЦИК РСФСР утвердил первый советский семейный кодекс. С принятием декрета СНК об отделении церкви от государства и школы от церкви от 23 января 1918 г. запись актов гражданского состояния была передана местным органам советской власти (горсоветам и сельсоветам). Юридические факты (рождение, смерть, заключение и расторжение брака) изымались из ведения церкви и, согласно закону, подлежали регистрации в органах записи актов гражданского состояния (загсах). Наряду с формальным фиксированием в документах и записи гражданского состояния стали вводиться новые советские обряды (красные крестины, красные свадьбы, красные поминки).

Обзор литературы. В целом становление советской обрядности, в том числе изучение обрядов, связанных с имянаречением, хорошо представлено в научной литературе постсоветского периода. Данная тема нашла отражение в монографии Н.Б. Лебиной [16], статьях Д. Давыдова [8], Е. Жидковой [10]. Систематизация разрозненных описаний советского обряда имянаречения в 1920-е гг. дана в работе Е.Д. Бондаренко [5]. На региональном материале выявлена ревизия культурных ритуалов в ростовской деревне [7]; на примере «революционных крестин» начала 1920-х гг. представлена практика красной обрядности в Енисейской губернии [4] и на территории Донобласти [27].

Вообще, советская обрядность имянаречения связана с глубокими и серьезными антропонимическими преобразованиями 1920–1930-х гг., появлением необычных имен, имен-неологизмов. Е.В. Душечкина выявила мессианские тенденции в советской антропонимической практике этих лет [9]. А.К. Байбурин показал изменение стандарта официального именованья после введения в 1932 г. единой паспортной

системы [3], которое привело к некоторым ограничениям в произвольной смене гражданами имен, отчеств и фамилий.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы проследить эволюцию практики имянаречения в первые десятилетия советской власти: от возникших на волне революционного энтузиазма самодеятельных ритуалов имянаречения новорожденных детей и перемены имени взрослыми людьми («красные» крестины – звезды – октябрины) до официального фиксирования именованного гражданина в документах отделов ЗАГС. Соответственно, необходимо решить задачи: 1) показать возникновение и распространение советских обрядов имянаречения как в городе, так и в деревне; 2) выявить причины участия взрослых людей в советских обрядах для смены крестильного имени и принятия нового именованного; 3) обозначить основные периоды развития советского законодательства в области антропонимики, повлиявшие на практики имянаречения.

Научная новизна публикации состоит в том, что в ней показана эволюция обрядности имянаречения в 1920–1930-е гг. как отражение трансформации политического режима в сторону ужесточения и усиления репрессивной роли силовых структур, от активного участия граждан в новых обрядах до почти полного ограничения их прав, связанных с личными именованными, и постепенного нарастания вмешательства государства в приватную жизнь человека.

Материалы и методы. Ввод нового эмпирического материала по различным регионам страны, использование периодической печати и беллетристики 1920–1930-х гг., анализ законодательства 1918–1940-х гг. позволяют дополнить общие представления о становлении советской обрядности. Применение историко-сравнительного метода возможно при анализе почерпнутых из периодической печати фактических данных о проведении красных крестин и октябрин в городе и деревне. В

данном случае сведения о внедрении советских обрядов по имянаречению были найдены в газетах северных губерний «Волна» (Архангельск) и «Красный Север» (Вологда), а также в кооперативном журнале Самарской губернии «Сеятель правды». Компаративистский подход разрешает сопоставить прецеденты участия в новых обрядах жителей как европейского Севера, так и Среднего Поволжья. Немало примеров внедрения новых советских обрядов и связанных с ними недопониманий содержится в заметках из сатирического журнала «Крокодил».

В настоящее время одним из важных историко-психологических источников является художественная литература. Авторы в основном используют произведения М.А. Булгакова – повесть «Собачье сердце» и очерк «Золотые корреспонденции Ферапонта Ферапонтовича Капорцева», где описывается обряд октябрин в рабочем клубе и наречение младенцев революционными именами. Вместе с тем на необычайные действия и театрализованные постановки для введения детей в социум обращали внимания и другие авторы 1920–1930-х гг., среди них сатирики В. Ардов, Е. Дольский, И. Ильф и Е. Петров, поэты В.А. Луговской и Н.М. Олейников. Крестьянские писатели Р.М. Акульшин, В.А. Савин в своих произведениях отразили процесс проникновения новых обрядов в самые глухие деревни.

Для создания представлений об эволюции практики имянаречения и советской обрядности необходимо использовать законодательные акты, декреты СНК и постановления, регулировавшие вопросы принятия, перемены, регистрации имени, отчества и фамилии. Законодательство в области антропонимики непосредственно связано с политическим режимом, отражает периоды его временной демократизации и либерализации, а также усиление тоталитарных тенденций.

«Красные крестины» – звездыны – октябрины – ЗАГС. В дореволюционной России имянаречение находилось в ведении церкви. Для православных – Русской православной церкви. Имя выбиралось по

святцам в соответствии с датой крещения. В советский период присвоение фамилии, имени, отчества регулировалось семейно-брачным законодательством: сначала Кодексом законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от 16 сентября 1918 г., затем Кодексом законов о браке, семье и опеке от 19 ноября 1926 г. Согласно Кодексу законов о браке, семье и опеке (1926), «в записи о рождении должно быть указано: время и место рождения, пол ребенка, присваиваемые ему имя и фамилия, а равно имена, отчества и фамилии, постоянное местожительство, занятия и возраст родителей» [26, № 82, ст. 612].

Сначала в Советской России происходило приспособление старых семейных обрядов к изменившимся порядкам. Люди, не знавшие других форм проведения торжественных церемоний кроме церковных ритуалов, не нашли ничего другого, как приспособить известные им действия к революционной действительности. Неслучайно первые мероприятия по присвоению новорожденному имени назывались крестины. Отныне вместо церковного таинства крещения в приватной обстановке устраивались массовые светские мероприятия, многолюдные собрания рабочих и служащих городских предприятий или крестьян в деревне.

В таинстве крещения участвуют священник и духовные родители. По христианской традиции восприемник (крестный отец) или восприемница (крестная мать) непосредственно принимают вынутого из купели ребенка, берут на себя ответственность перед Богом за духовное воспитание крестника или крестницы. На «красных» крестинах могло быть несколько восприемников. Ими являлись почетные гости и участники мероприятия, прежде всего представители партийных ячеек, комсомола, пионерии, женотдела, курсанты совпартшколы, профсоюзные и кооперативные работники. Передавая ребенка из рук в руки, восприемники говорили напутственные речи, выступали с докладами на антирелигиозные темы, высказывали пожелания родителям воспитывать дитя в верности и преданности идеалам революции.

Можно отметить, что первые «красные» крестины проводились в 1923 г., во время развертывания антирелигиозной борьбы. На первых таких крестинах в роли восприемника и крестного отца выступал все-российский староста Михаил Иванович Калинин. На обложке первого номера журнала «Крокодил» за 1924 г. помещен рисунок В.Н. Дени под названием «Крестины – Октябрины – Калининны», где изображен М.И. Калинин с несколькими плачущими младенцами на руках. Поводом для создания рисунка послужило реальное событие: «крестьяне Тверской губ. Василий и Екатерина Грачевы, не признающие поповских крестин, попросили тов. Калинина быть приемным отцом их новорожденного сына и устроить красные крестины» [15, № 1, с. 1].

Наиболее активно новые обряды насаждались в городах и рабочих поселках, где регулярно проводилась систематическая антирелигиозная работа. В январе 1924 г. на нескольких лесопильных заводах Архангельска рабочие устроили «красные» крестины. Жители, исподволь адаптируясь к переменам, долго сохраняли приверженность старым обычаям. Светский обряд имянаречения по-прежнему называли крестинами, прибавляя сюда слово «красные», коммунистические или революционные. Только теперь новорожденных «не несли к попу, не давали им от святого человека кличек вроде Потапа, Иоакима и т. п. Пролетарским крещением новорожденные назывались Майями, Октябринами, Розами, Нинелинами – в честь великих революционных событий и великих вождей революции» [6, 20 янв., с. 3].

В Архангельске 16 февраля 1924 г. в клубе водников в присутствии делегатов партийной конференции «состоялось торжественное принятие в ряды трудящихся нового члена – новорожденного сына беспартийного рабочего т. Зимина». Председатель собрания дал напутствие родителям: «Мы вам поручаем и доверяем воспитание будущего члена

великой семьи трудящихся с тем, чтобы он, став взрослым, стал достойным гражданином СССР и стойким борцом за дело трудящихся всего мира». Затем отец объявил имя новорожденного сына «Знание и труд», сокращенно – Знантруд. Торжество «красных крестин» завершилось хоровым пением «Интернационала» [6, 23 февр., с. 5].

В 1924 г. на станции Кинель Самарской губернии в клубе железнодорожников проходили коммунистические крестины с участием представителей женотдела, РКП(б), комсомольцев и пионеров, которые давали обещание воспитывать новорожденных мальчика и девочку, получивших имена Владимир – в честь В.И. Ленина и Роза – в честь Розы Люксембург, в коммунистическом духе. После чтения докладов «О христианской обрядности и октябринах» и «Старый и новый быт» женотдел вручил родителям подарки (отрезы ткани). Мероприятие завершилось показом антирелигиозной пьесы [23, № 16, с. 45].

«Красные» крестины приурочивали к международному дню женщин с целью проведения атеистической пропаганды среди работниц и крестьянок. Так, в Вологде 2 марта 1924 г. в клубе коммунальщиков при большом стечении народа состоялись коммунистические крестины новорожденного мальчика Октябрина Комина. Как правило, ответственным мероприятием руководил председатель собрания, ему предоставлялось право первому поздравить родителей и озвучить имя ребенка. Председатель собрания в своей речи указал на «разницу между старым и новым обрядом крещения». С его точки зрения, различие состояло в том, что ребенка нескольких дней от роду принимали на разные должности. Так, Октябрина Комина зачислили почетным красным милиционером, а представители профсоюза коммунальщиков заявили, что Октябрин Комин со 2 марта 1924 г. стал самым молодым членом их союза и клуба. Ячейка РКСМ приняла над новорожденным

шефство и подарила значок КИМ. Родители Октябрина Комина получили наказ «воспитать в сыне друга всех угнетенных и эксплуатируемых, борца за освобождение трудящихся, врага темноты и невежества, пламенного защитника власти Советов» [14, 10 мая, с. 3].

Весной 1924 г. в Вологодской губернии на станции Чебсара крестили «по-красному» сына почтового работника. Мальчика приняли в местную ячейку комсомола, а отцу поручили воспитывать сына в революционном духе. 6 апреля 1924 г. коммунистические крестины состоялись в г. Вельске. Мать ребенка, беспартийная делегатка, заявила в уездный комитет РКП(б), что «она желает передать воспитание своего ребенка коммунистической партии». Мальчику дали имя Ким и новую фамилию – Революционный. Ким зачислен в ряды пионеров [14, 10 мая, с. 3].

Дальнейшая трансформация обрядности, связанной с имянаречением и введением родившегося ребенка в мир, привела к внедрению новых названий обряда – октябрины и звездыны. Несмотря на то, что «новый быт, освобождение трудящиеся от религиозных обрядов медленно, верно прокладывает себе дорогу», и «“красные” крестины привились на архангельских заводах», рабкор местной газеты «Волна» Иван Молчанов выступил с призывом: «Долой старое название “крестин”!», так как «новому обряду не к лицу такое название, как крестины. Старое название “крестины” выброшено в архив поповских измышлений, а вместо него принято общеупотребительное октябрины (не крестить, а октябрить). Некоторые обряды принятия новорожденного в свое общество называли “звездами” (тоже не крестить, а озвездить). Давайте выбросим слово “крестины”, изыщем если не “октябрины”, то новое, но только не крестины, которые происходят прямо от слова крест, а с крестом нам не по пути» [6, 20 янв., с. 3]. Можно было радо-

ваться, что «старая «обрядность, выдуманная попами, отходит на задний план. Религиозная боязнь отмирает. Растущее сознание среди беспартийных рабочих и работниц приводит к новому быту». Тем не менее органическая связь старой и новой обрядности видна в поговорке: «По-старому – креститься, а по-новому – октябриться» [14, 12 июля, с. 4].

Местная печать скрупулезно собирала сведения и сообщала о том, как проводятся октябрины, «этот первый революционный обряд, с которым встречается будущий рабочий при его появлении на земле». Так, в Вологде 6 мая 1924 г. в клубе железнодорожники совершали октябрины над новорожденной девочкой рабочего Смирнова. Ей дали имя Роза «в память убитой революционерки Розы Люксембург» [14, 10 мая, с. 4]. В рабочем поселке Сокол Вологодской губернии в клубе лесозавода во время партийного собрания беспартийный рабочий с женой принесли ребенка и просили провести октябрины. На собрании «говорили о зверской расправе буржуазии над польским комсомольцем Энгелем» в мае 1924 г., поэтому «беспартийные супруги решили своему сыну дать имя Энгель в память расстрелянного комсомольца». Имена павших борцов за революцию давали детям в знак того, что «их борьба будет завершена нарождающимся молодым поколением» [14, 12 июля, с. 4].

11 ноября 1924 г. в клубе вологодских связистов собралось свыше 300 чел. Большое стечение народа объяснялось необычным событием: в клубе проводились октябрины новорожденного сына почтальона Цветкова. Все присутствовавшие в зале зрители «ждали с нарастающим вниманием и любопытством, нетерпеливо поглядывая на опущенный занавес». Наконец под звуки «Интернационала» в исполнении струнного оркестра раскрылся занавес. На сцене находились представители партии, комсомола, пионерии и виновники торжества муж и

жена Цветковы с новорожденным сыном, который «тихо и мирно покоился в красном одеяльце на руках матери». После торжественных речей партийных работников ребенка передали юной пионерке, которая объявила имя ребенка, названного в честь В.И. Ленина Владимиром. Затем она передала дитя комсомолке, а та – члену партии. Передача ребенка из рук в руки означала прохождение ступеней коммунистического воспитания молодежи: октябренок – пионер – комсомолец. Все восприимчивики выражали уверенность, что «Владимир Цветков будет стойким и честным революционером и бойцом, достойным вступить в ряды РКП(б)» [14, 16 нояб., с. 5].

Постепенно мероприятия по проведению октябрин, приобретая более или менее конкретные формы, стали наполняться разнообразным содержанием: пламенными речами партийцев, комсомольцев и пионеров, их напутствиями родителям, хоровым пением «Интернационала» и других революционных песен и нередко музыкальным сопровождением, игрой самодеятельных оркестров духовых и струнных инструментов. Сатирики И. Ильф и Е. Петров откликнулись на попытки создания нового быта «в учрежденческом кабинете», где «с леденящей душу добросовестностью излагались формы новых обрядов. По этому рецепту была наскоро состряпана кошмарная музыкально-профсоюзная мистерия под названием “октябрины”». В фельетоне «Мать» они описали обряд октябрин: «Новорожденного несли в местком. Здесь происходил церемониал вручения подарка. Дарили всегда одно и то же – красное сатиновое одеяло. Но уж за это одеяло председатель месткома брал реванш – над люлькой младенца он произносил двухчасовой доклад о международном положении. Новорожденный, натурально, закатывался, но опытному оратору ничего не стоило его перекричать. Взрослые тоскливо курили. Оркестр часто играл туш. По окончании до-

клада несколько посиневшему младенцу давали имя: мальчика называли Доброхим, а девочку – Кувалда, надеясь, что детей так будут называть всю жизнь. Потом все с чувством какой-то неловкости шли домой, а председатель, оставшись один, вынимал ведомость и с удовлетворением записывал: “За истекший квартал проведено политобеденных перерывов 8, культшквалов – 12, октябрин – 42”. Дома, конечно, все приходило в норму. Доброхима называли Димой, а Кувалду, естественно, Клавдией. Но чувство неудовлетворенности оставалось еще долго» [12, с. 283–284].

Новые обряды имянаречения не только «прочно заняли свой уголок в быте рабочего», но и «уже проникают в деревню». «Искры нового быта» долетали и до сельской местности, где «красные» крестины и октябрины проводили на улице или в культурно-просветительных учреждениях – народных домах и избах-читальнях. Как правило, их инициаторами и участниками являлись передовые сельские жители: демобилизованные красноармейцы, учителя, работники волисполкомов, коммунисты и комсомольцы. Так, в с. Мыльное Самарской губернии телеграфист, член РКСМ товарищ Жоголев рождение своей дочери Революции решил отпраздновать по-советски. Октябрины состоялись 6 июля 1924 г. за селом у мельницы при большом стечении народа и с участием духового оркестра кавалерийской школы [23, № 6, с. 45].

В Вологодской губернии в Новленской волости Вологодского уезда в апреле 1924 г. в канун Пасхи состоялись октябрины дочери учителя местной школы, а в д. Усово Устьянской волости Кадниковского уезда обряд октябрин совершили над новорожденным сыном крестьянина-коммуниста Мякишева члены сельской ячейки РКП(б). Хотя ребенка называли «старым, вырытым из святцев именем Глеб», все равно они устроили «вместо поповских крестин – советские октябрины» [14, 10 мая, с. 4].

В «заброшенном уголке» Кадниковского уезда в Явеньгской волости первые деревенские октябрины устроили в ноябре 1924 г. «Это «невиданное и неслыханное» в деревенской глуши событие организовали члены Давыдовской и Явеньгской комсомольских ячеек. На общем собрании сначала выступали докладчики, они «указывали на нелепость церковного крещения, а попутно и других обрядов». Новорожденную девочку назвали Дина. Отец ребенка, демобилизованный красноармеец Круглов из д. Аксеново, дал обещание «воспитывать ребенка в духе коммунизма». Родителям в подарок комсомольцы преподнесли отрез ткани на платье для девочки [14, 16 нояб., с. 5].

Родители имели возможность обойтись «без попа и кума», а также без шумных советских октябрин и зарегистрировать ребенка в отделе ЗАГС. Когда в деревне Богородской той же волости Вологодского уезда у председателя волисполкома В.П. Янгосорова родился мальчик, «товарищ Янгосоров первый в деревне отбросил поповское крещение, тот дурман, которым опутали попы крестьян». Он «не стал звать батю крестить ребенка, а ограничился одной регистрацией новорожденного в исполкоме и дал ему имя Гений, а фамилию Дарвин» [14, 6 янв., с. 3].

Внедрение новых обрядов имянаречения с присвоением детям имен-неологизмов в сельской глубинке привлекло внимание литераторов. Коми писатель 1920-х гг. В.А. Савин в произведении «Луча» рассказал, как передовой крестьянин Иван Тист «первым не то, что в деревне, а волости отказался от крещения своего новорожденного сына и устроил октябрины. Вся партячейка выбирала его имя, чтобы оно было “крепким” и “красного цвета”. Остановился он на имени Новолучинский-Чумбаров, в честь погибшего героя Гражданской войны Чумбарова-Лучинского, которое в конце концов превратилось просто в Лучу» [17, с. 296].

Уроженец Каргопольского уезда Олонецкой губернии политический деятель, поэт и публицист Федор Степанович Чумбаров-Лучинский (1899–1921) был участником Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде в 1917 г. Во время Гражданской войны он был отправлен на Северный фронт. Ф.С. Чумбаров-Лучинский был в числе делегатов X съезда РКП(б), которые участвовали в подавлении вспыхнувшего Кронштадтского мятежа. Он погиб в марте 1921 г. при штурме Кронштадта [24, с. 440].

Не секрет, что многие имена-неологизмы, которые во время октябрин давали новорожденным, вызывали недоумение: «И что за имена пошли: Оренбурги, Ненилы, Вилы... Скоро будут Ташкенты, Лопаты, Грабли...» [1, с. 5]. Крестьянский писатель Родион Акульшин в рассказе «Октябрины» (1926) представил и сам обряд сельских октябрин с присвоением ребенку революционного имени, и отношение зрителей к этому незаурядному событию. Из рассказа «Октябрины» читатель узнает, что в одной деревне в Народном доме должно состояться мероприятие «поинтересней спектакля»: «Сегодня Васька Шапкин с женою будут девочку октябрить». Люди спрашивали друг друга: «Как это октябрят? Из ковша, что ли, поливают?» Поскольку никто не знал, как будет совершаться это действие, народ стал собираться в народный дом с раннего утра; в зрительный зал людей набилось, «как селедок в бочку», а «занявшие заблаговременно места истекали потом» [1, с. 4].

В зрительном зале на сцене за столом сидел президиум, сначала председатель собрания объявил: «Небывалое торжество считаю открывшимся». Затем городская, коротко остриженная женщина-делегатка произнесла речь: «Товарищи-граждане, а в особенности гражданки, сегодня вы должны зарядиться небывалым примером и разорвать цепи того опиума, которым вас одурманивали попы. Товарищи, в честь Ленина мы называем девочку Красная Нинель и даем

торжественную клятву воспитать ее в коммунистической обстановке» [1, с. 4].

Необычайное событие обросло слухами относительно самой виновницы торжества. Народ шушукался по углам и выдвигал разные предположения, почему родители решили ребенка октябрьить, а не крестить; говорили, что девочка слепая; что «девчонка с хвостиком». По требованию председателя собрания в ответ на эту «беспредельную провокацию» делегатка «взяла у матери ребенка, развернула пеленки и показала девочку – сначала с затылка, потом – с лица» [1, с. 4].

Во время торжественной речи женщины-делегатки бабы обменивались репликами, комментируя непонятные слова. Так, не все присутствовавшие на мероприятии граждане поняли, что такое опиум и кто чем заразился, поэтому переспрашивали друг друга, уточняя: «Поп заразился?» Неожиданную реакцию крестьянок вызвало заявление делегатки о воспитании девочки «в коммунистической обстановке». Они недовольно забурчали: «Своих, небось, по приютам рассовала, а чужих воспитывать берется... В обстановке, говорит... На мягких кушетках, что ли?» [1, с. 4].

В данном случае негативная реакция обывателей на речь делегатки примечательна тем, что она показывает, как реципиенты, простые и зачастую неграмотные слушатели, относились к выступлениям советских и партийных функционеров. В их спичах соединялись канцелярский стиль и разговорная лексика, встречались иностранные слова и речевые обороты, заимствованные из газетных передовиц и докладов руководителей первых лет советской власти.

Ученые-этнографы, описывая советскую деревню 1920-х гг., отмечали «разложение старого быта» и уход старой обрядности «из народного обихода». Отмирание старой обрядности и утверждение новых советских обрядов происходило неравномерно, в сельской местности и

малых городах сохранялись патриархальные устои. С одной стороны, молодые родители под влиянием людей старшего поколения соглашались негласно совершить обряд крещения младенцев и наречения их христианскими именами, а с другой стороны, им хотелось не отставать от современных веяний и участвовать в октябринах, театрализованном действе, разыгрываемом для наречения ребенка каким-нибудь необычным революционным именем. Д.А. Золотарев по этому поводу писал: «В молодых семьях встречаются “октябрины”, зачастую сопровождающиеся гласными или тайными крестинами. Наряду с революционным именем дается христианское имя, например, “Ким” и в то же время “Аким”» [11, с. 154]. Сочетание Ким – Аким, как и других революционных и христианских имен, было довольно распространено, чему способствовали созвучие имен и их эвфония, основанная на повторяемости звуков.

Сатирик Виктор Ардов в рассказе «Марат – Макар» представил соединение крестин и октябрин. Отец ребенка Федосей Долбихин, «беспартийный артельщик», когда у него родился сын, «не знал, что с ним делать: “Какое оно ни на есть – в опиум бросать не годится”». И «несмотря на живучие пережитки» со стороны ближайших родственников, он «решил дите октябрить». По решению фабкома «новорожденное и октябрितое дитя было публично названо “Марат”». В «октябринной» речи фабкома давалось пожелание: «И пусть в этого Марата упрутся международная гидра!» После напутственных речей «народ стал расходиться». Октябрины проводились на квартире рабочего, «едва отбыл весь пленум октябрин», в комнату пришел «священник близ находящейся церкви Спаса-на-болванах», а присутствовавшие на октябринах восприемники приняли участие в таинстве крестин, предложив для ребенка имя Марат. Священник сказал, что «святцы не знают сей разбойничьей клички. Оное было бы кощунственно и богомерзко». Крестный

отец посоветовал окрестить ребенка именем, подходящим к «Марату», и выбрали имя «Макар» [2, с. 29–32].

До революции 1917 г. перемена имени (перекрещивание) не приветствовалось, хотя считалось, что смена имени может помочь часто болеющему ребенку. 4 марта (19 февраля) 1918 г. был принят декрет СНК «О праве граждан изменять свои фамилии и прозвища». Отныне каждому гражданину РСФСР, по достижении им 18-летнего возраста, предоставлялось право свободно, по его желанию изменять имя, отчество, фамильное или родовое прозвище. Заявление о желании поменять данное при крещении имя нужно было подать в отдел ЗАГС, в двухнедельный срок дать объявление в местной и центральной газете. Обычно такие объявления печатались в газете «Известия ВЦИК». По истечении двух месяцев со времени опубликования в правительственной газете лицо, изменившее свою фамилию, имя или прозвище, имело право требовать внесения этого имени во все акты гражданского состояния [25, № 37, ст. 488].

Октябрины проводились не только для новорожденных детей, но и для подростков и взрослых, решивших поменять свои старые имена на советские антропонимы. Писательница Вера Панова в своем произведении «Сентиментальный роман», описывая жизнь советской молодежи 1920-х гг., упоминала новые имена, которые носили «страшно передовые девчата с табачной фабрики». Одну звали Электрификация, другую Баррикада. В сущности, их звали Рива и Маруся, но они «октябрились, в клубе с речами и подарками от фабрики, и приняли новые имена для нового быта». Электрификация и Баррикада выделялись своим вульгарным поведением, «они то и дело хлопали ребят по спидам и кричали: „Шурка, сволочь! Сёмка, гад!“ и по самому нестоящему поводу заливались хохотом. При всем этом – славные были девчата» [21, с. 50].

Новое имя вносило коррективы в поведение человека. В повести Николая Огнева «Дневник Кости Рябцева» приводится пример, как московская школьница Дуня Дубинина, поменяв крестильное имя на новое, изменила свое отношение к церкви: «Да, когда Дуней была, то ходила (в церковь). Потом мы с отцом решили, что он будет звать меня Сильфидой, и с тех пор я перестала ходить. Мать и слышать не хочет про Сильфиду: это, говорит, ведьминское имя». Сам же автор дневника Костя Рябцев признается: «Мне очень хочется переменить имя Константин на Владлен, а то «Костями» очень многих зовут. Потом, Константин – это был такой турецкий царь, который завоевал город Константинополь, а я плевать на него хотел с шестнадцатого этажа... Но вчера я ходил в милицию, и там мне сказали, что до восемнадцати лет нельзя» [19, с. 5, 12].

Общее желание отречься «от старого мира» и поменять свое имя было настолько сильным, что иногда оно доходило до абсурда. Советский поэт Владимир Луговской в стихотворении «Утро республик» (1927) [18, с. 80] признавался:

Хочу позабыть свое имя и званье,
На номер, на литер, на кличку сменять.
Огромная жадность к существованью
На теплых руках поднимает меня.
Из топок зари рассыпаются угли.
По знаку дорог, городов, деревень
Железные рты молодых республик
Приветствуют ревом встающий день.

Таким сильным было «стремление подчиниться тенденции перековки и обезлички». Разумеется, «не предвиделось, что вскоре многим придется сменять имя и званье на лагерный номер». Глашатаи «нивелирующей дисциплины», трибуны «обезлички» испытывали «молодое

желание развоплотиться, получить номер и литер», им «в ту пору впрок не пошла мрачная антиутопия Евгения Замятина “Мы”, где нафантазированное общество будущего как раз и состоит из обезличенных “номеров”. Подобное казалось самоутверждением нового, советского человека, обретающего невозможное ранее счастье» [22, с. 22].

Вместе с тем добровольное октябрение нередко становилось способом получения пусть небольших, но важных материальных благ. Обычно родителям новорожденных детей, прошедших октябрение, местком или кооператив вручали подарки (отрез ткани, одеяло, деньги, продукты). Некоторые граждане, как герой фельетона «Обалдуев в Москве» (автор Евграф Дольский), решали пройти обряд октябрин ради нужного им подарка. Надеясь получить взрослое ватное одеяло, они никак не ожидали, что обычно дарят легкое младенческое одеяльце размером с квадратный аршин, а в профсоюзе металлистов родителям «подносят» книгу «Азбука коммунизма» Н.И. Бухарина и Е.А. Преображенского [15, № 14, с. 8].

Наряду с публичными действиями, самодеятельными театральными постановками октябрин можно было осуществить регистрацию ребенка в отделе ЗАГС. Если в 1920-е гг. смена имени могла осуществляться в ходе нового советского обряда октябрин в рабочем клубе, сельской избе-читальне или вообще на свежем воздухе с последующей фиксацией в документах загса, то в 1930-е гг. в городах регистрация граждан с новыми именами, как и выдача свидетельств о рождении, стала проходить только в отделах ЗАГС, а в сельской местности – в сельсоветах. Загс становился «подлинным зеркалом», отражавшим явления нового быта. Его работники вели пропаганду новых имен, объясняли их значение.

Поэт-пародист Аргус (Ф.Ф. Благов) отметил данное явление в сатирическом четверостишии [15, № 15, с. 5]:

Был любезный мой Аким,
А теперь зовется Ким,
И меня желает – Домну –
Перезагсить в Совнаркомну.

Некоторые ограничения в произвольной смене гражданами фамилий произошли с установлением единой паспортной системы с обязательной пропиской паспортов (1932). Отныне всем гражданам с 16 лет, постоянно проживавшим в городах и рабочих поселках, работавшим на транспорте и в совхозах, выдавались паспорта. В них указывались фамилия, имя, отчество; дата и место рождения, национальность, социальное положение постоянное местожительство и место работы. В 1930–1940-е гг. в советской официальной сфере (прежде всего в паспортных данных и в других документах) произошел переход от традиционного для России использования последовательности «имя – отчество – фамилия» (ИОФ) к новой последовательности: «фамилия – имя – отчество» (ФИО). Изменение стандарта официального именования «вызвано не только распространением различного рода списков, но и кардинальным изменением отношения к человеку – резким снижением статуса его индивидуальности и, соответственно, уважительного отношения к нему» [3, с. 74].

Введение паспортной системы и выдача гражданам с 16 лет паспортов с четко зафиксированной именной формулой (фамилия, имя, отчество) несколько затруднило процесс смены официального именования. Несмотря на осложнение процедуры, в 1930-е гг. перемена фамилии стала массовым явлением. В газете «Известия» регулярно печатались объявления о перемене имен и фамилий, о чем упоминается в пародийном стихотворении «Перемена фамилии» (1934) Николая Олейникова [20, с. 147]:

Пойду я в контору «Известий»,
Внесу восемнадцать рублей
И там навсегда распрощаюсь
С фамилией прежней моей.

Козловым я был Александром,
А больше им быть не хочу!
Зовите Орловым Никандром,
За это я деньги плачу.

Как видим, герой стихотворения Александр Козлов решил поменять свои имя и фамилию на более, с его точки зрения, благозвучные, став Никандром Орловым, хотя греческое христианское имя Никандр, означавшее «муж победитель», в советской антропонимической системе выглядело явным анахронизмом.

В конце 1930-х гг. самодеятельность граждан в отношении перемены личных именованных была резко ограничена. 31 марта 1940 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке изменения гражданами СССР фамилий и имен». Теперь изменение фамилий и имен гражданами СССР допускалось по достижении ими 18-летнего возраста и производилось с разрешения отделов актов гражданского состояния НКВД союзных и автономных республик и отделов актов гражданского состояния краевых и областных управлений НКВД¹.

7 апреля 1940 г. СНК СССР утвердил инструкцию НКВД СССР «О порядке изменения гражданами СССР фамилий и имен». Заявления о желании изменить фамилию или имя подавались в бюро записей актов гражданского состояния по месту жительства заявителя. В заявлении указывались следующие сведения по 11 пунктам, в том числе: фами-

---

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке изменения гражданами СССР фамилий и имен» от 31 марта 1940 г. URL: <https://istmat.info/node/22749>

лия, имя и отчество заявителя; паспортные данные; семейное положение; место и время рождения; отношение к военной службе; сведения о детях заявителя: их фамилии и имена, место и год рождения, местонахождение. Заявителю нужно было указать причину изменения фамилии и имени, а также назвать избранную фамилию или имя. Отчество менять не разрешалось. Кроме указания точного адреса местопребывания на момент подачи заявления следовало предоставить точный перечень местностей, в которых проживал заявитель.

Отделы актов гражданского состояния проверяли правильность сведений, изложенных в заявлении, и его обоснованность, затем производили регистрацию изменения имени или фамилии или же отказывали в этом, сообщая о своем решении заявителю. Изменение фамилии или имени не допускалось в следующих случаях: а) если заявитель находился под следствием или у него имелась судимость; б) если имелись протесты со стороны органов государственной власти¹.

Таким образом, в условиях ужесточения политического режима были значительно ограничены права советских граждан, касающиеся личного именованья. Запрет свободно менять имена и фамилии связан с усилением репрессивного аппарата власти, установлением тотального контроля над гражданами.

Обсуждение и выводы. Советские социальные инновации, вводимые в повседневную жизнь людей, тяготели к традиционной культуре, устоявшимся моделям поведения. Неслучайно первые обряды по имянаречению младенцев назвались «красные» крестины. Упрочение позиций советской власти и борьба за «новый быт» привели к некоторой трансформации обрядности, появлению звездин и октябрин. Октябрины представляли собой публичное театрализованное ритуальное действие с участием самих «виновников торжества» и представителей

---

¹ Инструкция НКВД СССР «О порядке изменения гражданами СССР фамилий и имен», утв. СНК СССР 7 апреля 1940 г. URL: <https://istmat.info/node/22750>

государственных органов, общественных организаций, партии, комсомола и пионерии.

В первые двадцать лет существования советской власти практика имянаречения прошла определенную эволюцию, подтверждая один из законов диалектики «Отрицание отрицания»: от возникших на волне революционного порыва трудящихся масс новых обрядов имянаречения новорожденных детей и перемены имени взрослыми людьми («красные» крестины – звездыны – октябрины) до официальной регистрации именованя гражданина в документах отделов ЗАГС.

Сначала после революции 1917 г. произошел решительный отказ от принуждения со стороны синодального ведомства и навязывания личного имени по святцам, в 1920-е гг. наблюдался всплеск энтузиазма и подъем творчества народных масс в становлении новой обрядности. Несмотря на введение паспортной системы (1932), граждане продолжали активно менять свои личные именованя, подавая заявления в ЗАГС и печатая объявления в газете «Известия». В данном случае глубоко приватный процесс смены имени обнародовался и выносился на суд общественности, становился доступным для обсуждения широкой публикой.

Затем во второй половине 1930-х гг., с одной стороны, отмечалось постепенное снижение активности граждан в смене имен, а с другой – одновременно происходило установление полного контроля государства над личностью человека, выражавшееся в том числе в ограничении его прав в имянаречении и свободы самостоятельного выбора личного именованя.

Возникновение и распространение советских обрядов имянаречения происходило как в городе, так и в деревне. Разница состояла в том, что городские жители оказались более подверженными воздействию агитации за «новый быт». Условия их коллективного труда на фабриках и заводах, проживание во многоквартирных домах и коммунальных

квартирах также облегчали введение новой семейной обрядности «красных» крестин и октябрин. Наряду с детьми октябрились и взрослые граждане. Причины участия взрослых людей в советских обрядах заключались в стремлении сменить старое крестильное имя и принять новое именование, соответствующее веяниям революционного времени, слиться с общей массой. Желание октябриться иногда было вызвано и меркантильными интересами.

В 1930-е гг. октябрины и прочие массовые действия, связанные с обрядом имянаречения, постепенно сходят на нет, уступив место формальной процедуре регистрации в органах ЗАГС и выдачей родителям свидетельства о рождении ребенка, а в случае перемены фамилии по просьбе заявителя, а также в связи с заключением брака или разводом – новых паспортов взрослым людям.

Основные периоды развития советского законодательства в области антропонимики, повлиявшие на практики имянаречения, связаны с главными вехами социально-политической истории страны. В первые годы советской власти приняты декрет ВЦИК и СНК РСФСР о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния (1917), декрет СНК «О праве граждан изменять свои фамилии и прозвища» (1918), утвержден первый советский семейный кодекс (1918). В эпоху нэпа развитие семейно-брачного законодательства отмечено принятием Кодекса законов о браке, семье и опеке (1926). Введение паспортной системы (1932) привело к некоторым ограничениям в деле перемены личного именования. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке изменения гражданами СССР фамилий и имен» и инструкция НКВД СССР «О порядке изменения гражданами СССР фамилий и имен» (1940) надолго лишили граждан права свободно менять свои имена, отчества и фамилии.

Завершая изложение, можно сказать, что данная тема весьма перспективна, она предполагает возможности дальнейшего изучения эволюции практики имянаречения во второй половине XX в. до развала СССР и в постсоветский период.

Список литературы

1. Акульшин Р.М. Октябрины. – М.; Л.: Земля и фабрика, 1926. – 29 с.
2. Ардов В.Е. Марат – Макар // Тайна старого кооператива. – Л.: Красная газ., 1926. – С. 29–33.
3. Байбурин А.К. Последовательность элементов именной формулы в русской традиции // Вопр. ономастики. – 2019. – Т. 16. – № 4. – С. 74–82.
4. Бобрик И.Е. Практика красной обрядности как элемент советской повседневности начала 1920-х гг. (на примере «революционных крестин» Енисейской губернии 1923 г.) // Человек в мире культуры: регион. культурол. исслед. – 2017. – № 2/3 (21). – С. 18–21.
5. Бондаренко Е.Д. Советские сценарии имянаречения: диалог с традицией // Полит. лингвистика. – 2013. – № 4 (46). – С. 166–171.
6. Волна: газ. Архангел. губерн. ком. РКП(б). – Архангельск, 1924.
7. Гонозов О.С. Ревизия культурных ритуалов в Ростовской деревне 1920-х гг.: характер и результаты // Вестн. Костром. гос. ун-та. – 2007. – № 3. – С. 213–216.
8. Давыдов Д. Срочно созвать заседание крестных отцов... // Родина. – 2016. – № 11 [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2016/11/18/rodina-krestiny.html> (дата обращения: 20.05.2021).
9. Душечкина Е.В. Мессианские тенденции в советской антропонимической практике 1920-х – 1930-х гг. // University of Toronto. Academic Electronic Journal in Slavic Studies. [Электронный ресурс]. – URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/12/dushechkina12.shtml> (дата обращения: 20.05.2021).
10. Жидкова Е. Советская гражданская обрядность как альтернатива обрядности религиозной // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – Т. 30. – № 3-4. – С. 408–429.
11. Золотарев Д.А. Этнографические наблюдения в деревне РСФСР (1919–1925): материалы по этнографии (этнограф. отд. Русского музея). – 1926. – Т. 3. – Вып. 1. – С. 143–158.
12. Ильф И.А., Петров Е.П. Мать // Собр. соч.: в 4 т. – Петрозаводск: Карелия, 1994. – Т. 3. – С. 282–287.
13. Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция LIV [Электронный ресурс]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Klyuchevskij/kurs-russkoj-istorii/53 (дата обращения: 20.05.2021).
14. Красный Север: газ. Вологод. губерн. ком. РКП(б). – Вологда, 1924.
15. Крокодил: сатир. журн. – М., 1924.
16. Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. 3-е изд. – М.: Нов. лит. обозрение, 2018. – 482 с.
17. Лисовская Г.К. Типы художественного сознания в новеллистике 20-х гг. XX в. // Музеи и краеведение: тр. Нац. музея Респ. Коми. Вып. 6. – Сыктывкар, 2007. – С. 294–299.
18. Луговской В.А. Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. – М.: Худож. лит., 1971. – 526 с.
19. Огнев Н. Дневник Кости Рябцева: Третья группа (1923/24 учеб. год): повесть. – М.: Советская Россия, 1989. – 301 с.
20. Олейников Н.М. Число неизреченного. – М.: ОГИ, 2016. – 510 с.

21. Панова В.Ф. Избр. произведения: в 2 т. Т. 2. Сентиментальный роман; ист. повести. – Л.: Худож. лит., 1980. – 359 с.
22. Рассадин С.Б. Советская литература. Победенные победители: почти учебник. – М.-СПб.: ИНАПРЕСС, 2006. – 361 с.
23. Сеятель правды: еженедел. крестьян. журн. Самар. губерн. союза потребителей обществ. – Самара, 1924.
24. Скепнер Л.С. Чумбаров-Лучинский Федор Степанович // Помор. энцикл.: в 5 т. Т. 1: История Архангельского Севера. – Архангельск: Помор. гос. ун-т, 2001.
25. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1918.
26. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1926.
27. Табунщикова Л.В. «Красная обрядность» на территории Донобласти в 1923–1924 гг. // Вестн. Православ. Свято-Тихон. гуманитар. ун-та. – 2015. – № 6 (67). – С. 85–94.

References

1. Akulshin R. M. *Oktyabriny* [Octobrine]. – Moskva-Leningrad: Zemlya i fabrika, 1926. (In Russian).
2. Ardiv V.E. *Marat – Makar* [Marat – Makar] // *Ardiv V. E. Tajna starogo kooperativa* [The mystery of the old cooperative]. – Leningrad: Krasnaya gazeta, 1926. – P. 29–33. (In Russian).
3. Baiburin A.K. *Posledovatel'nost' elementov imennoj formuly v russkoj tradicii* [Element Sequence in the Name Formula in Russian Tradition] // *Voprosy onomastiki*. [Voprosy onomastiki]. – 2019. – Vol. 16. – Issue 4. P. 74–82. (In Russian).
4. Bobrik I.E. *Praktika krasnoj obryadnosti kak element sovetskoj povsednevnosti nachala 1920-h gg. (na primere «Revolucionnyh krestin» Enisejskoj gubernii 1923 g.)* [The practice of red rituals as an element of Soviet everyday life in the early 1920s. (the case of "revolutionary baptism" ceremonies in Yenisey guberniya in 1923)] // *CHelovek v mire kul'tury. Regional'nye kul'turologicheskie issledovaniya* [Man in the world of culture. Regional cultural studies]. – 2017. – № 2/3 (21). – P. 18–21. (In Russian).
5. Bondarenko E.D. *Sovetskie scenarii imyanarecheniya: dialog s tradiciej* [The soviet naming scenarios: dialogue with tradition] // *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. – 2013. – № 4 (46). – P. 166–171. (In Russian).
6. *Volna* [Wave]. *Gazeta Arhangel'skogo gubernskogo komiteta RKP(b)* [Newspaper of the Arkhangelsk Provincial Committee of the RCP(b)]. Arkhangelsk, 1924. (In Russian).
7. Gonozov O.S. *Reviziya kul'turnyh ritualov v Rostovskoj derevne 1920-h gg.: karakter i rezul'taty* [Revision of cultural rituals in the Rostov village of the 1920s: character and results] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma State University]. – 2007. – № 3. – P. 213–216. (In Russian).
8. Davydov D. *Srochno sozvat' zasedanie krestnyh otcov...* [Urgently convene a meeting of the godfathers ...]. *Rodina* [Homeland]. – 2016. – № 11. - URL: <https://rg.ru/2016/11/18/rodina-krestiny.html> (In Russian).
9. Dushechkina E. V. *Messianskie tendencii v sovetskoj antroponimicheskoy praktike 1920-h – 1930-h godov* [Messianic tendencies in the Soviet anthroponymic practice of the 1920s – 1930s] // University of Toronto. Academic Electronic Journal in Slavic Studies. 2003. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/12/dushechkina12.shtml> (In Russian).
10. Zhidkova E. *Sovetskaya grazhdanskaya obryadnost' kak al'ternativa obryadnosti religioznoj* [Soviet civil rituals as an alternative to religious rituals] // *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2012. – Vol. 30. – № 3-4. – P. 408–429. (In Russian).
11. Zolotarev D.A. *Etnograficheskie nablyudeniya v derevne RSFSR (1919–1925 gg.)* [Ethnographic observations in the village of the RSFSR (1919–1925)] // *Materialy po etnografii (Etnograficheskoe otdelenie Russkogo muzeya)* [Materials on ethnography

(Ethnographic department of the Russian Museum)]. 1926. – Vol. 3. – №. 1. – P. 143–158. (In Russian).

12. *Ilf I.A., Petrov E.P. Mat' [Mother]. Ilf I.A., Petrov E.P. Sobranie sochinenij v 4 t. [Collected works in 4 vol.]*. – Petrozavodsk: Karelia, 1994. – Vol. 3. – P. 282–287. (In Russian).

13. *Klyuchevskiy V.O. Kurs russskoj istorii [Course of Russian history]. Lekciya LIV [Lecture LIV]*. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Klyuchevskij/kurs-russskoj-istorii/53 (In Russian).

14. *Krasnyj Sever [Red North]. Gazeta Vologodskogo gubernskogo komiteta RKP(b) [Newspaper of the Vologda Provincial Committee of the RCP (b)]*. – Vologda, 1924. (In Russian).

15. *Krokodil [Crocodile]. Satiricheskij zhurnal [Satirical magazine]*. – Moscow, 1924. (In Russian).

16. *Lebina N.B. Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilyu [Soviet everyday life: norms and anomalies. From War Communism to Big Style]*. – Moscow: Novoe lit. obozrenie, 2018. (In Russian).

17. *Lisovskaya G.K. Tipy hudozhestvennogo soznaniya v novellistike 20-h godov XX veka [Types of artistic consciousness in short stories of the 20s of the twentieth century] // Muzei i kraevedenie. Trudy Nacional'nogo muzeya Respubliki Komi [Museums and local history. Proceedings of the National Museum of the Komi Republic]*. 2007. – Vypusk 6 [Issue 6]. Syktyvkar. – P. 294–299. (In Russian).

18. *Lugovskoy V.A. Sobranie sochinenij: v 3 t. T. 1. Stihotvoreniya i poemy [Collected works: in 3 vol. Vol. 1. Poems and poems]*. – Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1971. (In Russian)

19. *Ognev N. Dnevnik Kosty Ryabceva: Tret'ya gruppa (1923/24 ucheb. god) [Diary of Kostya Ryabtsev: The third group (1923/24 academic year)]. Povest' [The story]*. – Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1989. (In Russian).

20. *Olejnikov N.M. CHislo neizrechennogo [The number of the unspeakable]*. Moscow: OGI, 2016. (In Russian).

21. *Panova V.F. Izbrannye proizvedeniya: V 2-h v. Vol. 2 [Selected works: In 2 vol. Vol. 2]. Sentimental'nyj roman; Istoricheskie povesti [Sentimental novel; Historical stories]*. – Leningrad, Hudozhestvennaya literatura, 1980. (In Russian).

22. *Rassadin S.B. Sovetskaya literatura. Pobezhdennye pobediteli: pochti uchebnik [Soviet literature. Defeated Winners: Almost a Tutorial]*. – Moscow-Sankt-Peterburg: INAPRESS, 2006. (In Russian).

23. *Seyatel' pravdy [Sower of Truth]. Ezhenedel'nyj krest'yanskij zhurnal Samarskogo gubernskogo soyuza potrebitel'skih obshchestv [The weekly peasant magazine of the Samara Provincial Union of Consumer Societies]*. – Samara, 1924. (In Russian).

24. *Skepner L.S. Chumbarov-Luchinskij Fedor Stepanovich [Chumbarov-Luchinsky Fedor Stepanovich] // Pomorskaya enciklopediya: v 5 t. T. 1: Istoriya Arhangel'skogo Severa [Pomor Encyclopedia: in 5 volumes. Vol. 1: History of the Arkhangelsk North]*. – Arkhangelsk: Pomeranian State University, 2001. – P. 440. (In Russian).

25. *Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij raboche-krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR [Collection of legalizations and orders of the workers 'and peasants' government of the RSFSR] (1918)*. (In Russian)

26. *Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij raboche-krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR [Collection of legalizations and orders of the workers 'and peasants' government of the RSFSR] (1926)*. (In Russian)

27. *Tabunshchikova L.V. «Krasnaya obryadnost'» na territorii Donoblasti v 1923-1924 gg. [«Red ritualism» in the Don region in 1923–1924] // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon University for the Humanities]*. – 2015. – № 6 (67). – P. 85–94. (In Russian).

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94(470+443.611)"17"

ГРНТИ 03.61.21: Историческая антропология

03.21.31: История России Нового времени

DOI 10.35231/25422375_2021_1_104

Л.П. Заболотная

Личная жизнь Антиоха Кантемира: тайная семья в Париже*

*«Провидение велит нам довольствоваться тем, что есть.
А что касается жены, то я не думаю,
что брак плохо вяжется с философией;
напротив, думаю, что философу следует быть женатым».*
Антиох Кантемир, ноябрь 1740 г.

Политическая и литературная деятельность Антиоха Кантемира всегда представляла огромный научно-исследовательский интерес. Однако, несмотря на многочисленные публикации, его личная жизнь до настоящего времени не была предметом отдельного исследования.

Основным источником для изучения данной проблемы послужили завещание и личные письма Антиоха Кантемира к членам его семьи, а также письма его душеприказчиков. Эти документы представляют особый интерес, так как содержат сведения об образе жизни Антиоха Кантемира и его взглядах на личную и семейную жизнь. Большинство писем были обнаружены в Российском государственном архиве древних актов и до настоящего времени не были введены в научный оборот.

Данное исследование позволяет приоткрыть неизвестные страницы частной жизни этого выдающегося литератора и дипломата XVIII в. и предвосхищает новые документальные открытия, которые позволят комплексно и детально подойти к этому малоизученному вопросу.

Ключевые слова: Антиох Кантемир, частная жизнь, семья, дети Антиоха Кантемира, личная корреспонденция, завещание.

Liliya P. Zabolotnaya

Antiochus Cantemir's personal life: secret family in Paris

*“Providence tells us to be content with what we have.
As for the wife, I don't think marriage does not fit well with philosophy;
on the contrary, I think that a philosopher should be married”.*
Antiochus Cantemir, November 1740

Political and literary activities of Antiochus Cantemir have always been of great scientific research interest. However, despite numerous publications, his personal life has not yet been the subject of a separate study.

© Заболотная Л.П., 2021

* Работа выполнена в рамках проекта «Музейное наследие и историческая память: исследование, интерпретация, презентация (20.80009.0807.43)».

The main source for the study of this problem was the Antiochus Cantemir's last will and personal letters to his family members, as well as letters from his executors. These documents are of special interest, as they contain information about the lifestyle of Antiochus Cantemir and his views on personal and family life. Most of the letters were found in the Russian State Archive of Ancient Acts and have not yet been introduced into scientific circulation.

This study allows us to reveal unknown pages of the private life of this outstanding writer and diplomat of the XVIII century and anticipates new documentary discoveries that will allow a comprehensive and detailed approach to this little-studied issue.

Key words: Antiochus Cantemir, private life, family, children of Antiochus Cantemir, personal correspondence, last will.

Биография, жизнь, дипломатическая деятельность, литературное наследие, музыка, рисование, наука – вся это нескончаемая и выразительная многогранность выдающегося исторического персонажа и широкоизвестной личности Антиоха Кантемира [13, с. 135; 10, с. 195], на протяжении веков всегда представляла огромный научно-исследовательский интерес. Библиография настолько богата и всеобъемлюща, что если ограничиться даже краткой историографией, то она займет десяток страниц.

Однако, на наш взгляд, в многочисленных публикациях, включая солидные биографические словари и энциклопедии, личная жизнь Антиоха Кантемира всегда оставалась вне исследовательского поля и до настоящего времени никогда не была предметом фундаментального монографического исследования. О его личной жизни писалось либо на фоне событий в семье Кантемир, либо в контексте его заграничной деятельности. Помимо всего, исследователи-кантемирологи всегда избегали углубляться в изучение данного вопроса, игнорировали документы частного характера, отдавая предпочтение в первую очередь тематике его государственно-политической, дипломатической и литературной деятельности.

В данном кратком исследовании мы ограничимся лишь одной, из практически не изученной сторон его частной жизни – семейной и, в частности, как относился к этому вопросу он сам лично. Помимо этого,

до настоящего времени остается открытым вопрос: была ли у Антиоха Кантемира за границей тайная семья, дети или это было простое любовное увлечение.

Основным источником для изучения данной проблемы послужат завещание и личные письма Антиоха Кантемира к членам его семьи, сестре Марии и братьям Сергею и Матвею. Отдельную категорию документов в данном исследовании представляют письма его душеприказчиков, особенно из Парижа, в которых содержится неценимая информация, как Антиох составлял завещание и как велел распределить движимое и недвижимое свое имущество в Париже и России, о ком надо позаботиться после его смерти. Важность и особенность данных источников заключается в том, что они содержат сведения об образе жизни Антиоха Кантемира, о его чувственной и эмоциональной стороне жизни, его взгляде на необходимость и значимость семьи и т. д. Большинство писем были обнаружены в Российском государственном архиве древних актов (далее – РГАДА), в фонде 1374 «Кантемиры. Дела по имениям в разных уездах. Личная и семейная переписка (1702–1782)». Они до настоящего времени не были введены в научный оборот.

Не менее авторитетными и имеющими важное значение в нашем исследовании являются и опубликованные письма. В частности, в работе Л.Н. Майкова «Материалы для биографии кн. А.Д. Кантемира» [9] содержатся уникальные по информационному содержанию источники: «Переписка князя А.Д. Кантемира. 1732–1744» [9, с. 1–285] и «Журнал Академии наук переводчика Ивана Ильинского. *Notationes quotidianae*. 1721–1730» [5, с. 295–313]. Отдельное место в ряде опубликованных писем занимают работы итальянской исследовательницы Джины Майелларо [6, с. 25–78; 7, с. 147–201], которая издала десятки писем А.Д. Кантемира к сестре Марии в двух сборниках. Указанные издания сопровождаются глубоким лингвистическим анализом эпистолярного

наследия Антиоха Кантемира, а также отличаются обстоятельным критическим подходом к источнику.

Обобщая вышеизложенное, необходимо отметить, что частная переписка представляет собой уникальный исторический источник, информационный потенциал которого в должной мере еще не оценен исследователями [20, с. 172–183]. В XVIII в. переписка была самостоятельным жанром со своими нормами и канонами. Было принято писать длинные письма, в которых авторы подробно излагали свои мысли и чувства, оценивали происходившие события, рассуждали о своей жизни и деятельности. Таким образом, анализ письма как исторического источника позволяет извлечь не только фактический материал, но и нередко сформировать представление о мировоззрении автора письма, о комплексе его идей, в том числе и как носителя системы ценностей, взглядов и установок современной ему эпохи [4, с. 191].

Первыми исследователями, которые попытались осветить личную жизнь Антиоха Кантемира на основе эпистолярного наследия, были И.И. Шимко и Л.Н. Майков. И.И. Шимко в своей работе «Новые данные к биографии Антиоха Дмитриевича Кантемира и его ближайших родственников», ссылаясь на сведения парижского аббата Венути, писал, что у него осталось от некой девицы Ангельберт «двое детей, которых воспитание и безобидное существование он обеспечил» [19, с. 322].

О том, что Антиох Кантемир с 1740 г. сожительствовал с молодой француженкой Ангельберт, есть многочисленные свидетельства, а главным подтверждением существования незаконной семьи являются двое детей, которые остались после его смерти. Аббат Венути, который был другом и одним из биографов Антиоха¹, отмечал, что ему были

---

¹ До настоящего времени вопрос о том, кто был первым биографом Антиоха Кантемира остается открытым. Некоторые исследователи считают, что им был аббат Гваско [2, с. 33; 15, с. 269–271; 1, с. 11–14]. Известный издатель произведений Антиоха Кантемира В.Я. Стоюнин [16], а также И.И. Шимко [19, с. 19, 46] считали, что первым издателем был аббат Венути.

присущи высокие нравственные черты характера: честность, благородность, порядочность и искренность как в дипломатической деятельности, так и в жизни [18, с. 465–473]. Исходя из характеристики Антиоха аббатом Венути, напрашивается вывод, что Антиох был ответственен за свои поступки и, естественно, за своих детей.

Однако в данном контексте, вызывает интерес жизненная позиция Антиоха Кантемира в отношении семейной жизни. У него были романтические увлечения и до этой молодой француженки, однако он ни с кем себя не связывал никакими обязательствами. Решение родить детей вне брака и заботиться о них говорит само себя. Ни один мужчина не пойдет на такой ответственный поступок без глубокого убеждения, что они желанны и ему необходимы. Такой волевой поступок со стороны Антиоха Кантемира трудно объяснить. Во-первых, он был тяжело болен и прекрасно понимал последствия своей болезни. Во-вторых, он всецело был занят своей работой, не говоря уже о том, что он очень много времени уделял своим истинным пристрастиям – литературе и науке. Так, в одном из своих писем к сестре Марии, которой он всецело доверял самые сокровенные свои мысли и тайны, в ноябре 1740 г. он излагал свои рассуждения о семейной жизни и о женитьбе: «Может быть, когда-нибудь Господь даст мне возможность послужить моему семейству (т. е. он предполагал иметь свою семью – Л. З.); если же это никогда не осуществится, то, значит, Провидение велит нам довольствоваться тем, что есть. А что касается жены, то я не думаю, что брак плохо вяжется с философией; напротив, думаю, что философу следует быть женатым, чтобы не беспокоили телесные похоти, и потому жалею, что остался одиноким. Но так как этому помочь теперь трудно, то могу обойтись и без супруги, нет человеческого желания, которое нельзя было бы побороть, когда этого требует разум» [19, с. 109].

В этих строках Антиох, с одной стороны, говорит о том, что супружеская жизнь играет важную роль в жизни человека, даже философа, каковым он себя считал. С другой стороны, он, как и его сестра Мария, подавляет в себе все плотские и мирские желания, как бы оправдываясь за свою нереализованность и несостоятельность в жизни.

Видимо, у него были глубокие душевные противоречия на тему своих несостоявшихся мечтаний и жизненных стремлений, и он считал, что в его возрасте он мог бы достичь большего в карьерном росте, материальном благополучии, социальном статусе и т. д. Будучи человеком глубоко интеллигентным, он жил в постоянных душевных сомнениях, поэтому воспринимал и переживал все жизненные проблемы особенно остро и самокритично. Чувственную и эмоциональную сторону своей жизни он мог открыть только Марии. Спустя несколько месяцев, 15/26 января 1741 г., он писал сестре в продолжении этой темы: «Сказать по правде, мне от всей души хочется возвратиться на родину¹: уже почти десять лет, как я нахожусь вдали от нее, и за это время я не разбогател, не подвинулся особенно вперед по службе, между тем, как другие делают гигантские шаги. Кроме того вижу, что, пока не вернусь, не найдется никого, кто бы позаботился о наших делах, а направлять их через письма невозможно» [7, письмо № 20; 19, с. 110].

В этих строках Антиох пишет с разочарованием о своем длительном и, на его взгляд, бездарным пребывании за границей, так как за 10 лет не сумел построить карьеру состоявшегося, успешного молодого мужчины, достойного создать и построить семью.

---

¹ Для него родина только Россия. Он себя называл исключительно русским и никогда не писал о своих молдо-греческих корнях.

Именно в этот отрезок времени происходит разрыв и с его невестой в России, Варварой Алексеевной Черкасской¹, дочерью Алексея Михайловича Черкасского²: «черепаха всегда останется черепахой, я от нее я ничего не ожидаю; тигрицу уступаю, кому угодно; по правде сказать, мне теперь все равно» [19, с. 118]. Письмо было написано 1/11 ноября 1742, а через несколько дней, 4/15 ноября, А.М. Черкасский скончался. В это же день, 4 ноября, по иронии судьбы Антиох Кантемир шлет очередное письмо своей сестре, в котором окончательно отказывается от мысли жениться на В.А. Черкасской: «Если мое возвращение нужно только для того, чтобы гоняться за Тигрицей, уверяю вас, что оно будет напрасным: я уже совершенно не в состоянии жениться, как писал вам раньше. Было бы хорошо передать тоже самое Черепахе, чтобы она не превратилась во врага, если я снова приду ей на ум; вот одна из причин, почему я не хотел бы встретиться с нею раньше года. Говоря проще, я рассчитываю провести жизнь одиноким, чтобы не сделаться хвостом какой-нибудь кометы, и проживать свой век мирно, вдали от бурь и зависти» [19, с. 120].

Из этих строк следует, что Антиох Кантемир принял для себя окончательное решение по поводу полного разрыва долголетней помолвки с дочерью А.М. Черкасского, которая, как видно, уже была ему больше

---

¹ Черкасская Варвара Алексеевна (11.09.1711 – 2.10.1767) – единственная дочь Алексея Михайловича Черкасского и его второй жены Марии Юрьевны Трубецкой. С 1741 г. Варвара Алексеевна считалась самой богатой невестой в России. Была сосватана за Антиоха Кантемира. Мария Кантемир на протяжении многих лет поддерживала отношения с семьей Черкасских и мечтала о женитьбе брата на ней. В конечном итоге, помолвка была расторгнута. 28 января 1743 г. В.А. Черкасская была выдана замуж за графа Петра Борисовича Шереметьева. Ее приданое составляло 70 000 душ крестьян. Мария Кантемир называла ее в своих письмах «Тигрица», за замкнутость и надменность.

² Черкасский Алексей Михайлович (28.09.1680, Москва – 04.11.1742, Москва) – богатейший по числу душ помещик России, последний в старшей линии рода Черкасских. Известный русский государственный деятель: при Петре I – сибирский губернатор (1719–1724); при Анне Иоанновне (1730–1740) – один из трёх кабинет-министров; с 1740 г. – канцлер Российской империи. Мария Кантемир называла его в своих письмах «Черепаха» за медлительность, неспешность и нерешительность.

в мучительную тягость. Нельзя назвать это поступок безответственным, так как он прекрасно понимал, что такого рода отношения на расстоянии и на протяжении 10 лет не имели не только никакой душевности, но и никакой перспективы. А о любви речь не шла никогда, помолвка изначально носила договорной характер, с материально-имущественным субстратом, брак по интересу. И хотя Варвара Алексеевна слыла самой богатой невестой России, ей было уже за 30 лет, и семья (в первую очередь мать) прекрасно понимали, что вопрос о замужестве надо решать как можно быстрее. Спустя три месяца после смерти отца, 28 января 1743 г., В.А. Черкасская в одночасье была выдана замуж за графа Петра Борисовича Шереметьева (26.02/09.03.1713 – 30.11/11.12.1788) и впоследствии прожила красивую семейную жизнь.

Другими словами, Антиох Кантемир искренне и откровенно писал любимой сестре о том, что ему семья не нужна, а в это же время он был увлечен простой девушкой невысокого аристократического происхождения. Помимо этого, влечение перешло в совместное проживание и рождение двух детей. В своих последних письмах к Марии нигде не встречается даже упоминание о его тайной семье. Все письма наполнены волнениями и просьбами о возможности поправить здоровье в Италии и как можно скорее вернуться домой. Вполне возможно, что он стеснялся признаться сестре в своих искренних чувствах, так как опасался, что родственники не поймут его и не позволят внебрачные отношения. Но, с другой стороны, возникает вопрос, как Антиох собирался решить вопрос с содержанием и воспитанием детей на расстоянии, если он не планировал их забрать с собою в Россию, а в Париже он еле-еле сводил концы с концами и, как известно, оставил огромные долги, включая за жилье (шесть месяцев оплаты).

Вероятно, он был очень привязан к детям и искренне, по-отечески их любил. Даже строил планы о перевозе тайной семьи на родину [14,

с. 327]¹, но прекрасно понимал, что никогда не сможет официально жениться, так как девушка Ангелберта не вписывалась в высокий статус происхождения его семьи. Ни его три старших брата, состоящие в браке, ни тем более незамужняя сестра не имели детей. Антиох прекрасно понимал, что у большой семьи Кантемир не было наследников, род пресекался. К сожалению, мы не располагаем источниками, когда и в каком году родились дети, известно только, что один ребенок был сын и назван он был в честь отца или дяди Антиохом. Зная, что у ребенка всю жизнь будет статус незаконнорожденного, вполне правдоподобно, что он дал имя своему сыну Антиох, чтобы он гордо и достойно носил его как представитель почтенного и величественного рода Кантемир.

Удивляет в этой непростой, но вполне реальной житейской истории неопределенная и невразумительная позиция Антиоха Кантемира по отношению к своей тайной парижской семье в завещании, в котором говорится только о трех законных наследниках – сестре и братьях. В п. 4 он подчеркивает, что наследниками «признаю по себе...в движимом...и недвижимом никого другого, кроме сестры моей княжны Марии князь Дмитриевой дочери, и двух братьев моих князь Матвея и князь Сергея князь Дмитриевых детей» [3, с. 341, 348]. В п. 22 завещания Антиох четко и ясно подчеркивает, что «духовную в оригинале отправить к моим трем наследникам» [3, с. 353].

Антиох Кантемир не преминул указать в своем завещании камердинера (Якопа Жансона), лекаря (Легрейна), всех своих слуг [3, с. 354]²,

---

¹ «В 1741 году Антиох Кантемир еще не получил подтверждения о возвращении домой, но уже предусмотрительно подыскивал себе жилье в Петербурге. Сведения об этом находим в депеше от 3/14 ноября 1741 Эд. Финча к лорду Гаррингтону (Ed.Finch to the right honourable lord Harrington) „ Два-три дня тому назад я из источника довольно верного, но не официального...слышал, будто в течении настоящей зимы предвидется несколько перемещений русских представителей при иностранных дворах...Князь Кантемир недавно писал сюда и просил приискать ему помещение в Петербурге». См.: [14, с. 327].

² «26. Якопию Жансону, моему камердинеру, который служит мне с 1723 года, оставляю все мое платье богатое и простое, какового звания ни было, и все мое

а относительно тайной семьи в Париже нет нигде четкой и ясной правовой оценки имущества, которое он им оставляет. Можно допустить, что он никоим образом не мог упомянуть свою сожительницу Ангельберту, чтобы не ослабить и не опорочить благочинную репутацию семьи Кантемир, но удивляет, что он не осмелился ввести в наследство двух своих незаконнорожденных детей. По тем временам побочные дети Антиоха, естественно, не могли быть прямыми, законными наследниками, но могли наследовать завещанное им имущество.

Только в междустрочии можно догадаться и предположить, что часть денег и имущества должно остаться в Париже, следовательно, для семьи. В частности, в п. 11 говорится о его огромных долгах в Париже, но и о задолженности перед ним Государственной коллегии иностранных дел, которые должны покрыть его задолженности и еще часть денег остаться: «Следовательно теми деньгами, которые от Ея Императорского Величества Высочайшей милости, так в жалованье как и в другое награждение мне принадлежит, долги мои здешние гораздо оплатить можно, и надеюсь, что из них будет в остатке» [3, с. 350–351]¹.

В п. 23 завещания говорится о том, что после оплаты всех долгов должно остаться 20 000 франков, которые необходимо будет отдать

белье (выключая постельное) сиречь рубашки с тонкими и средними кружевами, а которые без кружев, душегрейки, галстуки, колпаки, и протчее, которым должен будет располагать по своему желанию. А сверх того деньгами дать ему триста рублей, то есть тысячу пятьсот франков. И понеже лакей мой Легрейн прилежно за мною смотрит в моей болезни, то сверх жалования его, выдать ему двадцать луидоров. 27. Между другими моими служителями понеже ни одного старого и при мне заслуженного не имею то довольно будет, уплата должное им жалованье, выдать еще сверх того по два месяца их окладу от первого до последнего» [3, с. 354].

¹ «Но при том я имею в Париже и долги, а именно Банкеру Исаху Вернету по сие число да в городе в разных лавках сумму, которая чаю десять тысяч франков не превзойдет, и служителям в доме другую сумму, которого всего долгу роспись душеприказчики мои соберут. С другой стороны Государственная Иностранных дел Коллегия мне должна по меньшей мере 6710 рублей 43 копейки за наем двора на три года и девять месяцев; пять тысяч рублей жалованья прошлого года; да другие пять тысяч на настоящую треть с Генваря да Май месяц. Буде Ея Имп-о Вел-о не соизволит из своего великодушия, что либо определить для переносу моего тела отсюда в отечество и моих уборов, которое великодушие ко всем протчим Российским Министрам умершим в чужих краях показано» [3, с. 350–351].

Исааку Вернету¹, «чтоб он их поставил, где заблагоизобретет, в каком либо банке, чтоб с них получать с начала вечного дохода (enrentesperpetuelles) по тысячь ефимков в год; а со временем, когда нужда потребует, то оборотить те вечные доходы в доходы по смерти (называемые по французски rentesviagiges), которым так капиталом, как и доходом он учинит то употребление, о котором мы с ним согласились» [3, с. 353].

Исаак Вернет, как известно, был не только банкир, но и один из душеприказчиков Антиоха Кантемира в Париже, с которым он, наверняка, обсуждал в деталях все свои денежные дела для верной юридической формулировки и правильного финансового оформления в завещании (Ibidem)².

В.Я. Стоюнин в своем двухтомном исследовании «Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира» писал: «Последние дни жизни Антиох посвятил на исполнение христианских обязанностей – исповедовался у посольского священника, а светлое воскресенье слушал обедню и причащался...на третий день уже не мог явиться в церковь...он так же не забыл и своих домашних дел и позаботился написать завещание, в котором отказывал все свое имение сестре Марии и братьям Матвею и Сергею³...Он также предварительно обеспечил и двух своих детей, прижитых им в Париже без церковного брака от связи какой-то дамою» [17, CVIII].

---

¹ Французский банкир Isaac Vernet (1700–1773).

² «Покорно прошу, чтоб Господин Борио Министр Дюка Гвастальскаго, Ея Императорского Величества посольства, секретарь Генрих Грос и Парижский Банкер Господин Исаак Вернетъ хотели принять на себя быть моими душеприказчиками, которым в таком случае даю полную власть и силу, сию мою духовную в действо произвести, и недопустить, чтобы какая отмена в ней учинина была» [3, с. 353].

³ В данном контексте обращает также внимание, что Антиох ни словом не обмолвился о своем брате Константине Дмитриевиче и сводной сестре Екатерине-Смарагде.

О том, что Антиох Кантемир обеспечил незаконную семью и мать своих двух детей¹, француженку Ангельберту, а остальное имущество распределил между сестрой и братьями Матвеем и Сергеем писали и другие биографы – И.И. Шимко [19, с. 320–322] и А. Шалыгин [18, с. 472]. Эта информация встречается в большинстве публикаций, но, к сожалению, никто из авторов не опирается на документальный материал эпохи.

Для воссоздания относительно реальных событий и сбора достоверной информации о тайной семье Антиоха в Париже мы обратились к неопубликованным письмам из корреспонденции между душеприказчиками из Парижа и его семьей из России. В данных посланиях-уведомлениях о состоянии и ведении дел Антиоха после его смерти нами были обнаружены уникальные сведения.

В частности, из письма Генриха Гроса от 16/5 сентября 1745 мы узнаем о том, что у Антиоха Кантемира в Париже был сын (наследник!). Письмо было написано спустя несколько дней после смерти ребенка и, судя по срочности, душеприказчик спешил сообщить семье об этом глубоко трагическом событии. Письмо было получено спустя две недели, о чем говорит пометка в верхнем левом углу письма: «Получено сентября, 29 дня 1745 г.»²

«Светлейшие князья князь Матвей и князь Сергей Димитриевичи, да княжна Мария Дмитриевна, Премилостивые государи мои: Настоящим листом всепокорноваших светлости **уведомляю, что 13/2 сентября, оставшийся молодой сын Антиох, покойного Государя братца Вашего также умер, которым образом по определению изустному (Sic!) Князя Антиоха Дмитриевича вам будут возвращены**

---

¹ «От этой связи Кантемир имел 2 детей, которые умерли в младенчестве» [19, с. 320–322].

² Неизвестно, чьей рукой дописано и помечено. Предполагаем, что это почерк или Марии, или Сергея Кантемир, так как в первую очередь они вели всю переписку с душеприказчиками Антиоха из Парижа.

четыре тысячи рубли, которые по силе духовной вы присылали к Господину Вернету. Ежели однакож из той суммы щедро изволите какую-либо часть оставить бедной девице Англберте, я чаю что в том вы милостину подаете. Я со всегдашним своим совершенным преданством и респектом пребываю Ваших светлостей. Из Парижа, сентября 16/5 1745. Нижайший слуга Генрих Грос» [11, л. 55–55 об.]¹.

Во-первых, обращает внимание, что Генрих Грос обращается ко всем трем законным наследникам Антиоха Кантемира – двум братьям и сестре, а не к одному из них. Это говорит о том, что все трое были хорошо осведомлены о том, что в Париже есть дети младшего брата. Во-вторых, подчеркивается, что между ними была устная договоренность о содержании детей. Возможно, как мы отмечали ранее, Антиох не упомянул своих незаконнорожденных детей официальными наследниками, чтобы не опорочить честь и достоинство семьи своим нечестивым по тем временам поступком. В-третьих, на основании устной договоренности брата и сестра Антиоха должны были обеспечить семье в Париже 4 000 р., которые «по силе духовной» они присылали банкиру Вернету, одному из душеприказчиков, а он должен был позаботиться, чтобы эти деньги дошли до детей. В-четвертых, Генрих Грос просит Марию, Матвея и Сергея все же часть денег «оставить бедной девице Англберте» как бы в качестве милостыни.

Эта просьба явно говорит о том, что после смерти сына остался еще ребенок и смеем предположить, это была девочка. Естественно, что сын Антиоха и назван был его именем, потому что в этот период времени ни у кого в семье Кантемир не было детей. Антиох Кантемир видел в своем незаконнорожденном сыне единственного кровного наследника по мужской линии в роду Кантемир. Из текста письма четко

---

¹ Копия [12, л. 8].

и ясно понятно, что о ребенке Антиох Кантемир заботился и беспокоился о его будущем. Он не мог завещать свои имения в России малолетним детям, рожденным вне официального, церковного брака (благословленного), но прекрасно понимал, что, оставив свое имущество самым дорогим и близким родственникам, братьям Матвею и Сергею, и особенно большую часть своей любимой сестре Марии, они никогда не оставят его детей без обеспечения.

Большую роль в этом предусмотрительном и дальновидном плане Антиоха Кантемира играли и его душеприказчики, которых он назначил как во Франции, так и в России с условием, чтобы они поддерживали связь и взаимодействовали. В своем завещании он писал: «Покорно прошу, чтоб Господин Борио Министр Дюка Гвастальскаго, Ея Императорского Величества посольства, секретарь Генрих Грос и Парижский Банкер Господин Исаак Вернетъ хотели принять на себя быть моими душеприказчиками... Для порядочного исполнения сей моей духовной в том, что касается имения моего в России, покорно прошу тайного действительного советника, кавалера святого Андрея и прочая, князь Никиту Юрьевича Трубецкого¹, истинного и древнего моего друга» [3, с. 353]. Душеприказчиками Антиох призвал быть своих близких друзей, которым он доверял и верил, что они обязательно неукоснительно исполнят его волю и поручения: «в таком случае даю полную власть и силу, сию мою духовную в действо произвести, и недопустить, чтобы какая отмена в ней учинена была» [3, с. 353–354].

Завещание Антиох писал, когда ему было неполных 36 лет, будучи, казалось, молодым мужчиной, в расцвете сил. В действительности, он был изможден и обессилен морально и физически долгой, изнурительной и мучительной болезнью, долгами, многолетней разлукой с семьей.

---

¹ Никита Юрьевич Трубецкой впоследствии будет душеприказчиком Марии Кантемир.

За несколько месяцев до смерти (5/16 января 1744) Антиох писал графу А.П. Бестужеву-Рюмину¹ с глубоким отчаянием: «...остатки моего дряхлого здоровья могут совсем изнуриться и к прочим болезням присовокупить чахотку...понеже я истинно в 12 лет министерства ни одной копейки еще накопити не мог, и долги чуть ли не превосходят мое имение» [9, с. 201].

Он не был даже в состоянии сам писать завещание, диктовал его своему секретарю Генриху Гросу. 10/21 марта 1744 г. Антиох собственноручно подписал духовную, а через 10 дней, 31 марта «в субботу, на святой неделе, призывая имя Божье крестным знамением, скончался» [1, с. 3]. Трудно представить, в каком подавленном душевном состоянии был Антиох и, вероятно, он до последнего вздоха верил, что все же сумеет восстановиться. Вполне возможно, этим объясняется непоследовательность и правовая неопределенность завещания в отношении своих незаконнорожденных детей, которых он, наверняка, искренне любил и беспокоился о них.

Однако все же несомненным является то, что родные в России знали о тайной семье Антиоха в Париже и он, наверняка, заранее обсуждал и оговаривал с ними различные варианты в будущем. Помимо письма Генриха Гросса, в котором говорится о смерти сына, сохранилось еще несколько фрагментов писем, свидетельствующих о том, что братья и сестра неукоснительно выполняли заветы Антиоха по отношению к его детям.

В частности, подтверждением служит письмо Сергея Кантемира к банкиру Вернету от 11 февраля 1746 г., в котором он подтверждает обязательство от себя лично, брата Матвея и сестры Марии «об отдаче из банковской суммы четвертой части пяти тысяч лир денег Англберте»

---

¹ Алексей Петрович Бестужев-Рюмин (22.05/1.06 – 10/21.04.1766) – русский государственный деятель и дипломат, канцлер Российской империи при императрице Елизавете Петровне.

[12, л. 5]. Речь идет о довольно внушительной сумме от проданных «в Париже после покойного брата вещи» [12, л. 5].

Обращается Сергей Кантемир к Вернету с особым почтением и уважением: «Высокородный советник, Государь Мой» [12, л. 5]. Далее он сообщает о том, что принимает самостоятельно решение, так как брат Матвей и сестра Мария в отъезде «в своих далеких деревнях» [12, л. 5]. Помимо этого, Сергей оговаривает, что для «смертного переноса тела (Антиоха – Л.З.) и всякие здешние расходы» были в основном покрыты им совместно с братом Матвеем, а расходы сестры Марии они «на себе взяли, не потребляя сестре свою ни до каких платежей и расходов» [12, л. 5–5 об.]. Поэтому $\frac{3}{4}$ денег из проданных вещей Антиоха принадлежит им, а $\frac{1}{4}$ – Ангелберте: «почему помянутой суммы три части надлежит к нам переслать, а четвертую часть по силе прежнего к государям душеприказчикам от нас письма отдать девице Англберте без дальних отлагательств» [12, л. 5 об.].

Из вышеизложенного однозначно говорится о договоренности между семьей Антиоха Кантемира из России с душеприказчиками из Парижа о том, что $\frac{1}{4}$ из суммы проданных вещей принадлежит его внебрачным детям, эти обязательства должны соблюдаться без всяких отсрочек и деньги в обязательном порядке должны быть вручены их матери, «девице Англберте» [12, л. 5].

Сергей также отдельно подчеркивает, что «доставляемые три части переслать: по силе покойного нашего брата установлению ко всем трем оным (наследникам – Л.З.)» [12, л. 5 об.]. Как видно из письма Сергея Кантемира к душеприказчику и банкиру Вернету, который занимался продажей имущества Антиоха Кантемира в Париже, подчеркивается и выделяется, что главными наследниками являются он, брат Матвей и сестра Мария. Но в то же время он ясно и выразительно излагает в письме, что по устной договоренности с братом Антиохом (sic!) они, как

наследники, обязаны $\frac{1}{4}$ сумму из проданных вещей отдавать его тайной семье в Париже¹.

Письмо было написано Сергеем Кантемиром 11 февраля 1746 г. в ответ на письмо от 5 января, т. е. спустя четыре месяца после смерти сына Антиоха в сентябре², а это свидетельствует о том, что остался в живых еще один ребенок. В данной ситуации вызывает уважение, что братья и сестра Антиоха Кантемира в качестве официальных наследников никоим образом даже не пытались оспорить устное обязательство перед покойным братом о том, что $\frac{1}{4}$ из проданного имущества во Франции будет принадлежать его тайной семье в Париже.

Спустя несколько месяцев, 11 апреля 1746 г., Сергей Кантемир отправил письмо к банкиру Исааку Вернету, в котором вновь возвращается к вопросу о собственности брата Антиоха в Париже. В самом начале письма он подчеркивает, выделяет и подтверждает отдачу «девице Англберте из банковской суммы четверти части пяти тысяч ливр»

---

¹ «За отсутствием брата моего князь Матвея Дмитриевича; да сестры княжны Марьи Дмитриевны в своих далеких деревнях, принужден я один на приятное Ваше письмо от 05 дня минувшего генваря от господина Вернету об отдаче из банковской (банковской – Л.З.) суммы четвертой части пяти тысяч ливр денег Англеберте по пересылке князь двум братом достойных пятнадцати тысяч (15 000 – Л.З.) ливров без дальних отлагательств при сей чрез свое письмо проси, ибо пересланные деньги к нему господину Вернету три тысячи шестьсот (3.600 – Л.З.) рублей, тако и проданные в Париже после покойного брата вещи, для сочтения банковской суммы, для двух братьев, да смертного переноса тела и всякие здешние расходы: мы на себе сняли, не потребляя сестре свою ни до каких платежей и расходов, но напротив того еще мы же ей сестре от себе здесь дали три тысячи (3000 – Л.З.) рублей, почему помянутой суммы три части ($\frac{3}{4}$ – Л.З.) надлежит к нам переслать, а четвертую часть ($\frac{1}{4}$ – Л.З.), по силе прежнего к государям душеприказчикам от нас письма, отдать девице Англеберте! (Sic!), без дальних отлагательств буде же господин Вернет по сему всему будет сомневаться, то я покорно прошу, оставя из помянутой той суммы, четвертую часть для отдачи девицы Англеберте. Достальные три части переслать:/ по силе покойного нашего брата; установления:/ ко всем трем, а мы во оных деньгах здесь можем яко братья разобратся, вот о чем господина Вернета обещано генеральныя щеты (счета – Л.З.) всего наследства и всей банковской суммы [...]. Из Москвы 1746 году. Февраля 11 дня

Вашего Высокоблагородия. Покорный слуга, Князь Сергей Кантемир [роспись]» [12, л. 5–5 об.]

² «Из Москвы 1746 году. Февраля 11 дня. Вашего Высокоблагородия Покорный слуга Князь Сергей Кантемир» [12, л. 5 об.]

[12, л. 12]. Одновременно Сергей Кантемир настоятельно напоминает Исааку Вернету о том, что вся проданная собственность Антиоха принадлежат семье в России: «также все проданные в Париже после покойного брата вещи были наши двух братьев и сестры нашей» [12, л. 12]. Он так же оговаривает, как и в предыдущих посланиях, чтобы после вычета $\frac{1}{4}$ из суммы для «девицы Англберте» душеприказчик обязательно $\frac{3}{4}$ части денег «по силе покойного брата нашего установления переслал ко всем трем, а мы здесь в тех деревнях яко братья разобратся можем» [12, л. 12].

Письма Сергея Кантемира свидетельствуют о том, что он был главным и ответственным за ведение в семье всех имущественных и финансовых дел покойного брата Антиоха Кантемира. Он тщательно и аккуратно вел переписку с душеприказчиками из Парижа и координировал все денежные вопросы, связанные с продажей имущества Антиоха. Каждый раз в письмах Сергей обстоятельно оговаривал, что $\frac{1}{4}$ всего проданного имущества остается «девице Англберте», а $\frac{3}{4}$ части должна быть выслана в Россию трем законным наследникам. Помимо всего, Сергей в конце письма напоминает, что ждет от душеприказчиков окончательный «генеральной щет (счет): всего наследства и всей банковской суммы» [12, л. 12].

Обобщая, хотелось бы отметить, что вышеизложенная переписка душеприказчиков из Парижа Генриха Гроса и банкира Венути с братьями Матвеем, Сергеем и сестрой Марией является уникальным письменным источником. Письма свидетельствуют и подтверждают информацию о том, что у Антиоха Кантемира было не простое любовное увлечение, а серьезные отношения, в некотором смысле тайная семья, в которой родилось двое детей. Вероятно, что если бы «девица Англберта» происходила из знатной, родовитой семьи, то, вполне ве-

роятно, что Антиох Кантемир венчался с ней. Однако невысокое происхождение избранницы его сердца не позволили ему оформить официальные отношения.

Но смеем предположить, что, даже будучи не сановной, именной особой, француженка Англберта все же была не простой камеристкой или служанкой. Смеем предположить, что девушка увлекалась живописью, поэзией или театром. Другими словами, француженка была Антиоху интересна не только своей физической привлекательностью и красотой, но и была женщиной, которая могла выслушать, понять и поддержать его.

Не мог Антиох Кантемир, высокообразованный и разносторонний мужчина в зрелом возрасте, занимающий важный социальный статус по происхождению и должности, увлечься женщиной, не соответствующей его интеллектуальному уровню. После долгих лет жизненных разочарований, когда, казалось, Антиох уже отказался от мысли строить семью, он вдруг принимает решение не просто жить совместно с женщиной, но и родить детей. Рождение и забота о внебрачных детях – это был смелый и отважный поступок благородного и достойного человека. Более того, сына он называет именем Антиох, что говорит о том, что все же Антиох Кантемир видел в нем своего наследника, преемника и возлагал на него свои отцовские надежды.

Письма также наглядно демонстрируют, что его семья в России была осведомлена о его тайной семье. Между Антиохом и его братьями Матвеем и Сергеем и сестрой Марией была устная договоренность о том, что они будут заботиться о его детях и никогда не нарушат обещание. Ни в одном из писем они не называют детей по имени, а их мать просто именуют «девица», но в каждом письме к душеприказчикам они настоятельно напоминают, что четвертую часть из доходов от продан-

ного в Париже имущества нужно незамедлительно отдавать матери детей, Англберте. После смерти Антиоха, а потом через полтора года и его сына Антиоха, братья и сестра ни разу не нарушили свои обязанности и не преступили имущественные права детей. Спустя короткое время в письмах говорится о том, что даже после смерти детей Англберта получала «из милости» деньги «4000 рублей...по его (Антиоха – Л.З.) тех двух умерших детей» [12, л. 4]. Эти строки свидетельствуют о том, что, к сожалению, оба ребенка Антиоха Кантемира умерли в младенческом возрасте, но братья и сестра держали свое «устное» обещание покойному брату и не требовали у парижских душеприказчиков отобрать $\frac{1}{4}$ имущественную наследственную массу, завещанную Англберте.

В заключение считаем необходимым отметить, что введение в научный оборот данной корреспонденции позволяют открыть новые, неизведанные страницы из частной жизни Антиоха Кантемира в Париже. Письма свидетельствуют и подтверждают информацию о том, что у Антиоха Кантемира в последние годы жизни были хотя и официально не оформленные, но серьезные отношения, в результате которых родилось двое детей. В некотором смысле у него была тайная семья.

Однако, на наш взгляд, эта группа источников не позволяет рассмотреть многогранную и разностороннюю проблему семьи Антиоха Кантемира. За исключением завещания мы не располагаем документами юридического характера, которые позволили бы в полной мере осветить и воссоздать историю неведомой жизни Антиоха Кантемира в рамках закрытых и неизвестных границ его личного, частного пространства. Будем надеяться, что дальнейшие архивные исследования и новые документальные открытия позволят в будущем ученым комплексно и детально подойти к описанию малоизученной и неизвестной истории частной жизни Антиоха Кантемира.

Список литературы

1. Александренко В.Н. К биографии князя А.Д. Кантемира. – Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1896. – 49 с.
2. Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей. Ч. III. – М.: Тип. Н. Степанова, 1836. – 398 с.
3. Беер Г.З. История о жизни и делах молдавского господаря князя Константина Кантемира, сочиненная Санкт-Петербургскою Академиею Наукъ покойным профессором Бееромъ съ российскимъ переводомъ и съ приложениемъ родословия князей Кантемировъ. – М.: Университет. тип., у Н. Новикова, 1783. – 408 с.
4. Глеб М.В. Эпистолярное наследие как источник для изучения имперской идеи в Великобритании в последней трети XIX в. // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып. 1 / рэдкал.: С.М. Ходзі. – Мінск, 2002. – С. 187–191.
5. Журнал Академии наук переводчика Ивана Ильинского. *Notationes quotidianae*. 1721–1730 // Майков Л.Н. Материалы для биографии князя Антиоха Кантемира. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1903. – С. 295–313.
6. Майелларо Д. Переписка князя А.Д. Кантемира с сестрой Марией на итальянском языке. 1734–1744 // Русско-итальянский архив / сост. Даниэла Рици и Андрей Шишкин. – Салерно, 2002. – С. 25–78.
7. Майелларо Д. Переписка кн. А.Д. Кантемира с сестрой Марией. 1740–1744 гг. // *Archivio russo-italiano IV*. – Salerno, 2005. – С. 147–201.
8. Майков Л.Н. Княжна Мария Кантемирова // Русская старина. – М., 1897. Т. 89. Январь. С. 49–69; Март. С. 401–417; Т. 90. Июнь. С. 425–451; Т. 91. Август. С. 225–253.
9. Майков Л.Н. Материалы для биографии кн. А.Д. Кантемира / с введ. и прим. проф. В.Н. Александренко // Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. Т. 73. № 1. – СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1903. – 361 с.
10. Мурзанов Н.А. Словарь русских сенаторов 1711–1917 гг.: материалы для биографий. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. – 735 с.
11. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1374. Оп. 1. Д. 868. Ч. 8.
12. РГАДА. Ф. 1374. Оп.1. Д. 868. Ч. 11.
13. Савелов Л.М. Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию российского дворянства. Изд. 2-е. – Острогжск: типо-лит. М. Ф. Азаровой, 1897. – 204 с.
14. Сборник Императорского Русского исторического общества. – СПб., 1867–1916. 148 т. 1896–1896. – LXIII. – 716 с.
15. Словарь русских светских писателей. Соч. митрополита Евгения. Т. I. – М.: Москвитянин, 1845. – 364 с.
16. Стоюнин В.Я. Русские писатели XVIII–XIX вв. Князь Антиох Кантемир. – СПб.: Изд. И.И. Глазунова, 1867. – Т. I.
17. Стоюнин В.Я. Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира / со ст. и прим. В.Я. Стоюнина, ред. изд. П.А. Ефремова. Т. I. Сатиры, мелкие стихотворения и переводы в стихах. – СПб.: Изд. И.И. Глазунова, 1868. – 462 с.
18. Шалыгин А. Антиох Дмитриевич Кантемир // Русский биографический журнал. Т. 8 доп., изд. С.-Петербур. имп. Русским ист. о-вом под наблюдением его председателя А.А. Половцева. – СПб.: Тип. гл. управления уделов, Моховая, 40, 1897. – С. 465–473.
19. Шимко И. Новые данные к биографии князя Антиоха Кантемира и его ближайших родственников. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1891. – 391 с.

20. Шумейко М.Ф. Переписка как исторический источник и особенности ее сохранения и публикации // Крыніцазнаўства, археаграфія, архівазнаўства ў XX–XXI ст. у Беларусі: зб. навук. артыкулаў, прысвечаных 100-годдзю з дня нараджэння М.М. Улашчыка / рэдкал. С.М. Ходзін. – Мінск, 2007. – С. 172–183.

References

1. Aleksandrenko V.N. *K biografii knjazja A.D. Kantemira* [To the biography of Prince A.D. Cantemir]. – Warsaw: Tipografija Varshavskogo uchebnogo okruga, 1896. – 49 p.

2. Bantysh-Kamenskij D.N. *Slovar' dostopamjatnyh ljudej, chast' III* [Dictionary of memorable people, part III]. – Moscow: Tipografija N. Stepanova, 1836. – 398 p.

3. Beyer G.Z. *Istorija o zhizni i delah moldavskogo gospodarja knjazja Konstantina Kantemira, sochinennaja Sankt-Peterburgskoj Akademijeju Nauk pokojnym profesorom Beerom s rossijskim perevodom i s prilozheniem rodoslovija knjazej Kantemirov* [The story of life and deeds of the Moldavian ruler, Prince Constantin Cantemir, composed in the St. Petersburg Academy of Sciences by the late Professor Beyer with a Russian translation and with an appendix of the genealogy of the princes Cantemir]. – Moscow: V universitetskoj Tipografii, u N. Novikova, 1783. – 408 p.

4. Gleb M.V. *Jepistoljarnoe nasledie kak istochnik dlja izuchenija imperskoj idei v Velikobritanii v poslednej treti XIX v.* [Epistolary heritage as a source for the study of the imperial idea in Great Britain in the last third of the XIX century] // *Krynicaznaŭstva i specyjal'nyja gistorychnyja dyscypliny. Vyp. 1* [Source studies and special historical disciplines] / ed.: S. M. Hodzi. – Minsk, 2002. – P. 187–191.

5. *Zhurnal Akademii Nauk perevodchika Ivana Il'inskogo. Notationes quotidianae. 1721–1730* [Journal of the Academy of Sciences of the translator Ivan Ilyinsky. Notationes quotidianae. 1721–1730] // Majkov L.N. *Materialy dlja biografii knjazja Antioha Kantemira* [Materials for the biography of Prince Antiochus Cantemir]. – Saint Petersburg: Tipografija Imperatorskoj Akademii Nauk, 1903. – S. 295–313.

6. Majellaro D. *Perepiska knjazja A.D. Kantemira s sestroj Mariej na ital'janskom jazyke. 1734–1744* [Correspondence of Prince A.D. Cantemir with his sister Maria in Italian. 1734–1744] // *Russko-ital'janskij arhiv. Sostaviteli Danijela Rici i Andrej Shishkin* [Russian-Italian Archives. Compiled by Daniela Ritz and Andrey Shishkin]. – Salerno, 2002. – P. 25–78.

7. Majellaro D. *Perepiska kn. A.D. Kantemira s sestroj Mariej. 1740–1744 gg.* [Correspondence of Prince A.D. Cantemir with sister Maria. 1740–1744] // *Archivio russo-italiano IV.* – Salerno, 2005. – P. 147–201.

8. Majkov L.N. *Knjazhna Marija Kantemirova* [Princess Maria Kantemirova] // *Russkaja starina* [Russian antiquity]. – Moscow, 1897. Vol. 89. January. P. 49–69; March. P. 401–417; Vol. 90. June. P. 425–451; Vol. 91. August. P. 225–253.

9. Majkov L.N. *Materialy dlja biografii kn. A.D. Kantemira. S vvedeniem i primechanijami prof. V.N. Aleksandrenko* [Materials for the biography of the prince A.D. Cantemir. With an introduction and notes by prof. V.N. Aleksandrenko] // *Sbornik Otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti Imperatorskoj akademii nauk* [Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences]. – Vol. 73. – № 1. – Saint Petersburg: Tipografija Imperskoj akademii nauk, 1903. – 361 p.

10. Murzanov N.A. *Slovar' russkih senatorov 1711–1917 gg.: materialy dlja biografij* [Dictionary of Russian Senators of 1711–1917: materials for biographies]. Saint Petersburg: OOO "Dmitrij Bulanin", 2011. – 735 p.

11. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (dalee – RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts (hereinafter – RGADA)]. F. 1374. Op. 1. D. 868. Part 8.

12. RGADA. F. 1374. Op.1. D. 868. Part 11.

13. Savelov L.M. *Bibliograficheskiy ukazatel' po istorii, geraldike i rodosloviju Rossijskogo dvorjanstva. Izdanie vtoroe* [Bibliographic index on the history, heraldry and genealogy of the Russian nobility. Second edition]. – Ostrogozhsk: tipo-lit. M. F. Azarovoj, 1897. – 204 p.

14. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshhestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. – Saint Petersburg, 1867–1916. 148 vol. 1896/96. – LXIII, 716 p.

15. *Slovar' russkih svetskih pisatelej. Sochinenie Mitropolita Evgenija* [Dictionary of Russian secular writers. Composition of Metropolitan Eugene]. – Vol. I. – Moscow: Moskvitjanin, 1845. – 364 p.

16. *Stojunin V.Ja. Russkie pisateli 18-19 vv. Knjaz' Antioh Kantemir* [Russian writers of the 18th-19th centuries. Prince Antiochus Cantemir]. – Saint Petersburg: Izdanie I.I. Glazunova, 1867. Vol. I.

17. *Stojunin V.Ja. Sochinenija, pis'ma i izbrannye perevody knjazja Antioha Dmitrievicha Kantemira. So stat'joj i primechanijami V.Ja. Stojunina, redakcija izdanija P.A. Efremova. Vol. I. Satiry, melkie stihotvorenija i perevody v stihah* [Works, letters and selected translations of Prince Antiochus Dmitrievich Cantemir. With an article and notes by V.Ya. Stoyunin, edited by P.A. Efremov. Vol. I. Satires, small poems and translations in verse]. – Saint Petersburg: Izdanie I.I. Glazunova, 1868. – 462 p.

18. *Shalygin A. Antioh Dmitrievich Kantemir* [Antiochus Dmitrievich Cantemir] // *Russkij biograficheskiy zhurnal, tom 8 dop., izdannyy Sankt-Peterburgskim Imperatorskim Russkim istoricheskim obshhestvom pod nabljudeniem ego predsedatelja A.A. Polovceva* [Russian biographical journal, volume 8 additional, published by the St. Petersburg Imperial Russian Historical Society under the supervision of its chairman A.A. Polovtsev]. – Saint Petersburg: Tipografija glavnogo Upravlenija Udelov, Mohovaja, 40, 1897. – P. 465–473.

19. *Shimko I. Novye dannye k biografii knjazja Antioha Kantemira i ego blizhajshih rodstvennikov* [New data on the biography of Prince Antiochus Cantemir and his closest relatives]. – Saint Petersburg: Tipografija V.S. Balasheva, 1891. – 391 p.

20. *Shumejko M.F. Perepiska kak istoricheskiy istochnik i osobennosti ee sohraneniya i publikacii* [Correspondence as a historical source and peculiarities of its preservation and publication] // *Krynicaznaŭstva, arheografija, arhivaznaŭstva ŭ XX–XXI st. u Belarusi: zb. navuk. artykulaŭ, prysvechanyh 100-goddzju z dnja naradzhennja M.M. Ulashchyka / rjedkal. S.M. Hodzin.* – Minsk, 2007. – P. 172–183.

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 94-057.166(049.32)(470)"19"

ГРНТИ 03.21.31: История России Нового времени

DOI 10.35231/25422375_2021_1_127

Е.В. Годовова

Отражение в исторических источниках общественной и частной жизни российской прислуги в пореформенный период. Рецензия на книгу «Прислуга в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.: сб. документов и материалов» / отв. ред. В.А. Веременко. СПб.: Медиапапир, 2020. 184 с.

Представлена рецензия на сборник документов и материалов «Прислуга в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.», изданный в Санкт-Петербурге в 2020 г. под редакцией доктора исторических наук, профессора В.А. Веременко. В сборнике собраны архивные и делопроизводственные документы, материалы периодической печати, воспоминания, художественная литература и иностранные источники, повествующие о положении в обществе и повседневной жизни домашней и общественной прислуги. Рецензируемое издание не только закрывает пробел отсутствия книг об этой категории населения, но и дает возможность проведения исследований на основе опубликованных в нем исторических источников.

Ключевые слова: социальная история, гендерная история, история повседневности, история труда, домашняя прислуга, общественная прислуга.

Elena V. Godovova

**Reflection of public and private life of Russian servants in the post-reform period in the historical sources
Book review: Servants in the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX centuries: collection of documents and materials / chief ed. V.A. Veremenko. SPb: Mediaapir, 2020. 184 p.**

A review of the collection of documents and materials "Servants in the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX centuries", published in St. Petersburg in 2020 under the editorship of Doctor of Historical Sciences, Professor V.A. Veremenko, is presented. The collection contains archival and office-work documents, materials of periodicals, memoirs, fiction and foreign sources telling about the situation in society and the daily life of domestic and public servants. The peer-reviewed publication not only closes the gap in the absence of books about this category of the population, but also makes it possible to conduct research based on historical sources published in it.

Key words: social history, gender history, history of everyday life, labor history, domestic servants, public servants.

Согласно данным всероссийской переписи населения на рубеже XIX–XX вв. работа прислугой (особенно для женского населения) была самой распространённой формой городской занятости. Несмотря на то что женская домашняя прислуга занимала одну из самых низких ступеней в социальной иерархии страны, ежегодно десятки тысяч искательниц счастья из деревни приходили на заработки в город. В научной литературе такая категория населения, как прислуга, практически не изучена, и настоящий сборник в определённой степени не только закрывает этот пробел, но и дает возможность проведения новых изысканий на основе опубликованных в нем исторических источников.

Представленные в сборнике «Прислуга в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.» документы и материалы структурированы по тематическому принципу и подразделяются на следующие части: «Домашняя прислуга», «Общественная прислуга», «Статистические данные», «Законодательные основы положения прислуги», «Повседневность прислуги», «Национальные и религиозные особенности», «Общественные дискуссии о положении прислуги», «Государственные, общественные и частные учреждения для прислуги», «Борьба за свои права». К каждой из частей составитель написал пояснение.

Документы первой части «Домашняя прислуга» дают общую характеристику личности и жизни слуг в целом и отдельных категорий: дворецкого, экономки, горничной, лакея, кухарки, повара, кормилицы, няни, а также дополнительного домашнего персонала (судомойки, истопника, полотера, садовника, кучера и т. д.) [1, с. 8–38].

В разделе «Общественная прислуга» собраны документы и материалы, раскрывающие жизнь низших служащих государственных и общественных учреждений (сторожей, вахтеров, курьеров, буфетчиц),

домовой (дворника, швейцара) и ресторанной (повара, официанта) прислуги, а также носильщиков, полотеров, извозчиков, шоферов, прачек, гладильщиц, денщиков [1, с. 39–82].

Огромный интерес вызывают приведённые в сборнике статистические данные, представленные общероссийскими показателями распределения прислуги по группам занятий и по месту рождения, а также сведениями о количестве и занятиях прислуги в столицах [1, с. 83–90].

В разделе «Законодательные основы положения прислуги» составители разместили проекты документов, так как положение наемной прислуги после отмены крепостного права не регламентировалось никакими общими документами и не контролировалось никакими специально созданными органами [1, с. 91–94].

Характеристика повседневности прислуги содержит документы и материалы о жилищных условиях, семейных отношениях, проведении досуга и праздников, девиантных формах поведения этого слоя населения дореволюционной России [1, с. 95–120].

В разделе «Национальные и религиозные особенности» приводятся сведения о найме и работе прислуги разных этносов и конфессий, а в разделе 7 названы общественные дискуссии пореформенного периода о положении прислуги [1, с. 121–127].

В данном сборнике документов и материалов содержатся исторические источники, раскрывающие работу государственных, общественных и частных учреждений для прислуги (например, организаций по трудоустройству и профсоюзов) (раздел 8), а также документы о том, как прислуга боролась за свои права (раздел 9) [1, с. 128–177].

Вся эта разнообразная тематика представлена архивными данными (РГИА, ГАРФ, Пушкинский дом, ИРЛИ РАН, ОР РНБ), делопроизводственными документами, материалами периодической печати (газета «Новое время», иллюстрированный дамский журнал «Новый

русский базар» и др.), воспоминаниями, художественной литературой и иностранными источниками.

Включенные в сборник фотографии и иллюстрации служат наглядным дополнением к опубликованным документам.

Рецензируемый сборник достойно пополнил документальную базу, без которой невозможно развитие широких исследований по дореволюционной социальной истории.

Список литературы

1. Прислуга в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.: сб. док. и материалов / отв. ред. В. А. Веремченко. – СПб.: Медиа-папир, 2020. – 184 с.

References

1. *Prisluga v Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.: sb. dokumentov i materialov / отв. ред. V. A. Veremenko* [Servants in the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX century: collection of articles. documents and materials/ отв. ed. V. A. Veremenko]. SPb.: Media papyr, 2020. 184 p.

3-482/24
Москва, 13 января 1924 г.

№ 1 (80)

Цена 15 коп.
(вкл. налог.)

КРОКОДИЛ

Рис. Дени.

КРЕСТИНЫ—ОКТЯБРИНЫ—КАЛИНИНЫ.

Крестьяне Тверской губ. Ваталин и Ек-
срина Гравны, не признавшие коммуни-
стический крестик, попросили тов. Калинина быть при-
емным отцом их шестнадцатилетнего сына и
устроить красные крестины.
Из газет.

Новые обязанности Всероссийского старосты.

Обложка с Калининым

К статье Е. В. Диановой

Детский миниатюрный портрет Антиоха Кантемира
из галереи Альбертина (Вена, Австрия), 1750.
Неизвестный художник русской живописной школы.
Портрет атрибутирован Ю.Г. Епатко (Епатко, 2007)*

К статье Л. П. Заболотной

---

* Епатко Ю.Г. Уникальная коллекция великих артистов. Определение персонажей семи миниатюр из собрания М. Ростроповича и Г. Вишневской. Антикварное обозрение. 4 (25). 2007. С. 16–19.

Дом Дмитрия Кантемира, в котором проживала его семья.
Угол Дворцовой набережной и Мраморного переулка, Санкт-Петербург.
Архитектор Бартоломео Растрелли. Дом не сохранился в первоизданном виде

К статье Л. П. Заболотной

Миниатюрные портреты Кассандры Канкакузино и Дмитрия Кантемир – родители Антиоха Кантемира. Неизвестный художник русской живописной школы. Портрет атрибутирован Ю.Г. Епатко (Епатко, 2007)*

К статье Л. П. Заболотной

---

* Епатко Ю.Г. Уникальная коллекция великих артистов. Определение персонажей семи миниатюр из собрания М. Ростроповича и Г. Вишневской. Антикварное обозрение, 4 (25). 2007. С. 16–19.

Сведения об авторах

Владимирски Ирена, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории общественной мысли, Академический колледж Ахва, Израиль; e-mail: irena@achva.ac.il. ORCID ID: 0000-0002-4766-5312

Годовова Елена Викторовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: godovova@mail.ru. ORCID: 0000-0001-5798-3413

Гоппе Анастасия Александровна, аспирант кафедры отечественной истории, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Российская Федерация; e-mail: mazirina91@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-0515-7387

Дианова Елена Васильевна, доцент, доктор исторических наук; доцент кафедры отечественной истории, Институт истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет; e-mail: elena-dianowa@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7661-5181>

Заболотная Лилия Павловна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Национальный музей истории Молдовы; e-mail: lilizab61@gmail.com. ORCID: 0000-0001-9807-5809

Зайцев Семён Викторович, магистрант факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: zaytsev.sem.vic@gmail.com. ORCID: 0000-0003-1329-4143

Коско Данила Александрович, магистрант факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: dkoskoo@gmail.com

Кротова Мария Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; e-mail: mary_krot@mail.ru. ORCID ID: 0000-0001-7948-0251

Щеглова Татьяна Кирилловна, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Российская Федерация; e-mail: tk_altai@mail.ru. ORCID: 0000-0003-2738-414X

About authors

Dianova Elena V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History, Institute of History, Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University; e-mail: elena-dianowa@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7661-5181>

Godovova Elena V., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of Russia, Orenburg State Pedagogical University; e-mail: godovova@mail.ru. ORCID: 0000-0001-5798-3413

Goppe Anastasiya A., Aspirant of the Department of National History Altai State Pedagogical University, g. Barnaul, Russia; e-mail: mazirina91@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-0515-7387

Kosko Danila A., Master Student, Faculty of History and Social Sciences, Pushkin Leningrad State University; e-mail: dkoskoo@gmail.com

Krotova Mariya V. Doctor of Historical Science, Professor, the Department of International Relations, Medialogy, Political Science and History, St. Petersburg State University of Economics; e-mail: mary_krot@mail.ru. ORCID ID: 0000-0001-7948-0251

Shcheglova Tat'yana K., Doctor of Historical Sciences, Professor Altai State Pedagogical University, g. Barnaul, Russia; e-mail: tk_altai@mail.ru. ORCID: 0000-0003-2738-414X

Vladimirski Irena, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the History of Ideas Department Achva Academic College, Israel; e-mail: irena@achva.ac.il. ORCID ID: 0000-0002-4766-5312

Zabolotnaya Liliya P., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, National Museum of the History of Moldova; e-mail: lilizab61@gmail.com. ORCID: 0000-0001-9807-5809

Zaitsev Semen V., Master Student, Faculty of History and Social Sciences, Pushkin Leningrad State University; e-mail: zaytsev.sem.vic@gmail.com. ORCID: 0000-0003-1329-4143

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования Ленинградской области
«ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А.С. ПУШКИНА»

приглашает Вас к сотрудничеству в **новом научном журнале**

«ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ»

История повседневности стала в последние годы одним из ведущих направлений изучения отечественного и зарубежного прошлого. Актуальность данного направления определяется, во-первых, междисциплинарным подходом к анализу исторических проблем, что находит свое проявление в широком использовании методов этнологии и антропологии, демографии и политологии, экономики, психологии и филологии. Во-вторых, актуальность истории повседневности обусловлена особым вниманием к человеку, его обыденным проявлениям во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах, что способствует преодолению схематизма и упрощения в процессе познания истории.

К публикации в научном журнале **«История повседневности»** принимаются оригинальные (ранее не публиковавшиеся) научные статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов данного направления исторической науки:

- теория и методология истории повседневности;
- историография и источники по истории повседневности;
- событийная область публичной повседневной жизни отдельных людей и социальных групп;
- производственный быт и повседневность труда;
- экономическая повседневность в условиях мирного и военного времени;
- экстремальная, военная, революционная повседневность;
- аномальная повседневность;
- праздничная повседневность;
- влияние государственной политики на повседневную жизнь людей;
- международные отношения и их влияние на повседневную жизнь населения той или иной страны;
- общественное сознание и повседневная жизнь;
- эмоциональная сторона событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей;
- обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле;
- гендерная история, история семьи и детства;
- этно-конфессиональный аспект истории повседневности;
- проблемы макро- и микро- истории.

На страницах научного издания (журнала) найдут свое место также информация о конференциях и других научных мероприятиях, затрагивающих проблемы повседневности и проходящих в разных регионах нашей страны и мира, комментированные публикации источников, рецензии и отзывы. Мы рассчитываем, что данный журнал станет посредником и организатором многочисленных научных дискуссий, объединив тех, кто активно занимается или только приступает к освоению проблем истории повседневности.

Редакция журнала принимает к рассмотрению рукописи на русском или английском языках **объемом от 0,5 до 1,0** печатного листа (электронная версия обязательна). С текстом статьи необходимо предоставлять один экземпляр внешнего отзыва, заверенного печатью организации, дающей отзыв.

Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

Правила оформления материалов:

НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ в статье должны быть указаны **УДК**, название статьи, аннотация (800–1000 знаков), ключевые слова (10–12 слов), ФИО авторов (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы или учебы, должность или курс (кафедра, институт, университет), страна, город, адрес служебный/домашний, телефон служебный/домашний, адрес электронной почты.

Компьютерный текст должен быть набран 14 кеглем в редакторе WORD; параметры страницы (поля) 2,0 см; абзац – 1,25; интервал – полуторный; шрифт – Times New Roman; сноски оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страниц [1, с. 21], архивных документов – с указанием листов [2. Л. 3].

Список литературы приводится 14 кеглем в конце статьи **по порядку упоминания в тексте**.

В списке источников и литературы должно быть указано не менее 10 наименований.

В ссылках на книги обязательно указываются издательство и количество страниц, в ссылках на журналы – страницы на которых расположена статья, в ссылках на Интернет ресурсы – дата обращения.

См. образцы:

1. Драке Л.Л. Кадетский быт 50-х годов (отрывочные воспоминания). – СПб.: В. Березовский, 1911. – 32 с.
2. Мельцин М.О. От дворянского происхождения к судьбе советского интеллигента: жизнь и творчество В.Н. Долгорукова (Владиминова) // Новейшая история России. – 2013. – № 3(08). – С. 174–186.
3. Лобанов В.В. Роль труда в опытах физического воспитания В.С. Пирусского // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. – 2013. – № 9(137). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-truda-v-opytah-fizicheskogo-vozpitaniya-v-s-pirusskogo> (дата обращения: 01.12.2015).
4. Институт русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ РАН). (Пушкинский дом). Ф. 15 – Ольги Георгиевны Базанкур. Д. 1.

В конце текста должен быть представлен транслитерированный (в латинице) и переведенный на английский язык библиографический список. Транслитерация должна осуществляться автоматически (можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.net/?account=bsi>).

Порядок написания: **Авторы** (транслитерация); **название статьи** (транслитерация); [**перевод названия статьи на английский язык** в квадратных скобках]; **название русскоязычного источника** (транслитерация); [**перевод названия источника на английский язык**]; **выходные данные** с обозначениями на английском языке (город, издательство); **цифровые данные** (год, страницы).

Пример:

References

1. *Drake L.L. Kadetskii byt 50-kh godov (otryvochnye vospominaniya)* [Cadet Life 50s (fragmentary memories)]. St. Petersburg: V. Berezovskii, 1911. – 32 p.
2. *Mel'tsin M.O. Ot dvoryanskogo proiskhozhdeniya k sud'be sovetskogo intelligenta: zhizn' i tvorchestvo V.N. Dolgorukova (Vladimirova)* [Of noble origin to the fate of the Soviet intelligentsia: the life and work of VN Dolgorukov (Vladimirov)] // *Noveishaya istoriya Rossii* [The modern history of Russia]. – 2013. – № 3(08). – P. 174–186.

Полнотекстовые версии журнала размещаются на сайтах Научной электронной библиотеки и Киберленинки, включены в национальную информационно-аналитическую систему **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования).

Статьи, оформленные в соответствии с указанными требованиями, можно отправить по электронной почте – **E-mail: v.a.veremenko@ya.ru**

Научный журнал

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

№ 1 (17)

На обложке размещена репродукция картины
А. П. Бубнова «Октябрины», 1936 г.,
Ульяновский художественный музей

Редактор *Л. М. Григорьева*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 24.03.2021. Формат 60x84 1/16.

Гарнитура Agial. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 8,5. Тираж 500 экз. Заказ № 1710

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10